

X 629.340

Г 86

ГРОШЕВОЙ Ю.М.

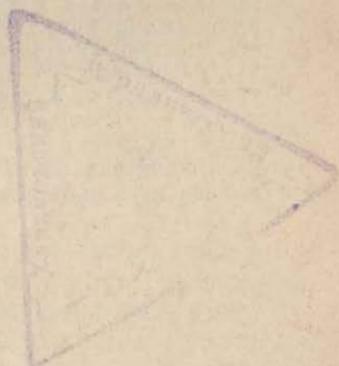
**ПРОБЛЕМЫ
ФОРМИРОВАНИЯ
СУДЕЙСКОГО
УБЕЖДЕНИЯ
в уголовном
судопроизводстве**

1975

Ю. М. ГРОШЕВОЙ

ПРОБЛЕМЫ
ФОРМИРОВАНИЯ
СУДЕЙСКОГО
УБЕЖДЕНИЯ
В УГОЛОВНОМ
СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

*Дорошану Савелю Львовичу
Фундаментальная библиотека
Университета от автора*

код экземпляра 150347

10/10 75г.

ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ „ВИЩА ШКОЛА“
ИЗДАТЕЛЬСТВО ПРИ ХАРЬКОВСКОМ
ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ
Харьков—1975

В монографии анализируются идеологические и социально-психологические основы формирования судебного убеждения. Раскрывается механизм формирования выводов судьи по уголовному делу, соотношение правовоззренческих и этических установок судьи с законностью и обоснованностью приговора, выясняется природа судебных ошибок. Много места отведено анализу судебной практики, конкретно-социологическим исследованиям судебной деятельности.

Рассчитана на научных работников и преподавателей юридических вузов.

Рецензент: Харьковский НИИ судебных экспертиз. Д-р юрид. наук проф. *Л. Е. Ароцкер*.

Редакция гуманитарной литературы.
Зав. редакцией *Г. И. Шинкаренко*

Г 11002—270
М226(04)—75 99—75

ПРЕДИСЛОВИЕ

Выполнение задач, поставленных XXIV съездом Коммунистической партии Советского Союза перед органами, которые ведут борьбу с преступностью, требует повышения эффективности уголовно-процессуальной деятельности. Значительная роль в этом принадлежит науке уголовного процесса. Научные рекомендации, основанные на изучении опыта судебных органов по рассмотрению и разрешению уголовных дел, имеют своей целью, в частности, совершенствование методов судебного познания обстоятельств преступления в строгом соответствии с требованиями закона.

Отмеченное выше прежде всего предполагает разработку вопросов, связанных с постановлением приговора, с его законностью и обоснованностью. Ст. 17 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик указывает: «Суд, прокурор, следователь и лицо, производящее дознание, оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном и объективном рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности, руководствуясь законом и социалистическим правосознанием», а ст. 10 Основ устанавливает, что «судьи и народные заседатели разрешают уголовные дела на основе закона в соответствии с социалистическим правосознанием, в условиях, исключающих постороннее воздействие на судей». Поэтому проблему судейского убеждения можно рассматривать в двух аспектах: в аспекте метода оценки доказательств и в аспекте выяснения факторов, которые формируют убеждение как результат познания по уголовному делу.

В приговоре, как и в любом решении суда, находит выражение коллективное убеждение судей. Вместе с тем представляет значительный теоретический и практический интерес изучение процесса формирования убеждения судьи по профессии при рассмотрении им уголовных дел в первой инстанции. На судью по профессии законом возложена обязанность руководить судебным

разбирательством, а отправление функций правосудия является для него еще и служебным долгом. До настоящего времени в процессуальной литературе не проанализированы достаточно полно факторы, формирующие убеждение профессионального судьи. Между тем исследование этих факторов с точки зрения соответствия их требованиям закона имеет существенное значение для укрепления социалистической законности в уголовном судопроизводстве, позволяет вскрыть причины судебных ошибок и предложить рекомендации, направленные на повышение результативности судейского труда, экономию процессуальных средств в судебном исследовании, усиление гарантий законности и обоснованности при принятии решения по уголовному делу.

Предлагаемая читателю книга не охватывает всех проблем, относящихся к функциональному назначению такой категории, как убеждение судьи. В частности, в ней не освещается роль убеждения в оценке доказательств, поскольку эта проблема требует самостоятельного изучения. В книге рассматриваются лишь основные вопросы, связанные с выяснением роли факторов, формирующих судейское убеждение, анализируется взаимодействие и влияние этих факторов на результат познания по уголовному делу.

Глава первая

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СУДЕЙСКОГО УБЕЖДЕНИЯ И ФОРМИРУЮЩИХ ЕГО ФАКТОРОВ

В процессе отправления социалистического правосудия у судьи формируются три вида убеждения: 1) убеждение как категория правосознания, выражающая уверенность судьи в правильности правовых предписаний, их справедливости; 2) убеждение как выражение личностного отношения судьи к совокупности собранных по делу доказательств с точки зрения возможности принятия по делу решения; 3) убеждение в законности и обоснованности принятого решения. Несмотря на определенную связь названных видов убеждения, они все же характеризуются самостоятельной структурой и имеют свое, присущее им содержание¹.

§ 1. СТРУКТУРА И ПОНЯТИЕ СУДЕЙСКОГО УБЕЖДЕНИЯ

Изучение структуры судейского убеждения относится к числу малоисследованных проблем, которые возникают при анализе принятия судьями решений по уголовному делу. В практическом отношении знание того, как получаемая судьями информация о фактах, входящих в предмет доказывания, преобразуется в их убеждения, решения, необходимо для выяснения места и роли судейского убеждения в осуществлении функции правосудия. Иначе говоря, проблема судейского убеждения — это проблема субъективного фактора в судебной деятельности.

В настоящее время при изучении судейского убеждения и основ его формирования широко используются положения марксистской социологии, психологии, социальной психологии и т. д. [39; 53; 157].

¹ В данной книге речь идет в основном об убеждении как выражении личностного отношения судьи к совокупности собранных по делу доказательств.— Ю. Г.

Л. И. Брежнев в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза охарактеризовал системный анализ как один из методов науки, обогативший теоретический арсенал последней, и рекомендовал более широко его использовать [19, с. 83].

В юридической литературе предпринята плодотворная попытка применить к изучению процессуальных институтов метод системного, в частности, структурно-функционального анализа [21; 58].

Исходя из данного направления научного поиска рассмотрим некоторые вопросы, относящиеся к различным аспектам этой большой проблемы. Прежде всего возникает проблема, которой мы, если учесть нашу тему, можем коснуться лишь в самой общей форме — о правомерности применения к изучению судейского убеждения структурно-функционального анализа и о его возможностях для выяснения сущности понятия.

Убеждение судьи представляет собой разновидность материализованной мыслительной системы, поскольку в гносеологическом плане оно является результатом отражения в сознании события преступления и иных обстоятельств, подлежащих установлению по уголовному делу, опосредуется волевыми действиями и решениями судьи. Судейское убеждение, представляя целостную мыслительную систему (образование), характеризуется определенной структурой, упорядоченностью входящих в нее элементов. Чаще всего под структурой понимают сочетание элементов и связей предмета, организацию системы, которая обеспечивает ее устойчивое функционирование [176; 181; 204]. В такой постановке вопроса структура отрывается от своего объекта и приобретает самодовлеющее значение, что, в принципе, является не совсем правильным. В этой связи заслуживает внимания указание Д. А. Керимова на то, что «структура, во-первых, не может иметь самостоятельное существование вне того объекта, ... содержание которого ею определенным способом цементируется, упорядочивается, и, во-вторых, характер ее построения и изменения непосредственно зависит от природы и закономерностей развития данного объекта» [74, с. 313].

Убеждение представляет собой определенное состояние сознания, в основе которого лежат знания, полученные при рассмотрении уголовного дела, профессиональные знания, социальная позиция (направленность) судьи. Взаимодействие этих элементов образует возникновение судейского убеждения, определяет его содержательную сторону.

Как и в каждой целостной системе, элементы, входящие в структуру судейского убеждения, преобразуются, теряют неко-

торые свойства, присущие им до вхождения в систему, и приобретают новые качества. Таким образом, особенностью судейского убеждения как целостной системы является наличие в ней системных качеств, не сводимых к простому сложению образующих элементов.

Другой важной особенностью судейского убеждения является то, что оно функционирует в результате взаимодействия элементов, входящих в состав системы, вследствие чего возникают системные качества, которые характеризуют убеждение судьи.

И, наконец, все компоненты, образующие судейское убеждение, внутренне организованы, специфически между собой связаны, находятся в определенном взаимодействии. Для них, как и для любой системы, характерны связи координации (взаимозависимости, взаимообусловленности) и субординации (соподчиненности), указывающие на особое место отдельных элементов в структуре убеждения.

Каждый из компонентов судейского убеждения, образуя вместе с другими определенное единство и цельность убеждения, вместе с тем играет свою специфическую роль в его формировании (имеет свою специфическую функцию), по-своему, по-особенному входит в судейское убеждение, т. е. отвечает преимущественно не за все, а за определенные черты, свойства целого, взаимодействуя при этом в непосредственной или опосредствованной связи с другими элементами. В этом взаимодействии, как правило, нет однозначной причинной зависимости — последняя имеет всесторонний, глубокий, многогранный характер.

В общем плане обращает на себя внимание следующее обстоятельство. Речь идет о возможности дать типологическую структуру судейского убеждения, отвлекаясь от своеобразия процесса его формирования и выражения у судьи по конкретному уголовному делу. Когда мы конструируем понятие судейского убеждения, то берем только существенные свойства данного понятия, «схватываем» основные его черты, отвлекаясь от специфического пути его формирования по конкретному уголовному делу. Поэтому при изучении структуры судейского убеждения нужно сначала выделить ее общие элементы, а затем от последних перейти к особенному и единичному их выражению в конкретной ситуации, возникающей по уголовному делу.

Убеждение судьи представляет собой факт сознания. В процессуальной деятельности судьи раскрываются его познавательные способности, активность сознания в изучении события преступления.

Важная особенность сознания, которую отметил С. Л. Рубинштейн, заключается в том, что оно представляет собою единство

знания и переживания, познавательного и аффективного. Явления сознания выражают не только адекватные знания об окружающем мире, но и отношение к нему. В сознании фиксируется, отражается объективная действительность, имеющая актуальный для субъекта познания характер [175].

«Способ, каким существует сознание,— указывал К. Маркс,— и каким нечто существует для него,— это *знание*» [1, с. 633].

Характеризуя сознание как процесс, совершающийся через соотношение полученных при взаимодействии субъекта с объективной действительностью непосредственных данных, С. Л. Рубинштейн отмечает, что в этом прежде всего глубоко выражается общественная обусловленность человеческого сознания. «Индивидуальное сознание человека, то есть сознание человека-индивида, всегда есть общественный продукт» [175, с. 150]. Поэтому при исследовании проблемы структуры судейского убеждения четко прослеживаются две тенденции, являющиеся выражением господствующего в том или ином обществе мировоззрения,— идеалистическая и материалистическая.

Идеалистическая доктрина интерпретирует убеждение судьи так, что вопрос об истинности или ложности результатов судебного познания, а следовательно, и гносеологической сущности последнего полностью исключается из определения этого понятия. Убеждению судьи предписывается лишь функция верования в правильность своих выводов, оно рассматривается как замкнутое в себе образование.

Эта трактовка судейского убеждения нашла обоснование во взглядах родоначальника прагматической философии Ч. Пирса, который понимал под истиной окончательное и принудительное верование.

Ч. Пирс исходил из того, что поскольку в каждом акте познания имеет место сомнение, то верование выступает как качественное и определенное состояние ума, находящее выражение в ощущении чувства покоя и удовлетворенности результатом практических действий человека. В философской концепции Ч. Пирса, как и во всем прагматизме, вообще не ставится вопрос об истинности или ложности результатов познания, которые подменяются окончательным верованием [107, с. 331].

На идеалистическое понимание судейского убеждения известное влияние оказала субъективная психология, в первую очередь взгляды представителей ассоциативной школы психологии (Д. Юм, Д. Милль, А. Бэн, в России — Троицкий), которые объективный мир объявляли психологической конструкцией на основе уверенности субъекта.

Не вникая в подробности развития взглядов буржуазных процессуалистов на проблему судейского убеждения, отметим только, что эти взгляды претерпели эволюцию, характеризующуюся крайним психологизмом, — от утверждения о субъективности внутреннего убеждения (Малинин, Глазер, Гарро, И. Я. Фойницкий, И. Е. Случевский, Л. Е. Владимиров и др.) [47; 104; 214] до объявления внутреннего убеждения фикцией и выдвигания на первый план при принятии решения инстинктов и неосознанных чувств судьи (Д. Фрэнк) или интуитивного жизненного опыта (Р. Паунд, О. Холмс) как тех феноменов, которые единственно определяют характер судейского решения.

Психологизация юридических явлений и понятий вообще, судейского убеждения в частности, является составной частью перехода в эпоху монополистического капитализма от буржуазной демократии к политической реакции во всех сферах общественной жизни, перехода, который характеризуется, как отмечал В. И. Ленин, стремлением буржуазии «избавиться от ею же созданной и для нее ставшей невыносимой законности» [11, с. 16].

Психологизация судейского убеждения, отрыв этой категории от объективной основы — доказательств — является выражением не только крайнего судейского субъективизма, но и свидетельствует о том, что гносеологической основой познания в буржуазной юриспруденции является философия позитивизма и агностицизма. Об этом говорят американские судьи. Судья Хатчесон прямо указывает на то, что он «действительно решает чувством, предчувствием, а не логическим рассуждением» [см. 188, с. 65].

В названном выше аспекте психологизация правовых явлений выступает теоретическим оправданием не только крайнего субъективизма судей, но и субъективизма социального — как теоретической и практической возможности осуждения лиц при отсутствии в их действиях состава преступления, наказания лиц, чьи политические убеждения или политическая деятельность представляют угрозу для буржуазного общества. Примером этого является модная в США правомерия или «предсказывающие» таблицы, цель которых — выявление стандартов и критериев судейской «объективности», влияние идиосинкразических факторов (понимаемых в данном случае как индивидуальная повышенная чувствительность судьи к определенным категориям уголовных дел и личности преступника) на поведение судьи и его решение по делу. Судейская объективность трактуется в узком субъективно-психологическом понимании данной категории. Странники правомерии Р. Шварц, Г. Шуберт считают,

что судья в рамках социально желаемой политики может быть произвольным и не связанным требованиями закона [229].

Не вдаваясь в историю развития проблемы судейского убеждения в советской процессуальной науке [103, с. 84—141], законодательстве и практике уголовного судопроизводства, отметим только, что советские процессуалисты центр тяжести в изучении данного понятия переносят на обоснование судейского убеждения собранными и проверенными в судебном следствии доказательствами. В целом же проблема судейского убеждения ставится как составная, органическая часть более общей проблемы, а именно: об обязанности органов предварительного расследования, прокуратуры и суда устанавливать по каждому уголовному делу объективную истину.

Вместе с тем проблема судейского убеждения и основ его формирования является одной из дискуссионных в теории советского уголовного процесса. Спорность различных точек зрения проявляется уже в том, что нужно понимать под убеждением судьи и какая структура этого понятия.

В этом плане прежде всего нельзя согласиться с мнением В. П. Радькова, Н. Н. Полянского, Л. М. Корнеевой [155, с. 240; 140, с. 31; 72, с. 124], что убеждение не подлежит контролю. В такой постановке вопроса убеждение рассматривается односторонне, в субъективно-«переживательном» плане, тогда как его необходимо исследовать на совершенно ином уровне — объективно-«деятельном» и волевом. Убеждение в субъективно-«переживательном» плане — это безотчетное, импульсивное чувство, вследствие чего оно и не подлежит контролю. Убеждение судьи — не просто его уверенность в правильности выводов по делу, а уверенность, которая имеет своим объективным основанием в судебном разбирательстве доказательства. Нельзя отрывать судейское убеждение от формирующей его основы. В противном случае убеждение превращается в замкнутое в себе образование, иррациональное по содержанию.

И. Д. Перлов, справедливо критикуя указанное положение Н. Н. Полянского, вместе с тем полагает, что «волевое решение — это решение, не основанное на совокупности исследованных доказательств» [129, с. 319]. Эта мысль И. Д. Перлова вызывает возражение. Не следует делить решения в уголовном судопроизводстве на волевые и неволевые. Любое решение судьи является волевым в том смысле, что в нем выражается не только воля законодателя, но и воля судьи применительно к конкретному уголовному делу. Представляется, что волевое решение опосредствуется убеждением и основывается на доказательствах.

Воля судьи, его волевые решения формируются в процессе изучения фактических обстоятельств уголовного дела.

В юридической литературе убеждение обычно рассматривается в связи с оценкой доказательств. Однако среди процессуалистов до сих пор отсутствует единое понимание функционального назначения убеждения в доказывании. Одни понимают его в качестве метода оценки судебных доказательств [200, с. 104], другие — как метод и результат оценки [28, с. 153], третьи считают убеждение и принципом, и методом, и критерием оценки доказательств [191, с. 339; 216, с. 138; 60, с. 44] и, наконец, четвертые трактуют его как способ оценки [112]. В этом плане укажем, что марксистско-ленинская гносеология, характеризуя процесс познания человеком явлений объективного мира — от чувственного созерцания к абстрактному мышлению, рассматривает общественно-историческую практику в качестве критерия истины. Поэтому в любой отрасли человеческого познания практика должна выступать единственной основой и критерием истинности знаний.

По своей сущности убеждение судьи не может являться критерием достоверности выводов по уголовному делу, поскольку объективный критерий («практика») здесь подменяется критерием субъективным, и истинность, скажем, приговора проверяется судьей через его же состояние сознания — убеждение. Принять такую точку зрения — значит перейти на позиции субъективного идеализма.

Исследуя убеждение судьи в рамках оценки доказательств, советские процессуалисты единодушно подчеркивают, что оно не является безотчетным и произвольным чувством, а основывается на совокупности собранных по делу доказательств. Такое понимание структуры судейского убеждения создает правильную исходную позицию для уяснения структуры понятия, но оно не решает проблемы в целом, а потому является узким. Нельзя представлять судейское убеждение таким, в формировании которого не играют своей роли политические, моральные и правовые взгляды судьи, уровень его профессионального мастерства, осознание целей и задач социалистического правосудия, его ценностные установки и ряд других обстоятельств. Такой схематический подход к структуре судейского убеждения игнорирует личность судьи, не учитывает того обстоятельства, что одних доказательств, даже полностью собранных, еще не достаточно для формирования судейского убеждения по делу. Другими словами, исследуя проблему убеждения, нельзя игнорировать личность судьи, у которого это убеждение складывается и который,

опираясь на него, приходит к определенным выводам по уголовному делу.

М. С. Строгович, анализируя данное понятие, подчеркивает, что под ним следует понимать «основанное на правосознании убеждение судьи относительно обстоятельств разбираемого судом конкретного дела, о доказанности или недоказанности фактической стороны дела, о виновности или невиновности обвиняемого и степени его ответственности» [191, с. 334]. В данном определении в структуру судейского убеждения вводится также правосознание судьи (точнее говорить о его профессиональном правосознании). Однако в формировании убеждения судьи участвует не только его правосознание. Неотъемлемым компонентом личности судьи являются знания, не связанные непосредственно с отправлением правосудия, а обусловленные его общественно-политической деятельностью, житейским опытом, которые вместе с правосознанием определяют ценностный подход судьи при рассмотрении уголовного дела. Неправомерно связывать судейское убеждение, как это делает М. С. Строгович, только с установлением фактической стороны (с фактическими знаниями). Судья при вынесении приговора, обсуждении вопросов, подлежащих разрешению в акте социалистического правосудия, должен быть убежден как в правильности предлагаемой им квалификации преступления, так и в правильности установления фактических обстоятельств по делу.

Правильную позицию в этом вопросе занимает А. Р. Ратинов, который считает, что «убеждение... это, во-первых, знание, во-вторых, вера в правильность этого знания и, в-третьих, волевой стимул, побуждающий к определенным действиям» [197, с. 480]. Н. С. Алексеев, развивая дальше приведенную точку зрения, полагает, что «убеждение включает в себя интеллектуальную, эмоциональную и волевою сферу; последняя позволяет быть уверенным в правильности оценки, осуществлять доказывание до пределов, обеспечивающих достоверность при установлении фактов и правильности решения» [205, с. 162]. В этих высказываниях более полно определена структура убеждения.

Однако указанным все же не исчерпывается структура последнего. Прежде всего убеждение судьи как результат познания объективно существовавших фактов — события преступления — включает в себе и субъективные, и объективные элементы.

Субъективное в судейском убеждении выступает не как нечто исключительное и тем самым противостоящее всему объективному, а как психические свойства судьи — субъекта судебного познания и уголовно-процессуальной деятельности.

В чем заключается субъективность судейского убеждения? Во-первых, в том, что оно принадлежит конкретному судье. В формировании убеждения участвуют все стороны психики судьи, его интересы и установки, нравственные идеалы, социальные симпатии и антипатии, уровень мышления, волевые качества, темперамент, свойства характера. Словом, в убеждении преломляются индивидуальные психические качества судьи, которые и придают убеждению определенную эмоциональную окраску. Во-вторых, в том, что результатом познания по уголовному делу является создание не самих фактов, входящих в предмет доказывания, а только их идеального образа. В-третьих, событие преступления и виновность лица, его совершившего, познаются в заданных уголовно-процессуальным законом порядке и пределах, что предполагает индивидуальное восприятие требований закона.

Об объективности судейского убеждения можно говорить в двух аспектах, а именно: 1) как объективном содержании убеждения; 2) в плане независимости результата познания от желания и воли судьи.

Объективность полученных по делу знаний формируется в результате познавательной деятельности и потому имеет относительно независимый характер от личностных установок субъекта познания. Убеждение судьи объективно, поскольку оно формируется в процессе и на основе полного, всестороннего и объективного рассмотрения всех обстоятельств дела в их совокупности и взаимосвязи. В тех же случаях, когда убеждение судьи не основано на доказательствах, исследуемых судом, оно является всего лишь предположением и не может быть положено в основу приговора. Поэтому объективность судейского убеждения связана не только со своей основой, но и с тем, что оно является отражением таких свойств фактов, подлежащих судебному исследованию, которые присущи объекту отражения как его собственным свойствам, в том числе правовые свойства фактов безотносительно к тому, как они воспринимаются судьей. Субъективные же элементы в убеждении связаны не только с индивидуальностью актов познания в уголовном судопроизводстве. В этом аспекте субъективные элементы в убеждении являются одним из проявлений активной, творческой деятельности судей в процессе судебного познания, способом выражения объективного содержания знания.

Связь объективного и субъективного в судейском убеждении выступает двояким образом. С одной стороны,— это переход объективного в субъективное, так как убеждение имеет определенную основу в собранных по делу доказательствах, а с другой

стороны, — это переход субъективного в объективное, поскольку опосредствует результат доказывания.

Таким образом, при решении вопроса о судьейском убеждении мы исходим из того, что оно в своей структуре имеет социологические, гносеологические (познавательные), психологические и этические элементы, что дает возможность исследовать данное понятие в гносеологическом, психологическом и этическом аспектах.

Гносеологический аспект убеждения необходимо отличать от социологического. Первый предполагает анализ соотношения сознания судьи с объектом его отражения, со спецификой форм и способов последнего. Второй состоит в осознании социальной функции убеждения в системе принятия решения по делу и даже шире — в механизме профессиональной деятельности судьи.

В гносеологическом аспекте судьейское убеждение — это результат познания, отражения в сознании события преступления и иных обстоятельств, подлежащих установлению по уголовному делу. Как определенное содержание знания об исследуемых фактах, оно опосредствуется практической деятельностью судьи, должно основываться на собранных по делу доказательствах. Гносеологические элементы в структуре судьейского убеждения имеют специфическую функцию, заключающуюся в том, что они характеризуют убеждение с точки зрения истинности или ложности результата судебного познания. Результат познания по уголовному делу может быть истинным или ложным. При истинности результата познания следует говорить об объективности судебного убеждения, а при его ложности — о субъективизме судьейского убеждения, не отражающем адекватно установленные по делу факты.

В гносеологическом аспекте убеждение судьи можно рассматривать как отражение собственного результата познания по уголовному делу в качестве отражения отражения. Иными словами, в убеждении проявляется человеческая способность включать в объект своего отражения исследование самого процесса познания и его результата. Отражение отражения (убеждение) является не только результатом познания, но и критическим отношением к этому результату с позиций его адекватности целям и задачам социалистического правосудия. Тут действует как бы тройной контроль: фактические обстоятельства дела и проверенные в судебном следствии доказательства, профессиональный опыт судьи и осознание им целей и задач социалистического правосудия.

Поэтому в гносеологическом плане убеждение судьи, с одной стороны, выступает в виде определенного содержания знаний об

искомых по делу фактах (знания вероятного или достоверного) как отношение установления тождества содержания знаний об обстоятельствах исследуемого события преступления с самими фактами, выявленными по делу, а с другой стороны, — оно материализуется в процессуальных действиях и актах.

В этой связи нельзя согласиться с мнением П. Е. Недбайло о том, что убеждение — всегда истинное убеждение, а в тех случаях, когда оно неправильно отражает собранные по делу доказательства, является впечатлением [117, с. 33].

Истинность убеждения характеризует последнее с точки зрения соответствия знания фактам объективной действительности, т. е. содержания знания. Достоверность и вероятность указывают на степень доказательности вывода суда. Достоверным признается вывод, при котором истинность знания о наличии или отсутствии фактов, входящих в предмет доказывания (ст. 64 УПК УССР), полно исследована, установлена доказательствами и по убеждению судей не нуждается в дальнейшем обосновании, а поэтому исключает всякое иное решение уголовного дела. Таким образом, достоверность знания о событии преступления как характеристика его доказательности всецело опосредствована сознанием судьи, его навыками и умениями в рассмотрении уголовных дел, словом, уровнем его профессионального мастерства и профессионального правосознания. Доказательность убеждения, таким образом, зависит от того, какие явления объективной действительности исследовались судом, какая совокупность доказательств установлена в судебном заседании для обоснования конечного вывода, высказанного в приговоре, какие конкретные доказательства легли в основу убеждения. При этом достоверное знание — это такое, которое однозначно и не имеет степеней своего выражения.

Судебная практика считает грубейшим нарушением закона (ст. 43 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик) случаи, когда судебское убеждение в виновности подсудимого исходит из предположения. Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР, отменяя приговор по делу Гасамова Б. Х., признанного виновным в умышленном убийстве, в определении от 23 декабря 1969 г. подчеркнула: «Из дела видно, что суд в нарушение требований ст. 43 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик не установил конкретной вины Гасамова в совершенном преступлении... В описательной части приговора не указано, какие конкретные преступные действия совершил Гасамов. Утверждение же суда в приговоре, что Гасамов вступил в драку с Мухтаровым и тем самым «создал Ибрагимову возможность

нанести потерпевшему удары ножом» основано лишь на предположении» [44, 1970, № 2, с. 36]. Число подобных примеров можно было бы продолжить, но важно подчеркнуть принципиальное мнение Верховного Суда СССР в отношении недопустимости основывать убеждение на предположениях о наличии фактов, подлежащих установлению по уголовному делу.

В своей профессиональной деятельности судьи осуществляют переход от полученных знаний к определенным процессуальным действиям, направленным на исследование новых доказательств, если полученное знание по убеждению судьи вероятно, или к «построению» окончательных выводов по делу. Таким образом, в гносеологическом плане убеждение судьи выступает не только как определенное содержание знаний об исследуемых по делу фактах, но и как действие, решение суда, в котором реализуется это содержание. Думается, что в единстве указанных моментов выражаются гносеологические элементы судейского убеждения.

В психологическом плане убеждение судьи следует рассматривать в качестве определенного состояния сознания. В психологической литературе под состоянием сознания понимается «целостная характеристика психической деятельности..., показывающая своеобразие протекания психических процессов в зависимости от отражаемых предметов и явлений действительности, предшествующего состояния и психических свойств личности» [92, с. 20].

В убеждении судьи как целостной характеристике состояния его сознания, с одной стороны, преломляются своеобразие психического склада, социальные свойства личности, ее установки и идейно-политическая направленность, а с другой, выражаются особенности деятельности в рамках уголовного судопроизводства, т. е. деятельности, регулируемой нормами уголовно-процессуального права, которые определяют ее предмет и условия. Как известное качественное состояние сознания, убеждение прежде всего характеризует результат познания по уголовному делу — выводы о наличии или отсутствии события преступления и о виновности подсудимого — с позиций личностного отношения к совокупности доказательств, на основе которой судья делает вывод о доказанности обстоятельств, входящих в предмет доказывания.

Указанное личностное отношение предполагает, что судья, принимая решение по уголовному делу, отдает себе отчет в объективных основаниях и мотивах, по которым он приходит к данному решению, в правовых последствиях, вытекающих из этого решения, и осознает моральную и правовую ответственность, связанную с действием принимаемого решения. Не будет

преувеличением сказать, что в отношении реализуется активность судьи, проявляются все свойства его личности.

Функциональное назначение психологических элементов (состояние сознания) в структуре судейского убеждения состоит в том, что они помогают преодолеть сомнения в установлении фактов, входящих в предмет доказывания, направляют процессуальную деятельность на полное, объективное и всестороннее рассмотрение обстоятельств уголовного дела. Поэтому убеждение судьи в психологическом аспекте характеризуется уверенностью в правильности принятого по делу решения, основанной на исследовании собранных по делу доказательств в их полноте и совокупности при неуклонном соблюдении требований закона, а также чувством доверия к своему выводу с точки зрения соответствия его закону, целям и задачам социалистического правосудия.

Исследованные по делу доказательства, те сведения, которые они несут в себе, проходят сквозь «фильтр» судейского доверия или недоверия. Информация, содержащаяся в источнике доказательств, может быть истинной и относящейся к делу и все же не принятой судьей и, наоборот, она может быть ложной и не относящейся к делу, но принятой убеждением судьи вследствие «открытости фильтра доверия». Поэтому для судьи важно выработать привычку критического отношения к своему убеждению, уметь вовремя «расстаться» с ним, если оно лишено гносеологических оснований.

Уверенность в правильности выводов по делу в силу убедительности собранных по делу доказательств является одной из форм психологического состояния судей, обуславливая их решимость действовать в соответствии с полученными знаниями.

Через уверенность судья приходит к убежденности, которую нужно рассматривать как непоколебимую веру в истинность, справедливость своего решения. Убежденность позволяет судье выработать однозначные решения и проявлять свою волю в их осуществлении без колебаний и сомнений. Она дает возможность занимать твердую позицию относительно оценок по существу уголовного дела, высказываемых государственным и общественным обвинителем, защитником, подсудимым и другими участниками судебного разбирательства, а также общественным мнением. При этом важно подчеркнуть, что сама по себе убежденность, в отрыве от ее гносеологической основы (объективности результата судебного познания) не обеспечивает истинности судейского убеждения. Сформированная отдельно от совокупности собранных по делу доказательств, она будет ложной, искажающей действительность.

Принятое сознанием убеждение приобретает для судьи субъективную значимость вне зависимости от его истинности. Расстаться с убеждением, которое судья считает «своим», выработать к нему критическое отношение, направить деятельность на исследование иных источников доказательств, противоречащих сложившемуся убеждению, безусловно, нелегко даже тогда, когда обнаруживается его несостоятельность.

Убежденность выступает определенным промежуточным звеном между знаниями и практическими действиями по их реализации и является поэтому одним из существенных моментов познавательной деятельности судьи. Без превращения полученных знаний в личное убеждение судьи невозможно его волевые действия по делу. «Сознательная вера, — справедливо замечает П. В. Копнин, — выражает внутреннюю убежденность субъекта в истинности идеи, правильности ее практической реализации. В ней объективно-истинное знание переходит в субъективную уверенность, которая толкает, побуждает, психологически настраивает человека на практическое действие, претворяющее идею в жизнь» [83, с. 463].

Поэтому представляется неточным мнение А. А. Лиеде и В. З. Лукашевича, которые сводят убеждение лишь к состоянию уверенности [96, с. 157]. Такое понимание убеждения судьи является узкопсихологическим и обедняет исследуемое понятие, поскольку вне поля зрения остаются объективный источник убеждения и его гносеологическая природа. «Психологическое состояние уверенности, — отмечает Н. Д. Левитов, — сложно по своей психологической структуре, — в нем имеются компоненты познавательные, эмоциональные и волевые» [92, с. 169]. Уверенность в правильности принятого решения — не только определенное чувство, как это подчеркивают А. А. Лиеде и В. З. Лукашевич, но и волевое усилие, благодаря которому судьи принимают своевременное, обоснованное и твердое решение, направляют свою деятельность на исполнение принятого решения, т. е. уверенность должна соотноситься, реализовываться в практической деятельности судьи, находить в ней свое выражение.

В связи с изложенным является неточной характеристика убеждения как «разумной уверенности советских судей» [191, с. 333—349], поскольку само понятие «разумности» неопределенно и неоднозначно в практическом приложении.

Исследуя структуру судейского убеждения, Р. Д. Рахунов пришел к выводу, что оно имеет степени своего выражения [161, с. 124—125]. Мы полагаем, что убеждение не может иметь каких-либо степеней. Появлению убеждения, уверенности предшествует борьба мотивов, выбор решения, проверка правиль-

ности этого выбора и осознание практических последствий принятого решения. Все это характеризует не степень выражения убеждения, а процесс его формирования.

Этические элементы в судебском убеждении передают ценностную ориентацию судьи, его нравственные идеалы и взгляды. Их функциональное назначение состоит в том, что они формируют нравственную основу выводов по существу рассматриваемого уголовного дела.

Нельзя утверждать, что познавательный и ценностный подходы существуют самостоятельно, напротив, они связаны друг с другом, образуют вместе «целостный акт отражения» (С. Л. Рубинштейн) объективной действительности. Ценностная ориентация судьи выражает уровень его профессионального развития. Степень субъективного осознания общественных ценностей, которые призвано охранять правосудие, уровень усвоения ценностей правовой культуры характеризуют идейную и профессиональную зрелость судьи. Убеждение судьи в виновности подсудимого есть в то же время и нравственный стимул, побуждающий действовать и принимать решение в соответствии с требованиями закона.

Прежде чем дать определение исследуемого понятия, обратим внимание еще на одно обстоятельство. Всякое понятие приобретает конкретное содержание лишь постольку, поскольку оно входит в систему знаний, вне которой его содержание не может быть раскрыто. Это целиком относится и к категории «судейского убеждения», которое должно рассматриваться в системе не только психологических, но, главным образом, процессуальных понятий.

Таким образом, судебское убеждение — это такое состояние сознания судьи, когда он считает собранные по делу доказательства достаточными для решения вопроса о наличии или отсутствии фактов, входящих в предмет доказывания, уверен в правильности своего вывода и готов к практическим действиям в соответствии с полученными знаниями. Несмотря на некоторую громоздкость этого определения, мы считаем, что оно охватывает все существенные стороны понятия.

Судейское убеждение, как процессуальная категория, отличается тем, что судья, принимая решение по делу, обязан определить свое личностное отношение к совокупности доказательств с точки зрения их вероятности и достоверности, на основе чего он делает вывод о наличии или отсутствии фактических обстоятельств, устанавливаемых данным процессуальным актом.

Выше мы намеренно не употребляли термин «внутреннее» убеждение. Общеизвестно, что закон (ст. 17 Основ уголовного

судопроизводства Союза ССР и союзных республик) говорит о «внутреннем убеждении» следователя, прокурора, судей, лица, производящего дознание. Думаем, что термин «внутреннее» является известной данью процессуальной традиции, начало которой положила теория свободной оценки доказательств. Не вникая в историю развития в этом плане процессуальной терминологии, отметим только, что «внутреннее» не несет в себе в процессуальном плане той смысловой нагрузки, которую вкладывают в него советские процессуалисты [см. 197]. Поэтому мы полагаем, что теория и практика должны отказаться от термина «внутреннее» [41, с. 40—48], однако не потому, что он характерен для интроспективной психологии. Напротив, марксистско-ленинская гносеология употребляет термины «внутреннее» и «внешнее», понимая их как отражение связи взаимоперехода относительно внутренней и внешней сторон объективных структур и систем органической целостности и их поступательного развития [143, с. 223]. Суть вопроса заключается в том, что любое «внутреннее» и «внешнее» имеют внутреннюю и внешнюю структуры. В понимании же процессуальном «внутреннее» — это личное, точнее общественно-личное, или, иначе говоря, личностное отношение к каким-то знаниям, явлениям, результату.

Поэтому следует в законе и в теории вместо «внутреннее» употреблять термин «личностное убеждение» (либо «личное убеждение»), что в значительно большей степени соответствует вкладываемому в него содержанию по сравнению с термином «внутреннее».

Отметим, что УПК некоторых социалистических государств не знают термина «внутреннее». Например, § 23 УПК Германской Демократической Республики подчеркивает, что «ни одно средство доказывания не имеет заранее установленной доказательственной силы. Признание обвиняемого или подсудимого не освобождает суд... от обязанности всестороннего и непредвзятого установления истины в уголовном процессе». В § 6 УПК Венгерской Народной Республики говорится, что «орган, осуществляющий производство по уголовному делу, не связан формальными правилами в представлении и оценке доказательств». Несколько иначе решен вопрос о терминологии в ст. 4 УПК Польской Народной Республики, в которой, в частности, отмечается следующее: «Судьи постановляют решение по своему убеждению, основанному на имеющихся в деле и представленных доказательствах и опирающемуся на их оценку по внутреннему убеждению, с учетом рекомендаций науки, а также жизненного опыта».

§ 2. МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ СУДЕЙСКОГО УБЕЖДЕНИЯ

Конкретно-социологическое исследование процесса формирования судейского убеждения позволяет изучить многообразие «эмпирических обстоятельств» (К. Маркс), в которых действуют, проявляются общие закономерности принятия судьями решений по существу рассматриваемых дел.

Значение конкретно-социологического исследования при изучении данной проблемы состоит в том, что оно помогает раскрыть анатомию убеждения судьи, отразить присущие убеждению структурно-функциональные связи. Оно дает возможность уяснить механизм воздействия требований уголовно-процессуального и уголовного закона на сознание судей, проследить, каким образом нормативные предписания трансформируются в личностные установки судьи по профессии.

В настоящее время подробно разработана методология и процедура социологических исследований, в том числе в правовой науке [80; 124; 149].

Наиболее распространен «документальный» метод исследования судейского убеждения, смысл которого состоит в том, что изучается и сопоставляется результат доказывания, зафиксированный в приговоре, с обстоятельствами, установленными в судебном заседании по уголовному делу. Этот метод позволяет выявить преимущественно обоснованность судейского убеждения, соответствие его собранным доказательствам. Безусловно, это нужный и полезный аспект исследования, но он, как нам представляется, охватывает не процесс формирования судейского убеждения, а его результат. Вместе с тем важно исследовать судейское убеждение не только как уже сформированное состояние сознания судьи, но и выявить те «переменные», которые влияют на его формирование, вскрыть механизм их воздействия на становление категорических выводов судьи по существу рассматриваемого дела. Мы считаем поэтому, что «документальный» метод изучения судейского убеждения должен быть дополнен конкретно-социологическими методами.

В данной связи нельзя согласиться с В. Ф. Боханом, который полагает, «что если для изучения личного убеждения судьи применимы методы общей психологии, то для коллективного убеждения — социальной психологии» [40, с. 46]. Этот автор не называет конкретных методов изучения убеждения. Однако нам представляется, что на формирование убеждения воздействуют различные социальные факторы, которые придают ему не только психологическое, но и, главным образом, социальное качество. Этим объясняется необходимость применения методов кон-

кретно-социологического исследования для анализа данного понятия. В таком отношении перспективными методами являются беседа, наблюдение, самоотчет судьи и опросы. Не вдаваясь в подробности указанных методов, заметим, что мы здесь преднамеренно не называем социальный эксперимент, так как, по нашему мнению, последний при изучении судьейского убеждения не может быть использован.

В литературе описан эксперимент, связанный с изучением формирования убеждений народных заседателей в «искусственной модели судьейской коллегии» расширенного состава (четырех и шести народных заседателей) без участия постоянного судьи [152]. Конечно, подобные опыты интересны и могут преследовать цель исследования эффективности работы «малых» групп в правоприменительной деятельности. Однако, и это следует особо подчеркнуть, такие эксперименты не дают подлинной картины формирования судьейского убеждения. При этом мы исходим из того, что процесс формирования убеждения в тех случаях, когда судья не решает дела, т. е. не несет всей огромной моральной ответственности за его правильное разрешение и правосудность приговора, не идентичен процессу формирования убеждения судьи, который осуществляет правосудие по этому делу.

В исследовании судьейского убеждения необходимо выявить точно сопоставимые показатели интенсивности действия факторов, формирующих убеждение. Во-первых, это позволяет установить степень значимости некоторых объективных и субъективных факторов, которые формируют убеждение. Во-вторых, интенсивность выражения того или иного качественного признака дает возможность проследить эффективность целенаправленного воздействия уголовно-процессуальной формы на формирование судьейского убеждения, соответствующего целям и задачам социалистического правосудия. В-третьих, жестко сопоставимые характеристики помогают выработать рекомендации, направленные на совершенствование процессуальной формы.

Мы считаем, что сбор информации по всем этим вопросам наиболее рационально производить методом опроса, в частности, анкетирования. Анкетирование предполагает, что процесс формирования судьейского убеждения может изучаться только косвенным путем. Иными словами, между исследователем и объектом его работы стоит судья по профессии (респондент), который является в данном случае источником информации.

«Ответы на анкету,— указывают П. Фресс и Ж. Пиаже,— должны рассматриваться наблюдателем как действия, характеризующие определенное лицо» [215, с.19]. Поэтому те выводы,

которые мы будем формировать на основании анкетирования, следует считать гипотезами *ex post facto*, т. е. такими, устойчивость которых необходимо проверять и в последующем.

При анализе данных анкетирования необходимо иметь в виду, что при опросах респондент склонен давать чаще положительную оценку по существу вопроса, чем отрицательную. Указанное обстоятельство можно объяснить, в частности, непониманием задач опроса, а также его условиями и установками респондента. Другими словами, ошибка в анализе данных анкетирования может быть связана с тем, что респондент думает не так, как отвечает на вопрос анкеты, или же думает не так, как поступает в действительности.

Однако эти негативные факторы отчасти устраняются техникой самого анкетирования. Во-первых, опрос судей производился корреспондентским методом. Мы применили две модификации последнего. Один из них заключался в том, что анкеты судьям раздавались на областных совещаниях, а затем непосредственно возвращались ими в орган, проводящий анкетирование (Харьковский юридический институт). Другой состоял в том, что анкеты распространяли областные отделы юстиции, но заполненные анкеты также возвращались в институт. Это повышает достоверность ответов, поскольку возврат анкет в орган судебного управления создает «помехи» в ответах судей. Во-вторых, гарантировалась анонимность анкеты. В-третьих, производилась проверка понимания некоторых вопросов анкеты путем стандартизированного интервью с отдельными судьями.

В целях изучения процесса формирования убеждения судей по профессии при рассмотрении ими уголовных дел в первой инстанции мы разработали соответствующую анкету, которую распространяли среди народных судей и членов областных судов ряда областей РСФСР и УССР. Перед анкетированием ставилась задача определить влияние различных факторов на формирование судейского убеждения. Вопросы в анкете ставились таким образом, чтобы можно было получить ответы в виде суждений оценок, основанных на предпочтении выбора тех или иных признаков, и суждений самооценок. Последнее дает возможность установить не только содержательную, т. е. качественную характеристику признаков, но и выявить их интенсивность и предпочтение. В анкете предлагалась комбинация альтернативных ответов и, кроме этого, содержались контрольные и проверочные вопросы. Данные анкетирования и некоторые вопросы анкеты уточнялись в ходе интервью с судьями (60 судей).

При каждом анкетном исследовании, естественно, возникает вопрос о репрезентативности. Наши анкеты заполнили 800 судей,

хотя на некоторые вопросы ответили не все из них. Представляется, что полученные нами данные конкретно-социологического исследования формирования судейского убеждения имеют локальный характер и поэтому требуют дальнейшего уточнения. Однако те выводы, которые можно было сделать по заполненным анкетам, дают достаточное основание для того, чтобы обратить внимание на отдельные типологические характеристики и указать на наиболее распространенные ошибки, допускаемые в процессе формирования судейского убеждения.

Полученные результаты мы разграничили по стажу работы респондентов. Длительность исполнения ими судейских функций, с одной стороны, способствует более глубокому осознанию своего долга, а с другой, — вырабатывает устойчивые навыки в рассмотрении уголовных дел, опосредующие в определенном смысле и специфику формирования судейского убеждения. По стажу работы респонденты характеризуются такими данными: избранные впервые судьями — 191 чел., во второй раз — 197 чел., в третий раз — 108 чел., в четвертый раз и более — 304 чел.

§ 3. ФАКТОРЫ, ФОРМИРУЮЩИЕ УБЕЖДЕНИЕ СУДЬИ

Формирование судейского убеждения — не просто результат воздействия на сознание судей определенной совокупности доказательств, установленной и проверенной в ходе судебного разбирательства. Оно всегда складывается на основе рационального познания причинно-следственных и иных связей между фактами объективной действительности, ценностного к ним подхода, их соотношения с запретами уголовного права, чувственного переживания полученных по уголовному делу результатов познания и сделанных из них правовых выводов.

В связи с этим нельзя согласиться с утверждением А. Л. Ривлина [168, с. 207] и Л. Т. Ульяновой [210, с. 73], что в механизме формирования судейского убеждения основным выступает воздействие на психику судей объективных свойств и качеств доказательств, т. е. психологическая способность доказателя убеждать судей в правильности вынесенного ими приговора. Такое решение вопроса о механизме формирования судейского убеждения в принципе является приемлемым, но неполным, или, точнее, незавершенным.

Спорность этого решения заключается в том, что его авторы рассматривают убеждение не как результат познания по делу, а как впечатление, которое производят на судей исследованные доказательства. Действительно, воспринимаемые судьями фак-

тические данные могут оставлять в их сознании известные впечатления, которые имеют определенную эмоциональную окраску. Но сила впечатлений зависит от степени проникновения в сущность исследуемых явлений, от психологических особенностей личности судьи, уровня его правосознания, ценностных ориентаций и т. д.

Убедительность доказательств и их психологическая способность воздействовать на сознание судей, а тем самым и на выводы суда об отсутствии или наличии события преступления, о виновности или невинности подсудимого в большинстве случаев является выражением достоверности информации, которую несут в себе эти доказательства. К сожалению, судебная практика свидетельствует о том, что некоторые судьи иногда строят свои выводы на внешне убедительных, но не заключающих в себе объективной информации об исследуемых по делу фактах доказательствах. Поэтому для формирования судейского убеждения недостаточно одной убедительности доказательств, недостаточно одной субъективной уверенности, а необходимо еще проникновение в сущность информации, заключенной в доказательствах, ее анализе.

В литературе подчеркивается, что образование глубоко эмоциональных впечатлений обнаруживается у личности при чувственно-образном восприятии и свидетельствует об определенном личностном отношении к познанным явлениям действительности. Для впечатления как одного из выражений эмоционального отражения специфическим является то, что эмоции отражают не сами по себе явления объективного мира, а отношение к ним личности, их значение для ее потребностей и мотивов деятельности, в том числе профессиональной — по рассмотрению и разрешению уголовных дел. Однако неправильно абсолютизировать в процессе формирования судейского убеждения эмоциональное отношение судей к собранным по делу доказательствам, так как в этом случае можно прийти к противопоставлению эмоциональных и познавательных процессов, которые всегда выступают в диалектическом единстве.

При изучении факторов, влияющих на формирование судейского убеждения, нужно исходить, главным образом, из двух предпосылок. Первая заключается в том, что эти факторы находятся в диалектической взаимозависимости и взаимообусловленности. Вторая состоит в том, что удельный вес отдельных факторов в формировании судейского убеждения неодинаков.

При формулировании вопросов анкеты мы предполагали, что в формировании убеждения судьи по уголовному делу существенную роль играют следующие группы факторов: а) идейно-поли-

тическая и нравственная позиция судьи, б) уровень его профессионального правосознания, в) уровень профессионального мастерства, выражающийся, в частности, в надлежащей подготовке к судебному разбирательству, осознании обязанностей председателя ведущего по делу в суде первой инстанции, г) морально-волевые и интеллектуальные качества личности судьи по профессии, д) обстоятельства, которые условно можно назвать «вытекающими из уголовного дела»: предварительное изучение материалов уголовного дела, доказанность (недоказанность) обвинения в ходе судебного следствия, е) обстоятельства, связанные с личностью подсудимого: прошлая преступная деятельность или его аморальное поведение и т. д., ж) социально-психологические факторы: общение в рамках требований процессуального закона с народными заседателями и участниками судебного разбирательства, поведение подсудимого в суде и, наконец, з) обстоятельства, которые условно можно отнести к «внесудебным»: общественное мнение.

Конечно, действительность сложнее «чистых» схем. Однако замена сложного явления мысленно представленным планом или визуальной схемой дает возможность углубить познания об исследуемом явлении. Вместе с тем без «наполнения» этой схемы рациональным содержанием она была бы не нужна, не несла в себе никакой познавательной нагрузки.

Важно подчеркнуть, что названные выше факторы могут успешно функционировать, т. е. выполнять свою роль в формировании судьейского убеждения, когда каждый из них ориентирован на соблюдение требований социалистической законности, на охрану законных прав и интересов подсудимого. Иначе говоря, от наличия и качества «работы» каждого фактора зависит наличие и качество «работы» в формировании судьейского убеждения других факторов, что обуславливает качественное содержание убеждения судьи. Например, низкий уровень профессионального правосознания судьи по профессии влечет за собой непонимание целей и задач социалистического правосудия по уголовным делам, а это сказывается на полноте, объективности, всесторонности исследования обстоятельств преступления. Таким образом, указанные факторы прежде всего характеризуются упорядоченностью, согласованностью и гармоническим сочетанием в рамках единого процесса формирования убеждения. В них можно выявить и субординационные связи, заключающиеся в том, что идейно-политическая и нравственная позиция судьи, уровень его профессионального правосознания в «иерархии факторов» занимают первостепенное значение и определяют «работу» других факторов, придавая им относительную устойчивость, стабиль-

ность и подчиняя единой цели — формированию объективного, достоверного содержания знаний о наличии или отсутствии фактов, которые подлежат установлению по уголовному делу.

Перейдем к анализу данных анкетирования, о котором говорилось раньше. Естественно, что качество рассмотрения уголовных дел в известной мере зависит от подготовленности судьи по профессии к этой работе. Анкета содержала вопрос «Каким путем Вы готовитесь к судебному заседанию?». Ответы на этот вопрос приведены в табл. 1.

Таблица 1

Каким путем судья по профессии готовится к судебному заседанию	Стаж работы судьи			
	Избран в 1-й раз, %	Избран во 2-й раз, %	Избран в 3-й раз, %	Избран в 4-й раз и более, %
1. Изучает все материалы уголовного дела	94	93,5	91,5	90
Знакомится только с отдельными процессуальными документами:				
а) с обвинительным заключением	0,5	1,5	2	2,5
б) с обвинительным заключением, протоколом допросов обвиняемого, с заключением эксперта	5,5	2	6,5	7,5
2. Перед каждым судебным заседанием изучает соответствующие постановления Пленумов Верховного Суда СССР и Верховных Судов союзных республик	96,5	90,5	90	80,5
Иногда изучает	2	6,5	5,5	10,5
Не изучает	1,5	3	4,5	9
3. Планирует судебное следствие	73,5	69	68,5	65
Иногда планирует	15,5	11,5	16,5	21
Не планирует	11	19,5	15	14

Таким образом, большинство судей при подготовке к судебному разбирательству изучает все материалы уголовного дела, а также соответствующие постановления Пленума Верховного Суда СССР и постановления Пленумов Верховных Судов союзных республик. Вместе с тем не может не вызвать тревоги то обстоятельство, что отдельные судьи не всегда тщательно готовятся к судебному заседанию, а это может привести к ошибкам и повлечь за собой вынесение неправомерного приговора.

Важным этапом в формировании судебской убежденности является планирование судебного следствия. К сожалению, не все судьи делают эту важную работу. Данное обстоятельство отчасти можно объяснить тем, что не все уголовные дела по своей фабуле представляют значительную сложность. Однако плани-

рование судебного следствия должно быть обязательным по каждому уголовному делу. Значение плана судебного следствия заключается в том, что он обеспечивает всестороннюю проверку материалов предварительного расследования, своевременное выдвижение судебных версий, повышает активность и целеустремленность судьи по профессии в исследовании уголовного дела, воздействуя на достоверность результата судебного познания.

В ходе проведенного нами анкетирования судьям предлагалось назвать факторы, которые в личном аспекте характерны для формирования их убеждения по уголовному делу. С этой целью был предложен перечень факторов, из которых респондент должен был выбрать те, которые присущи именно для него. Кроме этого, судьям предлагалось назвать и иные факторы, не входящие в перечень. Результаты анкетирования (по степени интенсивности отдельных факторов) приведены в табл. 2, причем при анализе последней следует иметь в виду, что судьи отмечали не один, а группу факторов.

Таблица 2

Факторы, влияющие на формирование судейского убеждения	Стаж работы судьи			
	Избран в 1-й раз, %	Избран во 2-й раз, %	Избран в 3-й раз, %	Избран в 4-й раз и более, %
Доказанность (недоказанность) обвинения в ходе судебного следствия	90,7	94,8	96,6	95,5
Прошлая преступная деятельность или аморальное поведение подсудимого	63	68	73	75
Предварительное изучение материалов уголовного дела при предании обвиняемого суду	58,6	72,4	84,8	91,7
Убедительность позиции государственного обвинителя	32,8	21,5	14,3	28,4
Оценка средств массовой информации	28,2	20,5	13,4	20,2
Убедительность позиции защитника	19,6	17,5	16,7	18,8
Требования общественных организаций и коллективов трудящихся	15	12,3	14,5	13,3
Указания вышестоящего суда	20,4	12,8	16,7	12,5
Личная убежденность в виновности подсудимого безотносительно к собранным по делу доказательствам	15,5	10,3	10,8	10,1
Личное отношение к лицу, обвиняемому в совершении преступления (жалость и т. д.)	4	2	1	4,5
Иные факторы, названные судьями:				
Личность подсудимого и его отношение к содеянному	73,8	74,9	89,8	87,2
Поведение подсудимого в суде	4	2,7	3	2

Как видно из данных табл. 2, решающим фактором, формирующим убеждение судьи, является доказанность (недоказанность) обвинения в ходе судебного разбирательства. Это означает, что активное и целеустремленное участие судьи в судебном разбирательстве, его руководящая роль в судебном заседании, осознание моральной ответственности за правильность рассмотрения и разрешения уголовного дела обуславливает формирование убеждения, свободного от различных внешних воздействий.

Нужно отметить, что на второе место судьи поставили прошлую преступную деятельность или аморальное поведение подсудимого в суде, а также отдали предпочтение «личной убежденности». Вместе с тем в исследованиях по социальной психологии показано, что сформировавшийся в сознании образ определенного человека (типологический образ) вне непосредственного контакта с ним часто искажает адекватное восприятие его поведения и тем самым способствует неправильной оценке личности подсудимого.

Как известно, человек лучше воспринимает ту информацию, которая соответствует его прошлому опыту и стереотипам восприятия, и обычно не реагирует на информацию, идущую вразрез с его прошлым опытом или со сложившимся мнением. В ходе предварительного изучения обстоятельств уголовного дела у судьи может сложиться мнение в отношении обоснованности обвинения подсудимого. Но судья должен считать это мнение только предварительным, достаточным только для решения вопроса о предании обвиняемого суду и внесения дела в судебное заседание. В противном случае это мнение может лечь в основу убеждения, не сформированного на обстоятельствах, которые установлены в суде.

Осознание судьей своей роли в осуществлении правосудия способствует появлению психологической установки несвязанности своего вывода по существу уголовного дела с выводами органов предварительного расследования. Такая психологическая установка способствует критическому отношению к результатам предварительного расследования, помогает вскрыть допущенные при расследовании ошибки или нарушения закона.

Анализ данных анкетирования приводит к выводу, что на формирование судейского убеждения также влияют социально-психологические (поведение подсудимого в суде и т. д.) и внесудебные факторы (требование общественных организаций, оценка средств массовой информации). По анкетам 57,6% судей считают, что их убеждение формируют: предварительное изучение материалов уголовного дела, доказанность (недоказанность) обвинения в ходе судебного следствия, а также прошлая преступная деятель-

ность подсудимого; 19,8% опрошенных добавили к этому еще факторы социально-психологические и внесудебные.

Каким же образом, в каком направлении влияют социально-психологические и внесудебные факторы на формирование убеждения судьи? Этот вопрос мы пытались выяснить в интервью с судьями. В частности, 47,4% опрошенных прямо заявили, что поведение подсудимого, выражающееся в незитичном отношении к суду, к участникам процесса, его дерзость и т. д., не способствует полному, объективному, всестороннему рассмотрению дела и в личностном плане иногда оправдывает обвинительный подход. Некоторые судьи объясняют свой обвинительный уклон ссылкой на высказывания средств массовой информации (23% опрошенных в интервью). Безусловно, что отмеченное не может не сказаться на объективности суда, на справедливости судебного решения.

Однако указанные выше обстоятельства не должны влиять на достоверность выводов суда. Преодолеть их можно при осознании судьями высоких нравственных обязанностей, возложенных на них обществом и государством, и творческом отношении к своей деятельности. Творческое отношение к выполнению судебных обязанностей — это психологическая установка заинтересованности в результатах работы и положительного к ней отношения. Такая установка — результат определенной системы воспитания, целенаправленного воздействия закона и практики его применения. В этом смысле необходимо, чтобы мотивы и ценностные ориентации судьи совпадали с общественными потребностями, находящими выражение в правосудии.

Формирование убеждения — это определенный процесс, для теоретического изучения которого важно выяснить его практический аспект. Иными словами, нужно установить, как судья по профессии определяет тот момент, когда у него сформировалось убеждение по всем вопросам, подлежащим разрешению в приговоре.

В анкете судьям был предложен вопрос: «Имели ли место случаи, когда у Вас сложилось убеждение в виновности подсудимого?» в следующих ситуациях: «До начала судебного разбирательства» и «До удаления в совещательную комнату». Мы преднамеренно не задавали ситуацию «До окончания судебного следствия», так как полагаем, что во время судебных прений судья соотносит свои выводы с обоснованностью и правомочностью утверждений представителей обвинения и защиты. Прозюмировалось, что судьи, не ответившие на этот вопрос анкеты, окончательно формируют свое убеждение в совещательной ком-

пате при постановлении приговора. Были получены такие данные, причем основания формирования убеждения судьи называли сами (см. табл. 3).

Таблица 3*

Имели ли место случаи, когда у Вас сложилось убеждение в виновности подсудимого и о мере наказания	Стаж работы судьи			
	Избран в 1-й раз, %	Избран во 2-й раз, %	Избран в 3-й раз, %	Избран в 4-й раз и более, %
До начала судебного разбирательства:				
Да	8,3	10,1	12,2	13,4
До удаления суда в совещательную комнату:				
Да	21,5	30,7	34,3	39,8
На основании каких данных у Вас сложилось убеждение в виновности подсудимого в этих случаях:				
Убедительность материалов предварительного следствия	18,4	9,5	5,4	26,5
Признание подсудимым обвинения	8,2	13,5	10,4	9,8
Убедительность материалов судебного следствия и признание подсудимым вины	73,4	77	84,2	63,7

* Анализ табл. 3 см. далее.

В философской литературе процесс формирования убеждения передается формулой «познано — понято — пережито — принято как истину» [106, с. 231]. В. Ф. Бохан переносит эту формулу на формирование судейского убеждения с некоторыми дополнениями, а именно: «познано — понято — пережито — принято как истину — подготовлено решение» [41, с. 24]. Составные части этой формулы он рассматривает как элементы судейского убеждения. Н. Л. Гранат и Ю. Н. Погибко считают, что приведенная выше формула должна иметь выражение «познал — определил ценность — принял как истину — принял решение» [53].

Эта концепция имеет уязвимые места и несколько механически переносит социологическую структуру убеждения на убеждение как процессуальную категорию. В буквальном понимании названной формулы выходит, что в основе судейского решения лежит только убеждение, чем умаляется роль закона, профессионального правосознания, социальной позиции судьи, наконец, установленной в судебном разбирательстве совокупности доказательств в механизме принятия решения. В такой постановке

вопроса — это явная гиперболизация роли судейского убеждения в уголовном судопроизводстве. Думается, что принципиально неверно говорить «принял как истину». Истинность знания не принимается, а устанавливается в ходе судебного познания. Иными словами, приведенные выше формулы отрывают познавательные элементы от элементов психологических и этических в структуре судейского убеждения, которые всегда выступают в диалектической взаимосвязи и взаимозависимости.

В связи с этим следует отметить, что традиционное определение процесса формирования судейского убеждения как перерастания чувства сомнения в чувство уверенности является, на наш взгляд, неточным. В. Ф. Бохан, который наиболее полно разработал эту проблему, исходит из того, что для этого перерастания характерны ступени правдоподобия, доверия, уверенности [см. 41]. Однако приведенная схема является спорной. В самом деле, правдоподобие придает определенный смысл понятию вероятности (возможно — истинно), причем правдоподобие представляет вероятностную характеристику части суждения [см. 120]. Поэтому правдоподобие может рассматриваться как степень доверия к своему суждению. Таким образом, правдоподобие и доверие — это различные стороны выражения вероятностного знания, а поэтому трехступенчатая формула правдоподобие — доверие — уверенность объектом отражения имеет одно и то же вероятностное знание.

Мы полагаем, что процесс формирования судейского убеждения правомерно исследовать в двух аспектах — в гносеологическом и психологическом.

В гносеологическом аспекте процесс формирования судейского убеждения разветвляется в системе «незнание — знание», от вероятностного знания к знанию истинному и достоверному на основе исследованной совокупности доказательств.

Так, решая вопрос о предании обвиняемого суду, судья предполагает два окончательных вывода по делу: обвинительный тезис, сформулированный в обвинительном заключении, может подтвердиться и не подтвердиться в судебном разбирательстве. Это мнение как вероятностное предположение результата доказывания представляется для судьи равнозначным. В ходе доказывания оно перерастает в достоверный, истинный вывод, исключающий любое иное решение по уголовному делу.

В психологическом аспекте существенным для процесса формирования судейского убеждения является перерастание сомнения как следствие вероятностного знания в убежденность судьи, характеризующую достоверность полученных знаний и готовность действовать в соответствии с ними.

Сказанное позволяет наметить следующие этапы формирования убеждения: а) предварительное изучение материалов уголовного дела с целью решения вопроса о предании обвиняемого суду, б) планирование судебного разбирательства и выдвижение судебных версий, в) проверка материалов предварительного следствия в судебном разбирательстве, г) судебные прения и сопоставление своих оценок с оценками обвинения и защиты, и, наконец, д) окончательное формирование убеждения судьи в совещательной комнате при выработке коллективного убеждения. Два первых этапа характеризуют убеждение в гносеологическом аспекте как знание вероятностное, а в психологическом — наличием сомнений. В ходе судебного следствия судья, изучая доказательства, направляет свою деятельность на устранение возникших сомнений, а вероятные предположения подтверждает или приходит к выводу, что они были необоснованными. На двух последних этапах происходит окончательное формирование судейского убеждения. Безусловно, это деление имеет схематический характер. Но сейчас важно подчеркнуть, что процесс формирования убеждения основывается не только на исследовании собранных доказательств, но и является выражением личностной позиции судьи, его этических взглядов, профессионального правосознания, требований закона.

Глава вторая ЛИЧНОСТЬ СУДЬИ И НРАВСТВЕННЫЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ СУДЕЙСКОГО УБЕЖДЕНИЯ

В осуществлении функций социалистического правосудия, в формировании судейского убеждения большую роль играет личность судьи, его нравственные идеалы, социально-психологические мотивы деятельности.

В «Положении о дисциплинарной ответственности судей Украинской ССР» подчеркивается, что советский судья — избранник народа. Он должен дорожить доверием народа, быть образцом честного служения Родине, строгого соблюдения советских законов, образцом моральной чистоты и безукоризненного поведения, чтобы иметь право судить и воспитывать других.

Отсюда вытекает актуальность разработки вопросов, связанных с личностными особенностями судьи и их влиянием на выполнение им профессиональных обязанностей, на формирование убеждения по уголовному делу. Эта комплексная проблема не может быть с достаточной полнотой изложена в небольшой по объему книге, поэтому мы сосредотачиваем внимание лишь на некоторых наиболее важных моментах.

§ 1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ СУДЬИ ПО ПРОФЕССИИ

Общезвестно, что от поведения судьи по профессии в судебном процессе, от стиля руководства судебным заседанием, от уровня его идеологической зрелости и профессионального мастерства, от осознания им целей и задач социалистического правосудия во многом зависит правильное решение уголовного дела.

В процессуальной литературе наметились различные подходы к выяснению этого вопроса. Так, Т. Г. Морщакова и И. Л. Петрухин решают его с точки зрения критериев сложности умственного труда, а именно: профессиональная квалификация, степень самостоятельности и инициативы, умение руководить трудом

коллектива, интенсивность работы, уровень ответственности, сложность выполняемой функции [109, с. 275].

Н. В. Радутная выделяет объективные и субъективные критерии. К объективным она относит возраст, гражданство, т. е. требования, указанные в законе, а также наличие высшего юридического образования, знание языка большинства населения той местности, в которой судье придется работать, стаж юридической работы, а к субъективным — психологические особенности личности с точки зрения определения пригодности быть судьей по профессии [см. 151].

Ряд приведенных выше положений, несомненно, заслуживает внимания и одобрения. С нашей точки зрения, Н. В. Радутная правильно ставит вопрос о требованиях к кандидату в судьи, которые должны быть указаны в законе: знание местного языка, наличие высшего юридического образования и определенного стажа юридической работы (трехлетнего). Т. Г. Моршакова и И. Л. Петрухин справедливо характеризуют труд судьи по степени интеллектуальной сложности.

Однако признать эти решения полными, охватывающими всю характеристику личности судьи, нельзя.

Личность судьи организуется и развивается в судебной деятельности под целенаправленным влиянием как общества и государства, определяющих цели, задачи и методы осуществления социалистического правосудия и гарантирующих нормальные условия для успешного выполнения судейских функций, так и под воздействием вышестоящих судебных инстанций, которые обеспечивают единообразное применение закона в судебной практике. Поэтому задача изучения личности судьи и определения влияния ее свойств на выполнение профессиональных обязанностей, в частности, на формирование судейского убеждения, заключается в том, чтобы, отходя от социологического понятия личности, наметить те свойства последней, которые являются профессионально полезными и актуализируют профессиональную деятельность. Наиболее приемлемым здесь является метод самооценки личностных свойств самими судьями по профессии.

В последнее время значительно возросло число работ, посвященных вопросам как психологии, так и социологии личности. Однако, несмотря на это, в философской и социологической литературе, в психологии еще не выработано единое понятие личности и ее структуры. Наметились в основном два подхода к ее определению. Одни авторы понимают личность в единстве природных, психологических и социальных качеств. Наиболее последовательно эту точку зрения проводит К. К. Платонов, который выделяет в структуре личности четыре подструктуры: 1) направ-

ленность, отношения и моральные черты личности; 2) знания, навыки, умения и привычки, приобретенные путем обучения; 3) индивидуальные особенности отдельных психических процессов; 4) свойства темперамента, типологические основы высшей нервной деятельности [137, с. 79—81].

Безусловно, отмеченные выше подструктуры имеют значение для изучения личности судьи. Однако думается, что главным в структуре личности судьи все же являются не индивидуальность протекания отдельных психических процессов и проявление свойств темперамента, а социальная характеристика, социальная направленность. Конечно, нельзя отрицать, что особенности протекания психических процессов и свойства темперамента играют свою роль в осуществлении профессиональных функций судьи, но они не являются для этой деятельности определяющими.

Другие исследователи сводят личность к психо-социальным качествам, причем некоторые из них определяют «личность» через понятие «человек», выделяя в качестве признаков личности социальность, сознательность, деятельность, социальную активность, дополняя все это чувствами и эмоциями [см. 150].

Обстоятельный анализ указанных точек зрения дал Г. Л. Смирнов [185].

К. Маркс указывал на то, что «сущность «особой личности» составляет не ее борода..., не ее абстрактная физическая природа, а ее *социальное качество*» [3, с. 242].

«Человек» — биосоциальное понятие, а «личность» — понятие преимущественно социальное. Оно характеризует человека как субъекта социальной жизни. Когда мы говорим о личности, то имеем в виду прежде всего то, как проявляются в ее конкретной деятельности, в выполняемой социальной роли идейно-политические, правовые и моральные требования общества. Подчеркивая значение социальных качеств в структуре личности, Р. Косолапов и В. Марков видят в данном понятии «суммарное выражение социальных качеств индивида», единство его объективных и субъективных характеристик [84, с. 75]. При этом необходимо строго различать совокупность социальных качеств, которым должна отвечать личность, занимающаяся определенным видом профессиональной деятельности, и индивидуальные особенности личности [173, с. 309].

В отечественной правовой литературе при описании личностных свойств следователя, судьи, их профессиональной деятельности широко применяется такой термин, как установка. Так, В. Н. Радутная полагает, что «общественная деятельность, жизненный опыт лица служит основой для возникновения в его сознании так называемых фиксированных установок, которые

определяют мотивы его поведения в конкретной ситуации, направленность его деятельности... Постепенно у лица растет объем установочных состояний: в него включаются непосредственно возникающие установки и установки, опосредствованные прошлым опытом» [153, с. 30—31].

Думается, что здесь нет необходимости излагать теорию установки, предложенную грузинским психологом Д. Н. Уznaдзе, который понимал под ней целостное, динамическое состояние субъекта, состояние готовности к определенной активности, состояние, которое обуславливается двумя факторами: потребностью субъекта и соответствующей объективной ситуацией. Д. Н. Уznaдзе считал, что установка является самым важным моментом в деятельности человека, и исходил из того, что «волевое поведение... не подразумевает на каждом шагу активного вмешательства субъекта, сознательных поисков и нахождения средств выполнения решения» [208, с. 382]. А. С. Прангишвили в своих работах развивает мысль о том, что установка характеризует всю психику человека [148, с. 3—10].

Мы считаем, что такое понятие установки механически переносится на характеристику личностных свойств судьи и даже на характеристику его профессиональной деятельности. Действительно, судья, приступая к рассмотрению уголовного дела, обладает набором фиксированных установок, обусловленных его профессиональным опытом, знанием жизни, усвоением требований закона и т. д. В процессе рассмотрения уголовного дела у него возникают новые установки. Следовательно, судья, как и каждый человек, обладает множеством различных установок. Однако принятие решения по уголовному делу — это следствие не только установок судьи, но и творческий акт всей его духовной сферы, когда каждый раз в результате сложной мыслительной деятельности, колебаний и сомнений приходится выбирать определенный вариант поведения. Поэтому система установок «не в состоянии объяснить,— справедливо отмечает Б. Д. Парыгин,— какое бы то ни было обновление, изменение и развитие духовного состояния и поведения человека» [126, с. 159]. Это положение важно для уяснения механизма действия готовых установок в стереотипной деятельности.

Но в деятельности судьи, когда он, по сути, каждый раз изучает индивидуально-неповторимое событие и своеобразие преступного поведения подсудимого, стереотипизация приводит к неполноте исследования. При определении своего отношения к фактическим обстоятельствам дела судья всегда «ощущает» тяжесть личной ответственности за правильность принятого решения, эмоциональное, волевое и интеллектуальное напряжение.

Представляется, что при характеристике личности судьи следует говорить не об его установках, а о направленности как выражении личной позиции, обусловленной идейной убежденностью, морально-волевыми и нравственными качествами судьи.

Многие исследователи подчеркивают, что направленность личности — ее важнейшее свойство, в котором выражается основное содержание поступков человека как субъекта деятельности.

Под направленностью личности понимается своеобразно переживаемое избирательное отношение человека к действительности, влияющей на его жизнь и деятельность [93], избирательная активность личности в ее отношениях и деятельности [78], психические свойства, определяющие общее направление деятельности человека при разнообразных обстоятельствах жизни [108], преобладающие мотивы деятельности [119], активная деятельность, направленная на достижение сложных и отдаленных жизненно важных целей [101].

Таким образом, несмотря на различия в толковании данного понятия, основным его содержанием является отношение человека к обществу, к своей профессиональной деятельности, к другим людям.

По направленности личности судьи можно сделать вывод о его идейной зрелости и мировоззрении, о нравственных ценностях, идеалах, интересах и т. д. Направленность личности судьи — это такое ее качество, которое является побудительной силой к строгому выполнению требований закона, к практическому осуществлению правовых предписаний в профессиональной деятельности в сочетании с высокими принципами коммунистической морали.

Существует большой арсенал положительных качеств личности и все они в известном смысле могут быть применены к описанию личности судьи и характеристике ее социальной направленности. Однако это чрезвычайно сложная задача. На наш взгляд, более правильный подход заключается в том, чтобы выбрать такой объективный ориентир, который устанавливает основные требования, предъявляемые советским обществом и государством к судьям.

Одной из главных характеристик личности судьи является ее профессиональная направленность, которая включает в себя единство морально-волевых и интеллектуальных качеств и выражается в: а) осознании профессионального долга; б) уровне профессионального правосознания и профессионального мастерства; в) творческом подходе к отправлению судебных функций; г) нетерпимости к нарушениям требований социалистической

законности; д) стремлении к принятию самостоятельного решения, свободного от посторонних воздействий, в соответствии с собранными доказательствами и по своему убеждению.

Таким образом, профессиональная направленность обусловлена идейной убежденностью судьи, его партийностью.

В. И. Ленин призывал «следить за тем, чтобы партийность была *не словом* только, а делом» [10, с. 110].

Идейная личность ставит на первое место общественный интерес, всецело разделяет цели и принципы коммунистической идеологии. Идейная убежденность судьи, преданность его идеям коммунизма выражается в непримиримом отношении к нарушениям требований социалистической законности, в строгом исполнении предписаний закона при разрешении уголовных дел.

Идейная убежденность помогает судье преодолевать отрицательные воздействия. Влияние различных факторов на личность судьи, роль среды, окружения, всевозможных микрогрупп представляет собой систему, центром которой является воздействие среды, связанное с той социальной ролью, престижем и статусом, которые судья занимает в обществе. Воздействие среды может иметь как положительный, так и отрицательный характер для деятельности по отправлению правосудия. В этом аспекте идейная убежденность судьи, глубокое осознание им своего общественно-политического долга имеет важное значение для «распознавания» природы и целей такого воздействия.

Идейная направленность судьи проявляется в том, что уважение к праву, к законности выступает как его личное убеждение.

Л. И. Брежнев в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду партии обращал внимание на то, что «уважение к праву, к закону должно стать личным убеждением каждого человека. Это тем более относится к деятельности должностных лиц. Любые попытки отступления от закона или обхода его, чем бы они ни мотивировались, терпимы быть не могут. Не могут быть терпимы и нарушения прав личности, ущемление достоинства граждан. Для нас, коммунистов, сторонников самых гуманных идеалов, это — дело принципа» [19, с. 99].

Сочетание идейности, развитого профессионального правосознания и высоких нравственных качеств характеризует личность судьи, ее социальный престиж в обществе.

При вынесении решения судья каждый раз должен определить свое понимание общественной значимости тех социальных благ, на которые посягает подсудимый, оценить поведение последнего не только с точки зрения закона, но и с позиций справедливости, исходить при оценке вреда, причиненного преступ-

лением, «из данной системы социально-классовых отношений» [21, с. 6].

В профессиональной направленности личности судьи, в избирательности его поведения определенную роль играют индивидуальные качества и организаторские способности. В. И. Ленин среди необходимых черт, без которых нельзя быть организатором, называл терпеливость, вежливость, отсутствие капризности и раздражительности. «Это не мелочь,— писал он,— или это такая мелочь, которая может получить решающее значение» [16, с. 346].

Между нравственными, морально-волевыми качествами судьи и формированием его убеждения существуют многоплановые зависимости. Какие морально-волевые и интеллектуальные качества судьи положительно сказываются на формировании «собственного взгляда» на доказанность события преступления и виновность подсудимого, актуализируют полноту, объективность и всесторонность исследования дела, а какие на данный процесс влияют отрицательно? Этот вопрос можно решить путем изучения «внутреннего» мира судьи. В предложенной судьям анкете нужно было дать самооценку морально-волевых и интеллектуальных качеств, влияющих на успешность профессиональной деятельности.

Вопрос о морально-волевых качествах был сформулирован таким образом: «Морально-волевые качества, которые Вы считаете профессионально необходимыми для судьи (из числа перечисленных укажите те, которые Вы считаете наиболее важными)», и далее предлагался перечень. Судьи могли называть и иные морально-волевые качества, не указанные в перечне. Некоторые судьи подчеркивали все качества, указанные в перечне, другие — несколько, и ни один из респондентов не назвал одно какое-либо качество. Это обстоятельство следует иметь в виду при анализе ответов на приведенную серию вопросов анкеты (см. табл. 4).

Судьями также были отмечены качества, не вошедшие в перечень: скромность (19%) и вежливость (17%).

Из таблицы можно сделать вывод, что на первое место судьи поставили морально-волевые качества, которые способствуют полноте, объективности и всесторонности исследования обстоятельств уголовного дела, постановлению законного и обоснованного приговора, а также свидетельствуют об их профессиональной направленности на строгое и неуклонное исполнение требований уголовно-процессуального закона. Самую высокую оценку получили те морально-волевые качества, которые при формировании судейского убеждения в наибольшей степени обуслови-

Таблица 4

Морально-волевые качества	Стаж работы судьи				Всего, %
	Избран в 1-й раз, %	Избран во 2-й раз, %	Избран в 3-й раз, %	Избран в 4-й раз и более, %	
Честность	100	100	100	100	100
Справедливость	75,9	85,7	82,4	97,4	87,3
Объективность	73,8	84,2	91,6	94,7	86,7
Принципиальность	94,2	72	88	67,7	78
Эрудиция и общий высокий уровень культуры	58,1	75,1	80,5	82,1	74,7
Ответственность за судьбы людей	84,3	74,1	73,1	66,6	73,6
Умение управлять собой и своими чувствами	58,1	56,8	70,3	90,4	73
Трудолюбие	57,5	58,3	82,4	68,4	65,2
Творческий подход к ра- боте	37,1	44,6	59,1	96,3	64,5
Знание жизни	35,5	47,2	76,8	98,8	64,2
Умение понимать людей	48,7	49,2	74	80	64
Уважение к чужому мнени- ю	24	34,5	75	91,1	59
Простота	40,3	48,7	46,2	52,3	47,7
Умение видеть хорошее даже в человеке, совершив- шем преступление	41,8	43,6	46,3	50	45,7
Чуткость	34,5	43,1	45,3	44	41,7
Целеустремленность	23,5	28,9	23,8	29,6	27,5

вают выработку личного отношения к доказанности или недоказанности обстоятельств события преступления.

Характерным является и то обстоятельство, что длительность профессиональной деятельности повышает удельный вес таких морально-волевых качеств, как объективность, справедливость, умение управлять собой и т. д., способствующих надлежащему исполнению судебных обязанностей и вырабатывающих стойкую сопротивляемость посторонним воздействиям.

В профессиональной деятельности судья находит гармоничное сочетание своих личных и общественных интересов, а сама деятельность осуществляется под влиянием глубокого убеждения в необходимости строгого соблюдения требований социалистической законности, осознания чувства социальной ответственности за правильность разрешения каждого уголовного дела.

При рассмотрении вопроса об интеллектуальных качествах мы исходили из того, что судья действует в экстремальных

условиях, к числу которых следует отнести: дефицит времени, осуществление профессиональной деятельности в условиях информационных «помех» (подсудимый склонен преувеличивать свои положительные качества, а по некоторым делам давать показания, которые искажают истинную картину содеянного, свидетели могут забыть отдельные факты или давать ложные показания и т. д.), включение в минимальный срок в деятельность по руководству судебным разбирательством, повышенную моральную ответственность в процессе принятия решения по делу. Все это обусловило включение в перечень таких интеллектуальных свойств личности, которые, как нам кажется, являются наиболее значимыми для судейской деятельности в экстремальных условиях.

Судьям предлагалось из числа перечисленных в анкете интеллектуальных качеств назвать те, которые являются, по их мнению, профессионально необходимыми (см. табл. 5).

Таблица 5

Интеллектуальные качества	Стаж работы судьи				Всего, %
	Избран в 1-й раз, %	Избран во 2-й раз, %	Избран в 3-й раз, %	Избран в 4-й раз и более, %	
Рассудительность	59,6	60	76,8	95	75,7
Наблюдательность	59,6	66,4	65,7	87,8	74
Хорошее владение письменной речью	44,5	51,2	76	82,8	64,6
Контактность	44,5	47,7	75	70	59
Умение подчинить себе внимание аудитории	45,5	56,8	63,9	65,4	58,3
Быстрота ориентировки	26,1	56,2	53,7	58,2	48,5
Умение влиять на людей	22,5	28,4	77,7	71,3	36,6
Находчивость	30,3	36,0	40	37,8	36

Из иных качеств судьи назвали терпеливость (21%) и вдумчивость (17%).

Приведенные в табл. 5 данные подтверждают вывод о том, что с продолжительностью профессионального стажа вырабатываются и закрепляются те свойства личности, которые, с одной стороны, имеют определяющее значение при принятии решения по делу (рассудительность, хорошее владение письменной речью и т. д.), а с другой,— способствуют формированию убеждения на основе достоверно установленных фактов (наблюдательность, контактность и т. д.).

Нас могут упрекнуть в том, что предложенные выше перечни морально-волевых и интеллектуальных качеств личности судьи далеко не полные и в них следовало бы включить еще целый ряд качеств, которые в равной степени являются профессионально необходимыми для судейской деятельности. Однако здесь нужно подчеркнуть, что вопросы нашей анкеты оценивались как ориентировочные. Их постановкой мы хотели обратить внимание респондентов на то, какие же личностные качества являются профессионально необходимыми для успешного осуществления функций правосудия.

Ответы на вопросы анкеты подготовили судьи к суждениям — самооценкам в отношении тех личностных свойств, которые являются профессионально необходимыми или же профессионально противопоказанными (вопросы были поставлены в открытой форме).

На вопрос «Назовите специфические свойства личности, которые Вы считаете профессионально необходимыми для судьи», были получены такие ответы (см. табл. 6).

Таблица 6

Профессионально-необходимые свойства личности	Стаж работы судьи				Всего, %
	Избран в 1-й раз, %	Избран во 2-й раз, %	Избран в 3-й раз, %	Избран в 4-й раз и более, %	
Идейная убежденность, высокая нравственность, человечность, честность, уважение к закону	84,8	87,7	88,8	95,3	90,1
Беспристрастность, объективность, справедливость	97,9	47,7	96,3	93	83,5
Знание жизни, житейский опыт	45	38	58,5	48	46,2
Трудолюбие, неспешность в выводах, усидчивость	15,1	22,8	60,1	42,7	33,6
Любовь к профессии	16,2	10,6	14,8	27	18,7

Как видим, судьи в качестве профессионально необходимых свойств личности назвали те, которые характеризуют ее идейную и нравственную направленность. Обращает на себя внимание тот факт, что судьи отметили в первую очередь такие свойства, как идейная убежденность, уважение к закону, высокую нравственность, знание жизни и жизненный опыт. Думается, что эти свойства являются определяющими в структуре личности судьи, обуславливают не только успешное осуществление судейских

обязанностей и разрешение каждого уголовного дела в соответствии с требованиями закона, но и способствуют формированию судейского убеждения, свободного от посторонних воздействий.

Анкетирование также выявило, что неотъемлемым компонентом личности судьи является функционирование знаний, не связанных непосредственно с отправлением правосудия (знание жизни, житейский опыт и т. д.), но вытекающих из общественно-политической деятельности.

К свойствам личности, противопоказанным для судейской деятельности, респонденты отнесли следующие (см. табл. 7).

Таблица 7

Профессионально противопоказанные свойства личности	Стаж работы судьи				Всего, %
	Избран в 1-й раз, %	Избран во 2-й раз, %	Избран в 3-й раз, %	Избран в 4-й раз и более, %	
Предвзятость, неуважение к людям, грубость, вспыльчивость, зазнайство	60,7	65,4	74	86,8	73,7
Безответственность, безволие	47,1	40,6	75	30	42,7
Бюрократизм, карьеризм	40,3	32,0	42,6	27,9	31,5
Рассеянность и поспешность в выводах	30,3	23,3	40,0	33,8	31,2
Безграмотность (общая и правовая)	7,3	5,0	9,2	20,3	12

Примечательно, что среди профессионально противопоказанных свойств личности судьи на первое место поставили такое отрицательное качество (см. табл. 7), которое не позволяет полно, всесторонне и объективно исследовать обстоятельства дела, создать благоприятный психологический климат в судебном разбирательстве и направить свои усилия и усилия всех участников судебного процесса на установление истины. Отмеченные отрицательные качества в их, так сказать, суммарном выражении, свидетельствуют о подлинно гуманистическом отношении судей к подсудимому, поскольку предвзятость, безответственность и т. д. объектом своего отражения имеют решение судьбы подсудимого и поэтому являются профессионально недопустимыми для судьи.

Судья по профессии как специалист формируется в деятельности по рассмотрению и разрешению уголовных дел. Однако

профессиональная деятельность накладывает свой отпечаток и на его индивидуальность, играющую определенную роль в формировании судьейского убеждения.

Индивидуальность составляет основу того психического образования, которое в психологии называется характером личности. Следовательно, вполне возможно выдвинуть предположение, что в процессе профессиональной деятельности по отправлению правосудия у судьи вырабатываются определенные свойства характера, одни из которых способствуют успешному проведению этой деятельности, а другие, напротив, отрицательно сказываются на ее эффективности.

«Характер человека, — писал Б. М. Теплов, — прежде всего определяется его отношением к миру, к другим людям, к своему делу и, наконец, к самому себе» [198, с. 243]. Характер судьи включает в себя много психических функций, обуславливающих своеобразную, привычную манеру его профессионального поведения. Главное в характере — это те психические особенности, от которых зависит соответствие между мировоззрением человека и его поступками. Таким образом, характер судьи должен отличаться идейной направленностью, широкими познавательными функциями и способностями, твердой волей и высокими моральными чувствами. Мы далеки от мысли дать хотя бы примерное описание тех параметров, которым должен отвечать характер судьи по профессии с точки зрения успешности выполнения профессиональных обязанностей. Однако определенный интерес вызывает самодиагностика судьями тех черт характера, которые развиваются у них в процессе профессиональной деятельности.

В анкете судьям задавался вопрос «Какие качества Вашего характера развились в результате судейской деятельности?» (вопрос был поставлен в открытой форме) (см. табл. 3).

Судьи называли и такие отрицательные свойства характера, как педантизм, неуверенность в себе, излишняя резкость, черствость (0,3%).

Мы попытались сгруппировать лишь некоторые свойства характера, отмеченные судьями. В этом аспекте можно было бы дать характеристики по более укрупненным показателям (например, чувство ответственности за судьбы людей, естественно, включает в себя и объективность, и гуманность, и самостоятельность в принятии решения), но мы стремились к фотографической точности ответов и выбрали только специфические сочетания, названные судьями.

Важно отметить, что если с продолжительностью стажа работы у судей по профессии вырабатываются положительные

Свойства характера, развившиеся в судебной деятельности	Стаж работы судьи				Всего, %
	Избран в 1-й раз, %	Избран во 2-й раз, %	Избран в 3-й раз, %	Избран в 4-й раз и более, %	
Положительные:					
Уважение к закону, ответственность за судьбу людей и свое решение	68,5	83,7	81,4	70	74,6
Самостоятельность в выводах	59,6	67,6	70	74	68,5
Умение управлять своими чувствами, высокая требовательность к себе, гуманность, чуткость	36,1	43,1	50,9	73,3	54
Наблюдательность	8,9	46,1	68,5	42,1	38,7
Объективность и принципиальность	35,6	34,0	52,7	33,5	36,7
Рассудительность	23,5	38,0	25	32,2	30,6
Усидчивость, трудолюбие	8,3	12,6	16,6	13,4	12,5
Отрицательные:					
Недоверие к людям (не всегда говорит правду)	0,5	6,0	15,5	6,5	6,1
Раздражительность	5,2	3,0	5,5	6	4,6
Излишняя осторожность	0,5	—	3,7	2,6	1,7
Подозрительность	1	—	—	3,6	0,3

качества характера, о чем наглядно свидетельствуют материалы анкетирования, то такая закономерность не проявляется в полной мере при самодиагностике судьями отрицательных черт характера.

Названные судьями положительные свойства характера способствуют формированию убеждения, свободного от посторонних влияний и основанного на полном, объективном исследовании собранных по делу доказательств, вынесению обвинительного приговора при несомненной доказанности вины подсудимого.

Вместе с тем некоторые судьи назвали целый ряд отрицательных черт характера, что свидетельствует об определенной профессиональной деформации. Здесь важно подчеркнуть, что такие отрицательные черты характера, как недоверие к людям, подозрительность, излишняя осторожность и т. д., могут рассматриваться как психологические факторы, отрицательно воздействующие на формирование судейского убеждения, поскольку они

«оправдывают» вынесение приговора при наличии сомнений в виновности обвиняемого и препятствуют успешному осуществлению судейских обязанностей.

Отрицательные черты характера и свойства личности, противопоставленные для профессиональной деятельности судьи, проявляются в косном стереотипе как одном из выражений профессиональной деформации. В силу недостаточного идейно-политического развития, низкого культурного и нравственного уровня, малого объема профессиональных знаний судьи на адекватность его оценок воздействуют укоренившиеся суждения и шаблоны, мешающие правильному восприятию доказательственной информации, что сказывается на объективности формирования судейского убеждения и обуславливает субъективизм в выводах.

Косный стереотип в психологическом плане проявляется в том, что создает у судьи настрой на безусловную правильность только его оценок и нежелание соотносить своё решение с конкретной ситуацией, возникающей по уголовному делу. Косный стереотип в познавательной деятельности, по сути, подменяет дискурсивное рассуждение догадками, а пробел в системе доказательств восполняет предшествующим опытом. Иными словами, косный стереотип свертывает «функцию анализа и поиска» [см. 81] при принятии решения. «Отрицательные явления профессионализма,— обоснованно отмечает Н. В. Радутная,— могут быть частично устранены путем повышения идейно-политического, культурного уровня судей, выработки в их сознании правильного понимания своего партийного и общественного долга, воспитания у них гуманных начал» [151, с. 66].

Иногда высказываются взгляды, что вводимая во всех звеньях судебной системы специализация судей способствует развитию косного стереотипа [см. 151]. Подобное утверждение высказано априорно, без анализа судебной практики. Т. Г. Морщакова и И. Л. Петрухин приводят убедительные данные, свидетельствующие о том, что судьи, работающие по специализации, имеют лучшие показатели в работе [109, с. 287]. Специализация позволяет выявить индивидуальные возможности судьи с точки зрения их наиболее эффективного применения при рассмотрении отдельных категорий уголовных дел, более детально изучить определенное законодательство, практику его применения, выработать навыки и умения, способствующие избранию наиболее рациональной тактики следственных действий, выдвижению и проверке судебных версий, обеспечивающих объективное, полное и всестороннее исследование обстоятельств уголовного дела. Специа-

лизация, в конечном счете, может рассматриваться и как фактор, «облегчающий» формирование убеждения судьи.

Противовесом влияния косного стереотипа профессионального судьи на судебный приговор и на исследование дела является участие народных заседателей в отправлении правосудия, коллегиальное постановление судебного приговора, принцип состязательности. В этой связи обращает на себя внимание тот факт, что в некоторых своих постановлениях Верховный Суд СССР проводит курс на специализацию, точнее — профессионализацию народных заседателей. Например, при рассмотрении дел о преступлениях несовершеннолетних Верховный Суд СССР рекомендует включать «в состав суда... народных заседателей из числа педагогов и иных лиц, имеющих опыт в воспитании молодежи» [178, с. 317], дела об автотранспортных преступлениях «...рассматривать с участием народных заседателей, знакомых с правилами и условиями работы на транспортных средствах» и т. д. [178, с. 548].

Участие народных заседателей, имеющих специальную подготовку для исследования дел, способствует гармоническому сочетанию их профессиональной квалификации и правовых знаний судьи, повышает компетентность судебной коллегии, ее активность в судебном разбирательстве, является одним из условий отыскания объективной истины по делу. В ходе общения судьи по профессии и народные заседатели обмениваются опытом профессиональной деятельности и знаниями, взаимообогащая друг друга в целях выработки правильного решения.

Мы не разделяем опасений А. С. Кобликова в отношении того, что судебная коллегия, в состав которой войдут народные заседатели, обладающие специальными знаниями, «не назначит экспертизы, хотя ее необходимость следует из закона, тем самым будет существенно нарушен закон и вполне вероятно неправильное разрешение дела» [77, с. 36; см. 51, с. 131—132].

А. С. Кобликов не учитывает того обстоятельства, что осведомленность народного заседателя в специальных вопросах, подлежащих выяснению по уголовному делу, поможет суду более правильно сформулировать задачи, которые необходимо решить путем экспертного исследования, оценить последнее не только с точки зрения его соответствия собранным по делу доказательствам, но и научной обоснованности примененных методов.

Являются неубедительными доводы А. С. Кобликова в отношении того, что указанный выше порядок комплектования народных заседателей будет сводиться к их подбору по чьему-либо усмотрению и нарушать принцип очередности. Во-первых, не по всем уголовным делам необходим указанный подбор народных

заседателей, во-вторых, в судах народные заседатели, имеющие специальные знания, могли бы числиться в отдельных списках и вызываться в порядке очередности.

§ 2. НРАВСТВЕННЫЕ НАЧАЛА ФОРМИРОВАНИЯ СУДЕЙСКОГО УБЕЖДЕНИЯ

Судья, реализуя в процессуальных действиях, решениях требования правовых норм, опирается не только на политическое, правовое сознание, но и на систему принципов, сформулированных в Программе Коммунистической партии Советского Союза, на моральный кодекс строителя коммунизма. Отсюда вытекает актуальность изучения проблем, связанных с нравственными основами формирования судейского убеждения.

Нравственные нормы, наряду с нормами права и фактическими обстоятельствами дела, выступают в качестве объективного источника формирования судейского убеждения.

Значение нравственных начал в формировании судейского убеждения заключается в том, что они исключают субъективизм судьи при принятии решения по делу, гарантируют формирование такого содержания знаний об обстоятельствах рассматриваемого дела, которое достоверно и получено в соответствии с требованиями закона.

Убеждение, указывал В. Г. Белинский, — это идея, «проведенная через собственную натуру» [33, с. 798]. От того, какими нравственными чертами характеризуется эта натура, во многом зависит не только содержание самой идеи, но и поведение лица, а также практический характер решения, реализующего эту идею.

Судебная практика свидетельствует о том, что создание благоприятного нравственного микроклимата в судебном заседании, обстановка доброжелательности, уважения к правам, законным интересам и достоинству подсудимого, потерпевшего и других участников процесса, взаимная требовательность в судейской коллегии, сочетаемая с неуклонным соблюдением требований закона, — все это является важным условием активности суда при исследовании обстоятельств совершенного преступления, гарантией осуществления задач социалистического правосудия по каждому уголовному делу.

Мораль, как и право, — классовое понятие. В речи на III съезде комсомола В. И. Ленин указывал: «Для нас нравственность, взятая вне человеческого общества, не существует; это обман. Для нас нравственность подчинена интересам классовой борьбы пролетариата» [13, с. 310].

Нравственная позиция судьи при рассмотрении уголовного дела проявляется не только в строгом соблюдении требования закона, но и в том, что свое поведение в судебном процессе он должен оценивать с точки зрения принципов коммунистической морали, твердо усвоенных им и ставших достоянием его личности.

В. И. Ленин резко осуждал Михайловского, который считал, что долг общественного деятеля исключает его нравственную обязанность [8, с. 547—548].

Нравственная убежденность судьи выражается в том, что принципы коммунистической морали превращаются в принципы его профессиональной деятельности. Нравственный аспект убеждения судьи в правильности принятого им решения по уголовному делу состоит в том, что судья действует и принимает решение в соответствии со своим убеждением. В этой связи важно подчеркнуть следующее положение. В процессуальном законе и в общественном сознании закрепляется должный тип поведения судьи в процессе, который выступает как нравственный идеал поведения, следуя которому судья имеет право вторгаться во внутренний мир подсудимого, потерпевшего и т. д. Эта сложная система регулирования поведения судьи при отправлении функций социалистического правосудия опосредствована стандартами поведения, системой ценностей и ориентаций, принятых в данном виде профессиональной деятельности.

Отсюда вытекает вывод, что нормы нравственности побуждают судью на практике следовать тому образцу поведения, который соответствует социальному престижу судебных органов и их функциональному назначению в правоохранительной деятельности государства.

Понятия и категории этики как научной теории морали представляют собой отражение нравственных отношений, складывающихся не только во взаимоотношениях людей, но и в определенных видах государственной деятельности. Такие моральные понятия и категории, как добро, зло, долг, совесть, честь и т. д., специфически преломляются в зависимости от той конкретной ситуации, в которой формируется отношение по поводу определенных ценностей. На эти отношения влияют моральные свойства личности.

Следовательно, не каждая жизненная ситуация, более того, не каждая профессия требует одинаковой моральной оценки, равнозначных моральных свойств личности. Иначе говоря, фактически сложившееся разделение профессий в этическом плане представляет неодинаковую степень развития морального созна-

ния, необходимого для адекватного осуществления профессиональных функций.

Ф. Энгельс подчеркивал, что не только каждый класс, но и «даже каждая профессия имеют свою собственную мораль» [7, с. 298—299].

Разработка этических проблем в современных условиях повышения морального фактора в регулировании общественных отношений и поведения человека имеет первостепенное значение для правоохранительной деятельности. Этим объясняется повышенный интерес многих правоведов к предмету профессиональной этики — судебной этике. Наметившиеся в литературе взгляды по этому вопросу можно в основном свести к следующему.

Л. Е. Ароцкер полагает, что к предмету судебной этики относятся общие закономерности коммунистической морали в деятельности судей, следователей, прокуроров, адвокатов, судебных экспертов и специфические нравственные начала, присущие этим профессиям [27, с. 32].

М. С. Строгович подчеркивает, что судебная этика изучает применение норм нравственности в специфических условиях судебной и следственной деятельности [193, с. 91].

А. Р. Ратинов и Ю. Зархин определяют судебную этику как учение о специфических нравственных нормах служебной деятельности и внеслужебного поведения профессиональных участников судопроизводства [159, с. 35].

По мнению А. Д. Бойкова, «судебная этика может быть представлена как учение о нравственных идеалах, принципах и нормах осуществления правосудия, определяющих нравственное содержание деятельности профессиональных участников судопроизводства» [116, с. 33].

Наиболее широкое понятие судебной этики дает Г. Ф. Горский, который включает в ее предмет не только все сказанное выше, но и культуру судебного процесса, взаимоотношение личных и общественных интересов в уголовном судопроизводстве, роль нравственных начал в обеспечении законности, нравственные отношения участников процесса, нравственное воспитание подсудимого в судебном процессе и в ходе исправительно-трудового воздействия и т. д. [51, с. 16—22].

Вопрос о предмете судебной этики, по нашему мнению, должен решаться в зависимости от того, является ли она разделом процессуальной науки или же выступает как определенное разветвление собственно этики в ее приложении к отдельным видам профессиональной деятельности. Без решения этого вопроса нельзя адекватно установить предмет судебной этики. Здесь следует обратить внимание на то, что сам термин «судебная

этика» в его традиционном понимании, данном еще в известных работах А. Ф. Кони, явно «перерос» свое традиционное содержание. В этом плане точнее говорить об этике правоохранительной деятельности, или правоохранительной этике, с выделением собственного предмета исследования.

Практически спор идет о том, является ли предметом судебной этики применение общих норм нравственности в специфических условиях судебной и следственной деятельности или наряду с этим в деятельности судьи, прокурора, следователей и других профессиональных участников судопроизводства выявляются специфические нравственные начала, присущие только этим профессиям.

Не касаясь ни частной проблемы соотношения тактических приемов производства отдельных следственных действий и их нравственной допустимости, ни соотношения норм уголовно-процессуального права и морали, не вдаваясь в полемику о нравственных началах в уголовном судопроизводстве, подчеркнем только, что действующий закон (как уголовный, так и уголовно-процессуальный), закрепляя требования многих моральных норм, сам нравственен по своему содержанию. Поэтому главным критерием оценки эффективности деятельности органов расследования, прокуратуры и суда является соответствие этой деятельности закону. С таких позиций предлагаемые разными авторами конструкции предмета судебной этики не всегда выделяют собственно этические проблемы правоприменительной деятельности в сфере уголовного судопроизводства.

Конечно, любой тактический прием можно и нужно оценивать с точки зрения его этической допустимости, но прежде всего он должен рассматриваться в плане требований уголовно-процессуального закона и принципов судопроизводства. В противном случае предмет правового исследования будет подменен этическими категориями без выделения собственно этического аспекта проблемы. Иными словами, поскольку правоохранительная деятельность имеет своим предметом противоправный проступок человека, то и закон, регулирующий эту деятельность, и практика его исполнения несут на себе этическую «нагрузку» в том смысле, что всегда должны оцениваться с этических позиций. Однако это не этический аспект, а правовой.

Предметом этики правоохранительной деятельности должны быть отношения и ситуации, возникающие при применении закона, которые либо не предусмотрены действующим законодательством, либо оно предоставляет определенный выбор поведения органу или лицу, осуществляющему эту деятельность. Но и в подобном случае действия этических категорий должны

просматриваться сквозь призму принципов социалистической законности.

Специалисты по профессиональной этике обычно подчеркивают, что профессиональное почти всегда выступает как моральное. Специфика профессиональной морали тех профессиональных групп, объектом деятельности которых является духовный мир личности, состоит в том, что «отиравление такого рода профессиональных функций достижимо лишь при наличии дополнительных нравственных регуляторов поведения членов этих профессиональных групп. Общеморальные нормы должны быть особым образом конкретизированы, должны отразить специфику труда, структуру моральных отношений, характерных для этого типа профессий» [133, с. 81].

Следовательно, речь должна идти не о «специальной» морали, а о конкретизации основных моральных категорий, отражающих специфику труда и структуру отношений, складывающихся в различных видах правоохранительной деятельности.

Рассмотрим теперь подробнее конкретную роль этических категорий в формировании судьейского убеждения.

Одной из важнейших категорий этики, которая влияет на формирование судьейского убеждения, является понятие профессионального долга, выражающего нравственные обязанности судьи по отношению к обществу, государству и подсудимому, дальнейшая участь которого определяется судебным приговором.

Профессиональный долг характеризуется: а) целями и задачами социалистического правосудия (ст. 2 и 3 Основ законодательства о судостроительстве Союза ССР, союзных и автономных республик), б) обязанностями судьи как председательствующего по делу (ст. 260 УПК УССР).

Под профессиональным долгом судьи подразумевается: 1) понимание целей и задач социалистического правосудия, 2) осознание обязанностей председательствующего по делу, 3) направление деятельности на строгое соблюдение требований закона при рассмотрении и разрешении уголовных дел.

Осознание судьей профессионального долга предполагает заботу о профессиональной чести, о постоянном совершенствовании профессионального мастерства, стремление воспитывать своей деятельностью и личным примером уважение к закону, правосудию, суду. Чувство долга заключается не только в моральной ответственности судьи за правильность рассмотрения и разрешения уголовного дела, но и в ответственности профессиональной. Помимо всего прочего, профессиональная ответственность судьи — это самооценка своих личных качеств с точки зрения пригодности для выполнения функций судьи, определение со-

циальной ценности и полезности собственной профессиональной деятельности. Поэтому как свою составную часть профессиональный долг судьи включает творческое исполнение возложенных на него обязанностей.

Без четкого осознания социальной ценности своей деятельности судья психологически попадает в своеобразное положение «социальной невесомости», обуславливающей раздвоенность отношения к нормам морали: одно — для формального выполнения служебных обязанностей, другое — для себя. Первое отношение лицемерно прикрывает неуважение к правосудию, закону, безразличие к судьбе подсудимого, податливость к посторонним влияниям, оправдывает пассивность судьи в судебном следствии, второе — ведет к цинизму в профессиональной деятельности и к профессиональной деформации (раздувание своего «я», игнорирование при вынесении решения суждений народных заседателей, предубежденность в отношении подсудимого, использование властных полномочий в судебном разбирательстве «во вред» полному исследованию обстоятельств преступления). В подобном случае утрачивается такое социальное качество профессионального долга судьи, как единство в сочетании личных и общественных интересов в профессиональной деятельности. Характерны в этом отношении следующие данные: из 350 опрошенных судей 44% назвали в качестве основного побудительного мотива к избранию работы судьей стремление к торжеству справедливости, нетерпимость к нарушению прав граждан и общественных интересов, 32% указали на важность, значимость и авторитетность профессии судьи, 9% — на склонность к решению сложных исследовательских задач, 8% — на стремление к самостоятельности [154, с. 99].

Проблема профессионального долга и нравственного идеала интересует нас прежде всего как проблема этических требований, опосредствующих такие этические основы формирования убеждения судьи, как судейская совесть, честь, справедливость. Это требует сосредоточения внимания на двух, с нашей точки зрения, главных вопросах: во-первых, каким путем профессиональный долг и нравственные идеалы судьи опосредствуют формирование его убеждения, во-вторых, какая специфика нравственных отношений, возникающих между судьей по профессии и народными заседателями в судебном разбирательстве при принятии решения по делу.

Непонимание ст. 112 Конституции Союза ССР, закрепляющей профессиональный долг и нравственные идеалы судьи, может обуславливать формирование убеждения, не основанного на совокупности исследованных по делу доказательств, что ведет

не только к неправильному осуждению (оправданию) подсудимого, но и имеет самые губительные результаты для авторитета суда и правосудия в целом.

Действительно, ст. 112 Конституции Союза ССР, утверждая двуединую формулу, с одной стороны, гарантирует независимость формирования судейского убеждения, а с другой стороны, ставит свободу формирования этого убеждения в зависимость от подчинения судьи закону. Это своеобразное положение судьи объясняется с позиции такой этической категории, как судейская совесть, которая выражает самооценку деятельности и самоконтроль убеждения не только с точки зрения норм морали, но и тех правовых требований, которые предъявляются к принимаемому по делу решению.

Судейскую совесть в этом аспекте следует рассматривать с учетом диалектического единства субъективного и объективного, того, что процессуальная форма внешне обуславливает внутреннюю потребность судьи поступать в соответствии с требованиями закона. Судейская совесть имеет не только оценочный характер, заставляя судью соотносить свои решения с правовыми предписаниями и нормами нравственности, но и повелевает действовать в соответствии со сложившимся убеждением, противостоять внешним принуждениям и давлениям. Совесть судьи — одно из средств мотивации выбора варианта поведения, допускаемого законом.

Именно судейская совесть служит внутренним стимулом к соблюдению требований закона, к формированию такого содержания убеждения, которое соответствует собранным по делу доказательствам. Совесть судьи противостоит таким отрицательным морально-волевым качествам, отмеченным судьями в ходе анкетирования, как предвзятость, грубость и т. д. Если судья сознает, что он предвзято оценил то или иное доказательство, что под его председательством по уголовному делу не исследованы все возможные судебные версии, он испытывает угрызения совести, осуждает себя. Иначе говоря, совесть судьи, осознание им профессионального долга обуславливает и осознание особой ответственности за полноту, объективность и всесторонность исследования уголовного дела, за законность и обоснованность судебного приговора — акта социалистического правосудия.

В этой связи нельзя согласиться с Л. Д. Кокоревым, который полагает, что «действия участников процесса иногда являются аморальными, несмотря на то, что они формально согласованы с правовой нормой, полностью соответствующей нравственным

принципам». По мнению Л. Д. Кокорева, это происходит потому, что «правовая и нравственная оценка тех или иных действий не всегда может совпадать» [51, с. 74].

Ряд положений, высказанных Л. Д. Кокоревым, несомненно, заслуживает поддержки. С нашей точки зрения, этот автор правильно обращает внимание на необходимость изучения мотивации действий участников уголовного процесса. Вместе с тем Л. Д. Кокорев не учитывает некоторых обстоятельств, органически присущих применению процессуальной нормы. Если участник процесса уполномочен на производство какого-либо следственного действия или на принятие решения и выполняет его в соответствии с нормативными предписаниями, то его поведение всегда будет нравственным. При соблюдении требований процессуального закона нравственная и правовая оценки совпадают. Не может быть внешнего соответствия поведения участника процесса процессуальному закону, поскольку реализация требований процессуальной формы не предполагает только внешнее соблюдение ее предписаний, а направлена на достижение результатов, которые по своему правовому значению и нравственному содержанию являются адекватными.

Одним из моральных стимулов достижения истины по уголовному делу, формирования убеждения как личностного отношения судьи к собранной и исследованной в судебном разбирательстве совокупности доказательств является этическая категория справедливости. Изучение этой категории играет особую роль в правоприменительной деятельности, в которой она выступает в качестве социально-этического критерия объективности реализации правовых предписаний в деятельности суда.

Мы здесь не рассматриваем справедливость в плане индивидуализации наказания, поскольку эта проблема широко освещена в работах философов [122; 132] и правоведов [73; 86].

Остановимся на процессуальном аспекте данного понятия и его роли в формировании судьейского убеждения. В процессуальном плане справедливость включает в себя следующие взаимосвязанные элементы: а) отправление социалистического правосудия на началах равенства граждан перед судом и законом, независимо от их социального, имущественного и служебного положения, национальной и расовой принадлежности, вероисповедания; б) равенство государственного и общественного обвинителя, потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика, общественного защитника, подсудимого и его защитника при доказывании выдвигаемых ими утверждений в отношении виновности или невиновности подсудимого; в) обязательный

учет в обвинительном приговоре обстоятельств, как смягчающих, так и отягчающих ответственность подсудимого. Могут быть, конечно, и другие выражения категории справедливости в уголовном судопроизводстве, но сейчас нас интересуют лишь названные.

Указанные выше элементы характерны для формирования объективности убеждения судьи. Это, в частности, выражается в том, что судья обязан соотносить сложившееся у него убеждение с утверждениями обвинителя, подсудимого и защитника и приводимыми в их обоснование доводами. Проявление справедливости состоит в том, что судья осознает необходимость с одинаковым вниманием относиться ко всем участникам судебного разбирательства, в том числе к обвинителю, защитнику, подсудимому. Однако он не должен приспособливаться к ним, а иметь свое самостоятельное суждение, уметь убедить в его правильности народных заседателей, а через приговор — и участников судебного разбирательства.

Данное обстоятельство мы подчеркиваем потому, что отношения, складывающиеся в судебном разбирательстве, представляют собой «область взволнованной, а не спокойной психики» [42, с. 48], которая влияет на познавательную деятельность судьи, на формирование его убеждения. Привнесение в судебное разбирательство грубости, проявления «чести мундира», пристрастного отношения к подсудимому и т. д. воспринимается последним как несправедливое к нему отношение, что сказывается не только на полноте исследования, но и на адекватности судебного убеждения, на воспитательном значении всего судебного процесса. Справедливым должен быть не только приговор, но и поведение председательствующего в судебном разбирательстве. Это создает психологический и нравственный климат, благоприятствующий полному, объективному и всестороннему исследованию обстоятельств рассматриваемого уголовного дела. В постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 7 июля 1971 г. обращалось внимание на то, что выполнение указаний партии об усилении правового воспитания граждан может быть достигнуто при условии строгого соблюдения законности, высокой культуры судебных приговоров, «справедливости и убедительности судебных решений» [178, с. 25].

Справедливое отношение к подсудимому, к доводам обвинения и защиты обуславливает активное поведение судьи, его «страстное искание истины». В этом плане важен такой вывод В. Н. Мясичева: «Бесстрастное мышление скользит по поверхности объектов, страстное мышление глубоко, пристрастное мы-

шение тенденциозно, утрировано, освещает действительность» [113, с. 129].

Представляется поэтому спорным мнение Л. Д. Кокорева о том, что «в результате пристрастного искания истины у... судьи происходит подмена правового чувства законности — необходимого элемента внутреннего убеждения — такими нравственными чувствами, как ненависть к преступлениям, жалость и сострадание к потерпевшим и т. д. Это оказывает пагубное влияние на формирование внутреннего убеждения. И если в таких случаях... судья игнорирует закон и руководствуется не правосознанием, а лишь нравственным сознанием, неизбежны... судебные ошибки» [51, с. 81].

Нельзя противопоставлять правосознание и нравственное сознание судьи. Если судья действует так, как об этом пишет Л. Д. Кокорев, то у судьи и правосознание, и нравственное сознание не соответствуют тем требованиям, которые предъявляет к нему общество. И правосознание, и нравственное сознание судьи должны «противодействовать» его пристрастному отношению к подсудимому, вырабатывать привычку при любых обстоятельствах оставаться справедливым в своих оценках и отношениях, что является важным условием формирования убеждения.

Специфические нравственные отношения складываются между судьей по профессии и народными заседателями. Особенность этих отношений заключается в том, что судья по профессии и народные заседатели в профессиональном плане не располагают равноценными знаниями для определения фактов объективной действительности, исследуемой в судебном следствии. Судья по профессии, обладая развитым правосознанием, навыками и умением рассмотрения и разрешения уголовного дела, может не иметь того жизненного опыта и некоторых специальных познаний, необходимых для правильного осуществления целей и задач уголовного судопроизводства. Вместе с тем наделенные равными правами судья по профессии и народные заседатели составляют единую коллегию, уполномоченную на осуществление правосудия.

Многие вопросы взаимоотношений судей и народных заседателей в судебном процессе и при принятии решения анализируются в работах Н. В. Радугной [153], В. М. Бохана [41], М. И. Понеделкова [142], поэтому мы не будем на них останавливаться, хотя некоторые мысли указанных авторов и вызывают возражения.

Считаем необходимым в этой связи обратить внимание на следующее обстоятельство. В процессе общения между судьей

по профессии и народными заседателями происходит обмен мнениями по существу дела, обмен житейскими и специальными знаниями. Нравственные отношения, которые складываются при этом, имея своим объектом вопросы, ответ на которые дает судебный приговор, должны быть направлены на достижение целей и задач социалистического правосудия. В ходе общения у судьи и народных заседателей вырабатывается единое мнение, находящее выражение в приговоре суда.

В процессе анкетирования мы выясняли, в отношении каких вопросов, разрешаемых приговором, на судью по профессии влияет мнение народных заседателей.

Таблица 9

Влияет ли на формирование убеждения судьи мнение народных заседателей	Стаж работы судьи			
	Избран в 1-й раз, %	Избран во 2-й раз, %	Избран в 3-й раз, %	Избран в 4-й раз и более, %
На доказанность события преступления:				
Да	73	64	32	18
Нет	27	36	68	82
На доказанность виновности подсудимого:				
Да	69	54	48	24
Нет	31	46	52	76
На избрание меры наказания:				
Да	81	73	84	75
Нет	19	27	16	25

Таким образом, из табл. 9 видно, что наибольшее влияние на формирование убеждения судьи по профессии оказывает мнение народных заседателей в отношении меры наказания. Велико также влияние народных заседателей на убеждение судьи и по другим вопросам, особенно на судей с непродолжительным стажем работы. Полученные нами данные подчеркивают своевременность напоминания в постановлении Пленума Верховного Суда СССР «О судебном приговоре» строго придерживаться порядка голосования судей в совещательной комнате, а также рекомендаций по вопросам, направленным на повышение активности народных заседателей в судебном разбирательстве [178, с. 580].

В ходе анкетирования судьи по профессии также отвечали на вопрос, в каких случаях им необходима помощь народных заседателей (см. табл. 10).

Таблица 10

При решении каких вопросов судья нуждается в помощи народных заседателей	Стаж работы судьи			
	Избран в 1-й раз, %	Избран во 2-й раз, %	Избран в 3-й раз, %	Избран в 4-й раз и более, %
Связанных с установлением фактических обстоятельств дела и виновности подсудимого:				
Да	64	57	49	31
Нет	36	43	51	69
Связанных с оценкой собранных по делу доказательств:				
Да	58	53	41	48
Нет	42	47	59	52
Связанных с установлением материального закона:				
Да	4	8	2	7
Нет	96	92	98	93
Для выяснения обстоятельств, характеризующих личность подсудимого:				
Да	78	73	61	83
Нет	22	27	39	17
Для выяснения обстоятельств, смягчающих или отягчающих ответственность подсудимого:				
Да	84	79	73	86
Нет	16	21	27	14
При назначении наказания:				
Да	82	71	64	53
Нет	18	29	36	47
Для выяснения условий, способствующих совершению преступления:				
Да	78	61	68	71
Нет	22	39	32	29

Из этих данных можно сделать многоплановые выводы, но нас интересует характер нравственных отношений, складывающихся между судьей по профессии и народными заседателями (назовем их условно «отношениями взаимопомощи»), которые влияют на формирование судейского убеждения. Наиболее эффективно влияние народных заседателей на решение вопросов, связанных с личностью подсудимого и избранием ему меры

наказания, а также на выяснение причин и условий, способствующих совершению преступлений. Несколько меньше эта взаимопомощь при установлении события преступления и виновности подсудимого, незначительно влияние народных заседателей, что вполне объяснимо, на квалификацию преступления.

У судьи по профессии не должно быть чувства превосходства над народными заседателями. Такой подход к ним сдерживает инициативу последних, приучает к мысли, что за них думает и решает судья. Это отрицательно сказывается на понимании народными заседателями своих функциональных обязанностей, на оценке их места и роли в отправлении правосудия.

Глава третья ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ПРАВОСОЗНАНИЕ И ЕГО РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ СУДЕЙСКОГО УБЕЖДЕНИЯ

Проблема профессионального правосознания в формировании судейского убеждения как знания, в достоверности которого судья не сомневается,— это, по сути, проблема правильности реализации требований материального и процессуального закона в принимаемом по уголовному делу решении.

Доказательства, исследуемые в судебном разбирательстве, включаясь в систему правовых знаний судьи, приобретают в его сознании субъективную способность устанавливать наличие или отсутствие фактов, которые входят в предмет доказывания.

Отсюда вытекает актуальность разработки проблем, связанных с профессиональным правосознанием судьи, его структурой и понятием, с выяснением функций в формировании судейского убеждения.

§ 1. СТРУКТУРА И ПОНЯТИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ СУДЬИ

Прежде всего возникает вопрос, имеет ли право на самостоятельное существование профессиональное правосознание судей? В литературе выделяется профессиональное правосознание служащих государственного аппарата [115, с. 129], но при этом не раскрывается специфика проявления структуры общего понятия правосознания применительно к отдельным категориям государственных служащих, осуществляющих различные функции в правоприменительной деятельности органов государственного управления и власти. Кроме того, единое в своей основе профессиональное правосознание государственных служащих выступает в процессе правоприменительной деятельности не иначе, как в виде профессионального правосознания отдельных групп государственных служащих, которые выполняют строго определенные задачи, реализуют правовые нормы особыми методами в специфических, присущих только данному органу формах.

«Преступник производит..., — писал К. Маркс, — всю полицию и всю уголовную юстицию, сыщиков, судей, палачей, присяжных

и т. д., и все эти различные профессии, каждая из которых представляет собой определенную категорию общественного разделения труда, развивают различные способности человеческого духа, создают новые потребности и новые способы их удовлетворения» [7, с. 393].

Таким образом, в общем родовом понятии профессионального правосознания служащих государственного аппарата правомерно различать профессиональное правосознание отдельных категорий этих работников. В этом смысле целесообразно выделить профессиональное правосознание судей, профессиональное правосознание лиц прокурорского надзора, профессиональное правосознание следователей, профессиональное правосознание оперативных работников, профессиональное правосознание иных должностных лиц органов государственной власти и управления, связанных с правоприменительной деятельностью. Такое выделение в рамках единой структуры социалистического правосознания дает возможность определить специфику профессионального правосознания отдельных категорий должностных лиц, проследить роль правосознания как регулирующего начала в исполнении профессиональных обязанностей и, наконец, показать значение правосознания при применении закона в правоохранительной деятельности и в формировании судейского убеждения.

Судьи по профессии в известном смысле представляют собой однородную в профессиональном и социально-психологическом плане группу, объединенную общностью задач и целей деятельности, общностью метода и процессуальной формы реализации норм права при разрешении уголовных и гражданских дел.

Единство целей, задач, метода и формы осуществления профессиональной деятельности вырабатывает у судей общность профессионально-этических и правовых воззрений в реализации норм права.

Представляется, что ст. 17 Основ уголовного судопроизводства и ст. 32 Основ уголовного законодательства обязывают судей при принятии решения по делу руководствоваться именно профессиональным правосознанием.

А. Р. Ратинов предлагает называть профессиональное правосознание «специализированным» [158, с. 178]. Нам кажется, что поскольку субъектом профессионального правосознания являются должностные лица, связанные с реализацией норм права по профессии, то точнее говорить не о «специализированном», а о профессиональном правосознании.

Социалистическое правосознание едино, поскольку советское общество характеризуется единством, совпадением коренных

интересов общества с интересами классов и отдельных социальных групп. Однако, в отличие от правосознания общества, профессиональное правосознание судей выражает те единые для всего общества правовые интересы, потребности и принципы, которые осознаются судьями в их общественно-политической практике и процессуальной деятельности по отпращиванию задач социалистического правосудия.

Профессиональное правосознание судей является одной из форм группового правосознания и характеризуется специфическим содержанием как по отношению к правосознанию советского общества, так и по отношению к индивидуальному правосознанию судьи.

Правосознание общества формирует профессиональное правосознание судей. Связь профессионального и общественного правосознания заключается в следующем: а) категории, идеи, принципы общественного правосознания выступают в качестве идеологических средств, с помощью которых судьи познают правовые нормы, усваивают их требования и направляют свою процессуальную деятельность на точное и единообразное применение закона при отпращивании социалистического правосудия; б) общественное правосознание формирует социальный престиж органов социалистического правосудия и тем самым характеризует содержание духовной атмосферы, в которой судьи выполняют свои профессиональные функции; в) обязывает судей при вынесении приговора определять свое личностное отношение к фактическим обстоятельствам, устанавливаемым данным процессуальным актом.

Таким образом, недопустимо противопоставлять профессиональное правосознание судьи единому социалистическому правосознанию, но не следует и отождествлять их.

Вместе с тем важно учесть, что на индивидуальное правосознание судьи воздействуют политические, философские и моральные взгляды советского общества, взятые не в отдельности, а в единстве, в котором проявляется целостность состояния общественного сознания [209, с. 320]. Поэтому профессиональное правосознание судьи во всех случаях выступает и реально существует не иначе как в органической связи, в единстве с его политическим и моральным сознанием, а элементы содержания профессионального правосознания одновременно выступают как элементы содержания политического и морального сознания, определяя идейную зрелость личности судьи. Например, осознание судьей целей и задач социалистического правосудия, а также значения процессуальной формы в их осуществлении является элементом содержания не только профессионального правосоз-

ания, но и политического и морального сознания. Иными словами, для правильного применения правовых норм важно идейно-политическое осознание правовых категорий и нормативных предписаний.

Отмеченные положения представляются важными для выяснения структуры профессионального правосознания судей.

В последние годы издан ряд работ, в которых специально рассматривается вопрос о понятии и структуре правосознания [100; 121; 146; 212]. Структура правового сознания затрагивается и философами [118; 203; 232].

Несмотря на то, что многие аспекты структуры правового сознания остаются дискуссионными, при анализе этой проблемы философы и праведы почти единодушно подчеркивают, что правосознание не исчерпывается правовой идеологией, а представляет собой качественный «сплав» последней с правовой общественной психологией, которые различаются по способу отражения правовой действительности.

Считаем целесообразным высказать одно замечание, с нашей точки зрения имеющее значение для выяснения структуры профессионального правосознания.

В юридической литературе некоторые авторы рассматривают правовую идеологию и правовую общественную психологию как различные уровни отражения правовой действительности, противопоставляют низший уровень (правовая психология) высшему (правовая идеология). При этом правовая идеология отождествляется с теоретическим сознанием, а общественная психология — с обыденным правовым сознанием [219; 146]. С такой постановкой вопроса вряд ли можно согласиться. Содержанием идеологии является круг общественных взглядов и принципов, отражающих в системе идей коренные интересы, цели, потребности определенного класса [177; 228], в частности, в области правового регулирования и правового режима. Содержание правового теоретического сознания шире, чем правовой идеологии, поскольку оно включает целый ряд правовых понятий, которые сами по себе не выражают классового подхода (например, такие понятия, как свидетель, эксперт и т. д.), а являются достоянием правовой научной мысли. Теоретический уровень познания правовых явлений и обыденное сознание как эмпирический уровень их познания включают в себя социально-психологический элемент. Правовая общественная психология — не уровень познания правовых явлений, а психологический компонент в теоретическом и эмпирическом знании о правовых явлениях. Иначе говоря, явления социально-правовой психологии могут «базироваться» как на уровне теоретического знания, так

и на уровне обыденного осознания правовой действительности.

Профессиональное правосознание судьи включает в себя как систему правовых идей, выражающих интересы советского общества в области социалистического правосудия, так и систему собственных правовых воззрений и убеждений, оценок о справедливости или несправедливости правовых норм, эффективности правового регулирования, соответствия правовых предписаний характеру общественных отношений, которые данная норма регулирует.

В знаниях о праве и личных оценках правовых предписаний в концентрированном виде выражается профессиональный опыт судьи, полученный как в результате непосредственного участия в разрешении уголовных дел, так и из других источников (опыт кассационных и надзорных инстанций, изучение правовой литературы и т. д.).

Правовые представления судьи, связанные в систему правовых взглядов, активно влияют на его профессиональную деятельность, побуждают к правильному применению закона и поэтому являются одной из основ формирования убеждения, свободного от посторонних воздействий. Естественно, правовые знания необходимы, но без соответствующих умений и навыков их применения они оказываются малодейственными для успешного отправления профессиональных функций судьи. В этом плане важно, чтобы правовые знания трансформировались в профессиональные привычки, ориентированные на строгое исполнение требований закона при рассмотрении и разрешении уголовных дел, на соблюдение законных прав и интересов граждан.

Профессиональное правосознание играет большую роль в становлении тенденции к единообразному применению материальных и процессуальных законов. Его можно рассматривать в качестве своеобразного показателя правильности и эффективности правового регулирования определенных явлений, поскольку применение закона в судебной практике может свидетельствовать, как об адекватности правового регулирования, так и о неправильном понимании судьями правовой нормы, либо о том, что правовая норма содержит в себе недостаточно четкие предписания, обуславливая известный социально-психологический настрой судьи по профессии.

Теоретическая сторона профессионального правосознания характеризуется научным подходом к восприятию правовой нормы, научным осознанием практики ее применения.

В структуру профессионального правосознания входит общественная правовая психология, которая выступает в виде правовых

чувств, привычек и т. д., проявляющихся в профессиональной деятельности и выработанных ею.

Таким образом, в структуре профессионального правосознания следует различать две группы взаимосвязанных элементов: правовоззренческие (правовые понятия, оценки, убеждения и т. д.) и социально-психологические, которые в своем практическом выражении представляют определенное единство и, взаимодействуя в рамках единой структуры, составляют субъективную основу судейского убеждения при принятии решения.

Общественная правовая психология оказывает воздействие на восприятие правовой нормы, причем это воздействие многоплановое, может иметь как положительный, так и отрицательный характер. Мы здесь укажем только на одно такое воздействие, имеющее отрицательное значение, но позволяющее наиболее рельефно показать связь между правовым чувством и системой собственных знаний о праве. Так, непонимание содержания правовой нормы или несогласие с правовыми запретами порождает определенную гамму правовых чувств, которые способствуют принятию решения вопреки убеждению, обуславливают пассивность судьи в судебном разбирательстве. В ходе анкетирования судьям задавался вопрос «Имели ли место в Вашей практике случаи, когда Вы, не оставаясь при особом мнении, выносили приговор вопреки своему внутреннему убеждению в виновности или невиновности подсудимого?». Из числа опрошенных 0,75% ответили, что такие случаи имели место в связи с субъективной оценкой общественной опасности совершенного преступления. Иначе говоря, в подобных ситуациях их оценка расходилась с оценкой общественной опасности деяния законом. Поэтому нельзя согласиться с теми, кто ограничивает правосознание судьи только теоретическим уровнем осознания правовых явлений [141; 191; 210; 224].

Системный подход к изучению профессионального правосознания состоит в рассмотрении не только его идеологической и теоретической сторон, но и социально-психологической стороны, структура которой в процессуальной теории не разработана. Мы полагаем, что наиболее приемлемое решение этой проблемы дал Б. Д. Парыгин, который включил в структуру общественной психологии: 1) социальную психологию личности; 2) психологию социальных общностей и общения; 3) психологию социальных отношений; 4) психологию различных форм духовной деятельности [126, с. 50]. Данная конструкция с учетом специфики предмета была перенесена Е. А. Лукашевой на структуру правовой социальной психологии [100, с. 160]. Субъективно-психологические качества судьи, выработанные в процессе

осуществления профессиональных функций, его установки, мотивы деятельности и т. д. должны рассматриваться правовой социальной психологией под углом превращения правовых знаний в личные правовые взгляды судьи, в его убеждения, т. е. в ценностную ориентацию.

Интерпретируя разработанную Е. А. Лукашевой структуру правовой общественной психологии, заметим, что социально-психологическая сторона профессионального правосознания судьи охватывает: а) цели и мотивы профессиональной деятельности, определяемые осознанием задач социалистического правосудия и системой собственных знаний о праве; б) профессиональные привычки, традиции, опосредующие социально-психологический механизм общения судей между собой (в судейской коллегии) и с другими участниками судебного разбирательства и являющиеся, в известном смысле, социально-психологической стороной правовых отношений; в) правовые чувства, установки и т. д., утвердившиеся в результате профессиональной деятельности.

Таким образом, профессиональное правосознание судьи — это система его правовых взглядов, убеждений, представлений, оценок об основополагающих принципах советского права, выработанных в результате усвоения правовых норм и рекомендаций правовой науки при рассмотрении конкретных уголовных и гражданских дел, а также психологическое отношение к действующей правовой системе, к своим правам и обязанностям, проявляющееся в системе правовых чувств, настроя, привычек и ориентированное на соблюдение требований социалистической законности в правоприменительной деятельности.

Итак, структура профессионального правосознания судей состоит из следующих элементов:

а) познавательного, содержанием которого является система собственных знаний о праве, выработанных судебной практикой;

б) оценочного, куда входит система оценок и убеждений о справедливости или несправедливости правовых запретов, эффективности правовых предписаний уголовно-процессуальной формы для достижения целей и задач социалистического правосудия;

в) волевого, выступающего как осознанность юридических прав и обязанностей, возложенных на судей, готовность к осуществлению своих правомочий в соответствии с целями и задачами социалистического правосудия;

г) поведенческого, регулирующего избирательность поведения судьи при осуществлении им профессиональных функций, а также профессиональную систему правил поведения;

д) элементов социально-правовой психологии.

Специфика проявления профессионального правосознания состоит в том, что собственные выводы по делу судья соотносит со своим правосознанием, определяя при этом, соответствует ли личная правовая оценка фактических обстоятельств конкретного уголовного дела и выносимое решение требованиям закона.

Представляется спорным мнение А. Р. Ратинова о том, что при анализе правового сознания с точки зрения предмета отражения необходимо выделять сферы правосознания и говорить об «уголовно-правовом», «уголовно-процессуальном» или «административно-правовом» правосознании, в которые наряду с общеправовыми идеями и принципами «входит совокупность специфических взглядов и оценок, относящихся к явлениям и институтам только материального, либо процессуального, либо административного права» [158, с. 178].

В философской литературе некоторые исследователи выделяют сферы общественного сознания. Так, Г. Я. Нестеренко под духовными сферами понимает широкие области духовной жизни общества, выполняющие основные социальные функции общественного сознания. Он относит к ним общественную психологию, обыденное сознание, идеологию, научное сознание [118, с. 57].

В уголовном судопроизводстве профессиональное правосознание осуществляет функцию в целом, вне конкретных «сфер» приложения, да и грани между уголовно-правовым и процессуальным правосознанием неуловимы и в реальном выражении выступают в тесном единстве.

Прежде чем показать «работу» профессионального правосознания в формировании судьейского убеждения, необходимо хотя бы в общих чертах наметить те функции, которые выполняет профессиональное правосознание при рассмотрении и разрешении конкретного уголовного дела. При этом нужно исходить из того, что профессиональное правосознание «работает» в тесной взаимосвязи и взаимозависимости с политическими, нравственными убеждениями судьи, практическая значимость которых опосредствована индивидуально-психологическими особенностями личности и конкретной ситуацией рассмотрения уголовного дела, в которой судье приходится действовать.

Профессиональное правосознание выполняет две функции: а) нормативно-оценочную, включающую в себя выработку ценностного подхода к фактическим обстоятельствам уголовного дела с точки зрения предписаний правовой нормы, морально-правовой оценки поведения подсудимого, б) познавательную-коммуникативную, определяющую избирательное отношение судьи к

информации, полученной в результате судебного следствия, и направленность общения с целью создания оптимального режима в процессуальной деятельности судейской коллегии и всех участников судебного разбирательства.

§ 2. ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ПРАВОСОЗНАНИЕ — ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ СУДЕЙСКОГО УБЕЖДЕНИЯ

В процессуальной литературе нет единства во взглядах на роль правосознания в формировании судейского убеждения. Между тем правильное решение этого вопроса имеет большое значение, так как позволяет уяснить механизм принятия решения по делу.

Все исследователи единодушно подчеркивают, что судьи при принятии решения руководствуются своим правосознанием. Разноречивость начинается при выяснении соотношения убеждения и правосознания.

Прежде всего возникает вопрос, связано ли профессиональное правосознание с установлением фактических обстоятельств рассматриваемого уголовного дела или оно «подключается» к оценке уже определенных фактов, как полагают А. А. Пионтовский и В. М. Чхиквадзе [136, с. 36]. Нам представляется, что нормативно-оценочную и познавательную-коммуникативную функции профессиональное правосознание проявляет как при установлении фактических обстоятельств уголовного дела, так и при построении выводов по существу последнего.

А. Р. Ратинов утверждает, что правосознание не является основой убеждения, а влияет на его формирование «в качестве идеологического и психологического фактора более отдаленно. Если же правосознание рассматривать в качестве непосредственной основы внутреннего убеждения наряду с доказательствами, то нужно будет признать равную роль и значение конкретных фактических данных и правосознания» [см. 197, с. 493]. Если даже принять без возражений приведенную выше концепцию А. Р. Ратинова, то все равно в ней остается много неясного. А. Р. Ратинов в данном случае не проводит четкого различия между социалистическим правосознанием советского общества, которое является идеологическим фактором, обеспечивающим социальный престиж суда как органа социалистического правосудия и направляющим процессуальную деятельность на строгое соблюдение требований социалистической законности, и профессиональным правосознанием судьи. Доказательства и профессиональное правосознание — не однопорядковые элементы, в

формировании убеждения судьи они выполняют различное функциональное назначение.

Истинность выводов, составляющих содержание убеждения судьи, обусловлена единством субъективных и объективных элементов. Вообще соотношение субъективного и объективного в убеждении характеризует познавательную роль профессиональных знаний судьи.

Соотношение доказательств и профессиональных знаний в формировании судейского убеждения состоит в том, что доказательства (их совокупность, система) являются объективной основой, а в своем единстве, качественном «сплаве» они приводят судью к строго определенным выводам по уголовному делу.

В процессуальной литературе распространено мнение, согласно которому соотношение судейского убеждения и профессионального правосознания судьи заключается в том, что убеждение основано на правосознании [191]. В такой постановке вопроса не прослеживается специфика правосознания в формировании убеждения. Высказывалась также мысль, что руководствоваться при оценке доказательств законом — это то же самое, что руководствоваться правосознанием [162], а потому в ст. 17 Основ уголовного судопроизводства указание на правосознание является излишним [163].

В. Д. Арсеньев полагает, что судья руководствуется правосознанием наряду с законом, а его убеждение основывается только на законе; что же касается значения правосознания, то оно помогает судье уяснить требования процессуального закона к оценке доказательств [28, с. 175—176].

Наконец, Н. Н. Полянский рассматривал соотношение убеждения и социалистического правосознания как части к целому [141, с. 144].

Мы объясняем такой разницей в толковании указанной проблемы тем, что в процессуальной науке долгое время существовала традиция рассматривать внутреннее убеждение как категорию психологическую, как частное проявление человеческих эмоций, относящихся к области психологии [127, с. 65], хотя при этом, особенно М. С. Строговичем, подчеркивалось, что убеждение — не безотчетное чувство уверенности, оно должно основываться на собранных по делу доказательствах. При такой постановке вопроса ускользала суть убеждения как процессуальной категории, имеющей гносеологический аспект в судебном познании. Убежденным можно быть в каком-то знании, образе действий, в правильности выводов. Поэтому, как отмечалось ранее, появление убеждения у судьи — это не одномоментный

акт. Убеждение формируется в деятельности, а на адекватность его влияют различные переменные.

Именно с этих позиций следует приветствовать попытку проследить многоплановый характер соотношения убеждения и профессионального правосознания судей [166].

Проблема роли профессионального правосознания в формировании судейского убеждения заключается в том, чтобы показать влияние системы правовых знаний и оценок судьи, его настроения, чувств и т. д. на становление категорического вывода, исключающего всякое сомнение в отношении доказанности фактических обстоятельств, которые устанавливаются соответствующим процессуальным актом.

Эта проблема может быть сформулирована несколько иначе: в чем конкретно профессиональное правосознание обуславливает формирование такого отношения судьи к знаниям о фактических обстоятельствах дела, когда он уверен в их адекватности фактам объективной действительности, готов к практическому действию в соответствии с полученными знаниями, по собственному выводу избирает вариант решения, который допускается процессуальным законом?

В любой постановке вопроса ключ к его разрешению следует искать в единстве сознания и деятельности. В философской и психологической литературе развивается мысль о том, что сознание и деятельность — взаимосвязанные явления, суть связи которых состоит в том, что сознание формируется в деятельности и проявляется в ней, оно является не только предпосылкой деятельности, но и ее результатом.

С. Л. Рубинштейн подчеркивал, что познавательная деятельность выражает «не только знание о явлениях, но и отношение к ним; в ней отражаются не только сами явления, но и их значение для отражающего их субъекта, для его жизни и деятельности» [175, с. 251].

Таким образом, сознание выступает не только как знание, но и как отношение, которое «раскрывает» значение знания для определенной практической (целеполагающей) деятельности [см. 95, с. 288—291]. Это в полной мере относится и к такому сложному духовному образованию, как убеждение, которое является конкретной формой проявления познавательной способности судьи и выражает активную сторону его сознания. Поясним данную мысль в процессуальном аспекте. В силу ст. 43 Основ уголовного судопроизводства обвинительный приговор не может быть основан на предположениях и выносится лишь при условии, если виновность подсудимого в совершении преступления доказана. Это положение закона закрепляется в правосознании

судьи как убеждение в необходимости полного, объективного и всестороннего исследования обстоятельств совершенного преступления в строгом соответствии с требованиями уголовно-процессуальной формы, как стремление направлять свою деятельность и деятельность других участников судебного разбирательства на установление истины (ст. 260 УПК УССР).

Вместе с тем закон а) не определяет, при каком уровне информативности судья может прийти к достоверному выводу о виновности подсудимого, и не устанавливает фактической совокупности доказательств, достаточных для этого [см. 66]; б) не указывает, какие конкретно следственные действия нужно выполнять в этих целях.

Однако в исследовании фактических обстоятельств дела наступает момент, когда судья считает, что в ходе судебного следствия собрано такое количество доказательств, которые для него представляются достаточными, имеют качественную определенность и позволяют сделать вывод о доказанности события преступления и виновности подсудимого. В основе подобного определения достаточности доказательств лежит убеждение судьи. Иными словами, в такой ситуации судья убежден в том, что он достиг такого уровня информативности, при котором можно прийти к определенному выводу о виновности подсудимого: этот вывод выражает «собственный взгляд на фактические обстоятельства дела» (А. Р. Ратинов).

«Подключение» к этому процессу профессионального правосознания выражается в том, что оно: а) побуждает судью направлять процессуальную деятельность на установление истины; б) в информационном аспекте интерпретирует смысловое содержание доказательств с точки зрения их качественной определенности и доказательственной ценности; в) соотносит полученные знания о фактических обстоятельствах дела с нормативным описанием уголовно-правового запрета; г) является субъективной основой, которая способствует превращению объективно существующей возможности установления фактических обстоятельств в собственный взгляд судьи. Мы полагаем, что эта связь многогранна и может быть прослежена в иных положениях. Относительно изложенного представляется целесообразным подчеркнуть еще одно обстоятельство. Недопустимо понимать дело таким образом, что совокупность доказательств — это простая арифметическая сумма. Перевод известного количества доказательств в их качественную определенность, т. е. установление их доказательственной ценности осуществляет правосознание, профессиональный опыт судьи.

Низкий уровень профессионального правосознания обуславливает неправильное восприятие информации, восполнение пробелов в знании о фактических обстоятельствах совершенного преступления предположениями, догадками, домыслами. Высокий уровень правосознания дает устойчивое восприятие и оценку фактических обстоятельств дела в соответствии с требованиями закона, опосредует «собственный взгляд» судьи, в повседневной жизни называемый «точкой зрения», чем подчеркивается личный и независимый от посторонних влияний взгляд на конкретные события. В этом проявляется одно из положительных значений профессионального опыта, который в соответствии с требованиями закона вырабатывает у судьи стремление к «своей точке зрения» в отношении доказанности или недоказанности фактических обстоятельств, которые являются основой для принятия решений.

В связи с этим вызывает сомнение предлагаемая некоторыми авторами математизация, формализация процесса доказывания. Это направление научного поиска наиболее полно представлено у А. А. Эйсмана, который считает, что формализация знания открывает возможность для использования формул, т. е. сокращенных условных знаков (символов), схем и моделей, в наглядной форме изображающих структуру правильного рассуждения [227, с. 7]. Он приводит в качестве примера формализацию по делу Фирсова. Р. С. Белкин и А. И. Винберг полагают [36, с. 246], что заслуживает внимания разработка математического аппарата описания поведения подозреваемого, предложенная учеными из ГДР А. Форкером и К. Каннегисером.

Возможность формализации любых явлений исходит из универсальности принципа единства количества и качества. Определяющим здесь является тот факт, что качественно различные явления могут иметь как сходные черты, так и специфические свойства, но и те и другие могут выражаться посредством математических формул.

Под формализацией понимают «уточнение содержания средствами современной (дедуктивной, математической, символической) логики» или «такую стандартизацию представления процесса или фрагмента действительности, на основе которой можно строить математическое описание» [37, с. 166]. Как в том, так и в другом смысле формализация реально допустима там, где имеются выявленные зависимости между количественной характеристикой и качественной определенностью какого-либо явления. К тому же следует учесть, что формализация всегда связана с рассуждением «идеализированного» человека, который не делает логических ошибок.

Формализацию правоприменительного процесса можно представить в двух вариантах. Первый вариант — это построение системы накопления юридических признаков, влекущих за собой безошибочность юридической квалификации. Этот вариант действительно требует уточнения правовых понятий средствами современного логического аппарата и в принципе может быть формализован, на что указывает В. Н. Кудрявцев [85].

Второй вариант — это формализация систем накопления доказательств, из которых с достоверностью следовал бы вывод о наличии определенных юридических признаков (конкретного состава преступления, вмененного в вину подсудимому). Что касается второго варианта, то нужно заметить, что само количество доказательств не устанавливает достоверности вывода о наличии юридических признаков состава преступления в действиях подсудимого. В области уголовного судопроизводства вообще отсутствуют исследования, которые ставили бы перед собой цель определить, при каком количестве источников доказательств и в каком их сочетании возможно утверждение о достоверном установлении юридических признаков состава преступления. Названные обстоятельства следует иметь в виду при оценке правомерности формализации процесса доказывания.

Нам представляется, что формализация процесса доказывания игнорирует содержательную сторону судейского рассуждения о доказательственной ценности собранных по делу фактических данных, которая также индивидуально неповторима, как неповторима человеческая индивидуальность. Формализация по делу Фирсова — это формализация по одному делу, которая непригодна для формализации по другим делам этой же категории, поскольку каждый раз мы встречаемся с неповторимой конкретной ситуацией и с конкретными рассуждениями судьи о тех содержательных сторонах знания, которые привели его к определенному выводу по существу исследуемого дела.

Обращает на себя внимание противоречивость позиции сторонников формализации процесса доказывания, которые, вводя символику математических формул к описанию, скажем осторожно, отдельных ситуаций в расследовании преступлений, в то же время правильно указывают на то, что хотя в основе процесса формирования внутреннего убеждения, «если рассматривать его с количественной точки зрения, лежит переход количественных изменений в качественные, формализовать этот переход, описать его математически невозможно» [36, с. 136].

Математизация, формализация процесса доказывания игнорирует личность судьи, его личностное и избирательное отношение к собранной совокупности доказательств. Поэтому мы

не видим в настоящее время в формализации той перспективы, которая могла бы «облегчить» мыслительную деятельность судьи по оценке доказательств. К тому же формирование убеждения нельзя рассматривать с «количественной точки зрения», поскольку оценка результатов судебного познания является творческим, а не механическим процессом.

Достаточность доказательств для построения определенных выводов заключается не в их количестве, а в системности. Проверенные и собранные в ходе судебного следствия доказательства должны представлять собой систему с точки зрения того, что надлежит установить по уголовному делу и какой ответ, положительный или отрицательный, дать на вопросы, разрешаемые приговором суда (ст. 324 УПК УССР). Иначе говоря, система доказательств должна представлять собой такую качественную определенность в их взаимосвязи и взаимообусловленности, которая отражала бы событие преступления в его целостности и исключала бы другие объяснения «механизма» преступного поведения и его последствий.

Профессиональный опыт систематизирует, обобщает правовые знания судьи, его навыки и умения, помогает ориентироваться в доказательственной информации и «извлекать» из нее то, что действительно необходимо для правильного разрешения дела. Опыт судьи обуславливает особое профессиональное видение тех фактических обстоятельств дела, которые являются наиболее значимыми и существенными для установления события преступления, виновности подсудимого, индивидуализации наказания с учетом требований материального и процессуального закона.

Профессиональный опыт в формировании убеждения судьи проявляется в следующем:

— осознании социальной значимости возложенных на судью функций по осуществлению задач социалистического правосудия;

— адекватном понимании смысла требований материального и процессуального закона, умения правильного применения его при рассмотрении и разрешении уголовных дел;

— выработке навыков самостоятельного принятия решения по уголовному делу, критического отношения к материалам предварительного следствия и умения противопоставлять свою позицию по делу посторонним воздействиям;

— умении установить правильный контакт с членами судейской коллегии и с участниками судебного разбирательства в целях направления их деятельности на выявление истины по делу;

— овладении навыками тактических приемов при выполнении отдельных следственных действий с целью получения

максимально полной и своевременной доказательственной информации;

— систематизации своего личного опыта и опыта кассационных и надзорных инстанций для получения знаний о тенденциях применения материального и процессуального закона в судебной практике;

— овладении рекомендациями науки уголовного процесса, криминалистики и судебной психологии по оценке доказательств и их практической реализации;

— экономии процессуальной формы при выборе наиболее оптимальных и надежных средств доказывания для получения доказательственной информации;

— умении правильно планировать судебное следствие и своевременно выдвигать судебные версии, обусловившие полное, объективное и всестороннее исследование обстоятельств совершенного преступления.

В нашу задачу не входит освещение всех аспектов влияния профессионального опыта на формирование судьейского убеждения, поэтому мы подробнее остановимся лишь на тех из них, которые, как нам представляется, наименее полно разработаны в литературе.

Судья до рассмотрения конкретного уголовного дела обладает известной системой правовых знаний и опытом разрешения уголовных дел, запечатлевшихся в его сознании в виде типичных моделей — образов преступного поведения. Систематизация уже разрешенных уголовных дел раскрывает судье содержание материальной нормы (содержание уголовно-правовых запретов) и процессуальной формы, которые фиксируются не только в системе субъективных оценок нормативного предписания (справедливости, эффективности, правильности), но и в системе субъективного понимания словесного описания уголовно-правового запрета и требований процессуального закона.

При этом, как подчеркивает А. В. Славин, «относительно одинаковые, общезначимые, унифицированные образы формируются у людей одинаковых и смежных специальностей... Совокупность таких систем знаний определяет для каждого субъекта особое видение мира и соответствующие действия в определенных ситуациях» [183, с. 202].

Значение этих типичных моделей-образов (их еще называют иконическими моделями, функция которых заключается в наглядном представлении чувственно невоспринимаемых явлений) правомерно рассматривать в некотором смысле как обстоятельство, положительно влияющее на процесс доказывания по уголовному делу, формирование вывода и убежденности судьи

в правильности принимаемого им решения, поскольку они являются своеобразным фильтром, через который «просеивается» доказательственная информация и актуализируется та, которая, по мнению судьи, позволяет сделать обоснованный вывод о наличии или отсутствии фактических обстоятельств, устанавливаемых соответствующим процессуальным актом. Включаясь в мыслительный процесс судьи, они «увеличивают» правдоподобие (не достоверность, а именно правдоподобие) воспринимаемой информации. В зависимости от возрастания объема профессиональных знаний, усвоения рекомендаций науки, в частности, науки уголовного права, уголовного процесса, криминалистики, криминологии, судебной психологии и др. указанные модели имеют свойство повышать информативную емкость, приводят к экономии процессуальных средств в доказывании. Последнее предполагает, во-первых, обнаружение с максимальной быстротой и полнотой доказательственной информации о фактах совершенного преступления, во-вторых, обеспечение в конкретной ситуации процессуальных прав участников судебного разбирательства. Достоверность информации во многом зависит от оперативности и своевременности производства соответствующего следственного действия в судебном разбирательстве, посредством которого эта информация может быть получена и процессуально закреплена. Поэтому, располагая сведениями, достаточными для принятия конкретного решения о производстве следственного действия, судья обязан немедленно поставить этот вопрос в судейской коллегии и обсудить его с участниками судебного разбирательства, выполнить данное следственное действие в соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона. Несвоевременность принятия решения о производстве следственного действия, а также промедление его непосредственного исполнения либо нарушение процессуальной формы при производстве часто приводит к утрате или искажению самой информации. Как в том, так и в других случаях суд вынужден использовать другие средства доказывания, не обеспечивающие максимально быстрого и качественного получения информации об определенных обстоятельствах, что сказывается на формировании убеждения судьи в правильности установления искомого по делу фактов, вызывает сомнение в их доказанности.

Профессиональный опыт способствует правильной оценке собранных по делу доказательств, а тем самым влияет на формирование судейского убеждения в отношении становления категорического вывода об установлении обстоятельств, имеющих существенное значение для правильного разрешения дела.

В практике Верховного Суда СССР можно найти подтверждение высказанному положению. Так, отменяя приговор по делу Живаева, признанного виновным в нанесении умышленных тяжких телесных повреждений Акшевскому, от которых последний скончался, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР отметила, что представляется маловероятным, чтобы Акшевский, находясь в тяжелом состоянии после нанесенных ему Живаевым ударов, мог пройти пешком большое расстояние, а провалившись наполовину под лед, держаться на поверхности и звать на помощь [179, с. 69].

Пленум Верховного Суда СССР, отменяя приговор по делу Пачека, обратил внимание на то, что при новом рассмотрении дела необходимо критически отнестись к показаниям свидетелей Гуменного и Стрепко, которые четыре раза меняли свои показания [179, с. 113].

В деле Богачевой Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР не признала достоверным вывод суда о совершении осужденной хищения, поскольку ее замещали на складе другие лица и «не исключено, что указанные обстоятельства могли в какой-то мере повлиять на образование недостачи у Богачевой» [44, 1973, № 5, с. 31].

Судебный опыт свидетельствует о наличии типичных, более или менее устойчивых способов совершения преступных посягательств. Но этот опыт дает лишь определенный ориентир в раскрытии преступлений, не заменяя собою доказательств [30, с. 101].

При разрешении конкретного уголовного дела судья соотносит свой профессиональный опыт со сложившейся по данному делу ситуацией.

«То, что занимает наши мысли в данный момент,— пишет Д. Пойа,— имеет тенденцию вызвать в памяти все, что было с ним связано раньше» [144, с. 55].

При схожести, типичности обстоятельств рассматриваемого преступного события с подобного рода делами, разрешенными ранее, судья мысленно переносит на исследование фактических обстоятельств версии, тактические приемы и т. д., примененные им и приведшие к постановлению законного и обоснованного приговора либо к иному решению (обращение дела к рассмотрению).

Однако, рассматривая новое уголовное дело, судья не должен рассуждать таким образом: «При исследовании совершенного М. преступления я не установил таких-то фактов. Нужно ли мне их устанавливать, когда весь мой опыт свидетельствует о том, что подобные обстоятельства всегда имеют место»? Иными сло-

вами, судья не вправе в основу своего убеждения при вынесении приговора включать так называемые фактические аналогии и заменять ими «разрывы» в системе доказательств.

Положительная роль фактических аналогий заключается в том, что они активно воздействуют на ликвидацию сомнений («в ходе исследования по данному делу я установил такие-то факты, из которых вытекают определенные следствия, и весь мой опыт свидетельствует о том же»), выбирают из профессионального опыта судьи информацию, имеющую наибольшую ценность для полноты, объективности и всесторонности исследования фактических обстоятельств события преступления.

Вместе с тем следует согласиться с М. Бунге [43, с. 107], который, признавая огромную эвристическую ценность аналогий, предупреждает, что они все же имеют ограниченный характер.

В философском плане правила экстраполяции (переноса знаний об одних объектах на другие объекты того же класса) разрабатывали А. И. Уемов и А. В. Славин [207]. Сформулированные ими правила имеют значение при анализе влияния профессионального опыта на становление категорических выводов судьи по делу. Не вдаваясь в подробное освещение этого вопроса, остановимся на некоторых аспектах. В данном случае нас не интересует влияние профессионального опыта на правильность правовой квалификации преступного события и индивидуализацию наказания, поскольку сама норма, а также разъяснения ее смысла в соответствующих постановлениях Пленума Верховного Суда СССР и постановлениях Пленумов Верховных Судов союзных республик довольно жестко воздействуют на судебную практику по единообразному применению закона.

В профессиональном опыте судьи систематизируются типичные ситуации при рассмотрении уголовных дел, опосредствующие выработку стандартов процессуального поведения. Судья при наличии типической ситуации имеет в своем опыте стандартизированную комбинацию процессуальных действий, которыми эта ситуация разрешается, и определенный набор судебных версий. На эту систематизацию влияют как усвоенные рекомендации криминалистики, так и собственная оценка самой типичности. При оценке типичности той или иной ситуации в рассмотрении конкретного уголовного дела важно установить не только ее сходство с прежним опытом, но и различие, что, по-видимому, является главным.

Установление несходства обстоятельств расширяет возможности выдвижения судебных версий и их проверку. Сходство в ситуациях, само по себе не подменяя доказанности вывода, в психологическом плане может быть фактором, усиливающим

становление категорического вывода и готовности к практическому действию в том варианте поведения, в правильности которого судью убеждает его прежний опыт. Вместе с тем фактическая аналогия, например, заключающаяся в сходстве способов преступления, не является доказательством по конкретному уголовному делу. Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР по делу Исраилова обратила внимание на то, что сходство способов совершения преступления само по себе не может рассматриваться как доказательство по делу [44, 1967, № 3, с. 25].

В этой связи представляется спорной позиция М. С. Чугунова, который полагает, что «выявление трех-четырёх признаков, свидетельствующих о том или ином способе хищений, примененном преступником, как правило, достаточно для вывода о том, что хищение совершено определенным способом и конкретным исполнителем преступления» [218, с. 10—11]. Во-первых, не понятно, почему требуется три-четыре, а не пять-шесть и т. д. признаков, во-вторых, сходство способов совершения преступлений дает основание только для выдвижения версии как предположительного суждения о причастности данного лица к совершению преступления, истинность которого все же подлежит судебному доказыванию.

Т. Г. Морщакова и И. Л. Петрухин, исследуя соотношение между стажем работы судьи и количеством отмененных и измененных приговоров, вынесенных под его председательствованием, отметили, что в целом качество отправления правосудия по мере увеличения стажа работы судьи, а следовательно, и его профессионального опыта, возрастает, но не так интенсивно, как это можно было бы предположить [109, с. 280—281]. Таким образом, эта связь не прямолинейна и не всегда можно предположить, что при большем стаже работы улучшается профессиональная деятельность, поскольку здесь проявляются причины, «ослабляющие рассматриваемую связь». К числу таких причин можно, в частности, отнести личностные отрицательные сдвиги в профессиональной деятельности судьи, явления так называемого профессионализма, когда действуют шаблоны оценок без учета конкретных обстоятельств исследуемого преступления.

В правоприменительной деятельности судьи, когда суд каждый раз изучает индивидуально-неповторимые обстоятельства совершенного преступления, шаблоны и порождаемые ими косные стереотипы ведут к неполноте исследования фактических обстоятельств дела.

Результаты анкетирования свидетельствуют, что с продолжительностью стажа работы повышается «удельный вес» влияния

прошлой преступной деятельности или аморального поведения подсудимого на формирование убеждения судьи. Так, этот фактор отметили 63% избранных впервые судей, 68% — избранных во второй раз, 73% — в третий раз и 75% — в четвертый и более раз.

Совершение обвиняемым в прошлом преступления суд должен принимать во внимание при избрании меры наказания (ст. 41 УК УССР предоставляет суду право в зависимости от характера первого преступления не признавать за ним значения отягчающего обстоятельства) и в известных случаях при квалификации преступления. Наряду с этим прошлая преступная деятельность не должна влиять на формирование убеждения судьи в отношении доказанности события преступления и виновности подсудимого, «сковывать» полноту, всесторонность и объективность познания обстоятельств преступления в судебном разбирательстве.

Касаясь проблемы судейского опыта, Р. С. Белкин и А. И. Винберг суживают данное понятие, рассматривая его только как результат «использования в... судебной работе специально приспособленных для этих целей и рекомендованных криминалистикой достижений иных наук» [35, с. 23—24].

Безусловно, рекомендации криминалистики и достижения других наук имеют существенное значение для повышения эффективности профессиональной деятельности судьи. Но эта деятельность опосредует личностную систематизацию собственного опыта и особенности его практического применения в конкретных ситуациях, возникающих при рассмотрении уголовных дел.

Оценка роли профессионального опыта судьи в формировании его убеждения должна предусматривать не только соответствие опыта рекомендациям правовой науки, но и то, насколько индивидуальный опыт выражает тенденции судебной практики, находится под целенаправленным воздействием вышестоящих судебных инстанций, практика которых для судьи выступает в виде косвенного опыта.

Без преувеличения можно утверждать, что система собственных знаний о праве, усвоенных рекомендаций правовых наук, фиксирующихся в профессиональном опыте, выступают в качестве относительно самостоятельного метода исследования фактических обстоятельств дела. Поэтому от того, насколько судьей правильно усвоены и точно реализуются в правоприменительной деятельности требования закона, зависит формирование такого содержания убеждения, с которым уголовно-процессуальная форма связывает определенные правовые последствия — вывод

о наличии или отсутствии фактических оснований, необходимых для вынесения процессуального решения.

Профессиональный опыт организует и вновь поступающую информацию, под его влиянием переосмысливаются правовые знания, в частности, в силу указаний постановлений Пленума Верховного Суда СССР и Верховных Судов союзных республик, определений и постановлений кассационных и надзорных инстанций.

Здесь возникает еще один важный вопрос, которого мы в плане нашей темы коснемся лишь в общей форме. Свои выводы по уголовному делу судья соотносит с кассационной и надзорной практикой вышестоящего суда. Однако может быть так, что выводы судьи вступят в противоречие с практикой кассационной инстанции. Перед судьей в этом случае возникает альтернатива: или принять решение по своему убеждению, или поступить так, как этого требует вышестоящий суд, но тогда принятое им решение не будет соответствовать его убеждению. Мы преднамеренно оставляем в стороне вопрос о расхождении в правовой квалификации и рассматриваем его лишь относительно установления фактических обстоятельств. Например, вышестоящий суд по делу об умышленном убийстве при отягчающих обстоятельствах, совершенном с особой жестокостью лицом, находящемся в состоянии опьянения, требует производства судебнопсихиатрической экспертизы для определения признаков патологического опьянения. Судья же, под председательством которого рассматривается такое дело, приходит к выводу о том, что в данной ситуации нет необходимости назначать судебнопсихиатрическую экспертизу, поскольку вменяемость подсудимого у него сомнений не вызывает.

Анализируя указанную ситуацию, В. В. Лазарев отметил, что социалистическое правосудие представляет собой единую систему и поэтому любое решение одного суда «в известном смысле» должно связывать решение другого [90, с. 103].

И. Д. Перлов, напротив, утверждал, что суд, постановляющий приговор по уголовному делу, не связан практикой вышестоящего суда [128, с. 16].

Действительно, ч. 1 ст. 51 Основ уголовного судопроизводства как общее правило подчеркивает, что указания суда, рассматривающего дело в кассационном порядке или в порядке судебного надзора, обязательны при дополнительном расследовании и вторичном рассмотрении дела. Вместе с тем ч. 2 ст. 51 Основ уголовного судопроизводства определяет пределы обязательности этих указаний: вышестоящий суд не вправе выяснять факты, не установленные в приговоре или отвергнутые им, а

также не вправе предрешать вопросы о доказанности или недоказанности обвинения, о достоверности или недостоверности того или иного доказательства и о преимуществе одних доказательств перед другими, о применении судом первой инстанции того или иного закона и о мере наказания.

Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 17 декабря 1971 г. «О практике рассмотрения судами уголовных дел в кассационном порядке» отметил, что вышестоящие суды не вправе давать указания, предрешающие выводы органов расследования и суда, имея при этом в виду, что при повторном рассмотрении дела суд первой инстанции обязан решить вопросы виновности или невиновности подсудимого, применения уголовного закона и назначения наказания, исходя из оценки доказательств по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном и объективном рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности, руководствуясь законом и социалистическим правосознанием (п. 16).

Вместе с тем материалы анкетирования судей свидетельствуют о том, что практика вышестоящего суда влияет на формирование их убеждения при рассмотрении дела в первой инстанции. Так, этот фактор отметило 20,4% судей, избранных впервые, 12,8% — во второй раз, 16,7% — в третий раз и 12,5% — в четвертый и более раз.

Безусловно, полученные нами выводы локальны, но они дают некоторые ориентиры для решения поставленного выше вопроса. Полагаем, что практика вышестоящего суда не может не оказывать влияния на формирование судейского убеждения в силу однотипности профессионального правосознания, одинаковости в понимании требований процессуального и материального законов. Вышестоящий суд, имея опыт значительно большего количества уголовных дел, чем суды первой инстанции, обобщает и наиболее типичные ошибки при рассмотрении и разрешении уголовных дел, ориентируя на недопущение их судьями нижестоящего суда. В этом случае практика вышестоящего суда дает как бы направление полного, объективного и всестороннего рассмотрения обстоятельств совершенного преступления, не предрешая выводов суда первой инстанции. Профессиональный долг судьи состоит в том, чтобы во всех случаях соотносить свое решение с практикой вышестоящих судебных инстанций и, естественно, с надзорной практикой Верховного Суда СССР в первую очередь.

Изучение практики вышестоящего суда дает судье возможность выдвинуть обоснованные версии в отношении способов совершения преступления, составить характеристику лиц, при-

частных к нему и т. д., использовать в собственной практике особенности оценки отдельных источников доказательств, сформулированных вышестоящим судом. Иными словами, изучение практики вышестоящего суда обогащает профессиональный опыт судьи, помогает ему полно, объективно и всесторонне исследовать событие преступления и определить виновность подсудимого, сформировать свое убеждение на основе достоверных фактов.

Практика вышестоящего суда обобщает не только типичные ситуации совершения преступления, но и дает возможность наметить типичные комбинации следственных и судебных действий, при помощи которых эта ситуация исследуется, а также устанавливаются обстоятельства, имеющие существенное значение для дела.

Вместе с тем нельзя согласиться с мнением, что указания вышестоящего суда относительно толкования и применения материального и процессуального законов при разрешении уголовного дела являются обязательными для суда первой инстанции, рассматривающего повторно это дело. А. Б. Венгеров и Р. Ф. Калстратова полагают, что в данном случае разъяснение смысла правовой нормы является казуальным толкованием, официально обязательным для суда [46, с. 17; 69, с. 83]. Я. О. Мотовиловкер считает, что указания вышестоящего суда обязательны при вторичном рассмотрении уголовного дела при условии, если фактический состав исследуемого преступления остается неизменным [111, с. 115]. С нашей точки зрения, действующее уголовно-процессуальное законодательство не дает оснований для такого вывода, который противоречит требованию ст. 51 Основ уголовного судопроизводства, запрещающей вышестоящему суду при отмене приговора предрешать вопрос о квалификации деяния при новом рассмотрении уголовного дела. При постановке вопроса этими авторами недооценивается то обстоятельство, что не только вопросы факта, но и вопросы квалификации суд решает на основе своего правосознания и убеждения в правильности применения нормы материального и процессуального законов.

«Не стеснять судью чрезмерно формальными определениями,— указывал В. И. Ленин,— предоставлять ему известный простор — это, конечно, очень разумное правило...» [9, с. 405]. Думается, что предписания ст. 51 Основ уголовного судопроизводства полностью согласуются с этим ленинским выводом.

На формирование убеждения судьи оказывает влияние также социально-психологическая сторона его профессионального правосознания.

Несмотря на возросший интерес правоведов к проблеме правовых чувств, уровень ее разработки не отвечает возросшим требованиям. В этом отношении необходимо сосредоточить внимание на двух вопросах: существуют ли правовые чувства, и если существуют, то какая их роль в формировании убеждения судьи.

Известно, что К. Маркс и Ф. Энгельс [3, с. 273—274] говорили о чувстве права и законности как правовых чувствах.

Нельзя согласиться как с теми, кто отрицает правовые чувства [45, с. 203], так и с теми, кто утверждает, что правовые чувства являются разновидностью морально-политических эмоций [211, с. 52].

Вызывает интерес работа Г. Х. Шингарова, в которой предпринята попытка исследовать эмоции как форму отражения действительности [221].

Правовые чувства, их содержание определяются правовой идеологией, действующей системой права, а также моральными нормами поведения. В процессе отражения в сознании судьи правовых явлений как результат личного опыта возникают чувство уважения к закону, к органам суда и прокуратуры, чувство уверенности в охране государственными органами прав и законных интересов советских граждан, чувство ответственности за нарушение закона [87; 138].

Правовые взгляды судьи воздействуют на его эмоциональный внутренний мир, придавая последнему специфическую окраску. Правовые эмоции не являются образованиями, которые стоят особняком от всей эмоциональной жизни судьи и не подчиняются ее законам. Это обычные эмоции, как у всех людей, но в той или иной мере опосредствованные влиянием права и правоприменительной деятельностью и ею преобразованные. Объектом правового эмоционального отражения являются правовые отношения. В данном случае правовые эмоции выступают как своеобразный способ психического реагирования на факты объективной действительности, на явления, урегулированные правом. Существуя реально, правовые эмоции судьи имеют свой специфический объект. Они складываются в результате воздействия на психику судьи его деятельности по осуществлению задач социалистического правосудия. В структурном отношении правовые эмоциональные состояния не отличаются от любых других, известных психологической науке.

Самым массовым выражением правовых эмоций являются правовые настроения, которые проявляются в повседневной профессиональной деятельности судьи, накладывая на эту деятельность определенную эмоциональную окраску.

Правовые эмоции подвержены действию закономерностей протекания эмоциональных процессов, известных общей и социальной психологии. Правовым эмоциям судьи свойственны состояния удовольствия и неудовольствия от результатов профессиональной деятельности, возбуждения и спокойствия, напряжения и разрешения от него (стрессовые состояния). Для профессионального правосознания судьи также характерны чувство права и законности, чувство ответственности за надлежащее выполнение судебных обязанностей, чувство ответственности за судьбу человека.

Правовые эмоциональные переживания, испытываемые судьей постоянно в процессе деятельности, становятся профессиональными привычками, предъявляющими определенные требования к стилю поведения (например, привычка критического отношения к материалам предварительного следствия, привычка к самостоятельному принятию решения по уголовному делу, привычка, вытекающая из презумпции невиновности подсудимого — не считать окончательно его виновным до вынесения приговора — и др.). При этом в ходе профессиональной деятельности вырабатываются привычки не только положительные в смысле адекватного применения требований процессуальной формы, но и отрицательные, которые в известной степени обуславливают судебные ошибки (например, привычка верить, что на предварительном следствии показания подсудимого правдивы и т. д.).

Однако не следует абсолютизировать эмоциональные моменты в формировании судебского убеждения, иначе можно прийти к противопоставлению эмоциональных и познавательных процессов. «Эмоциональные процессы,— указывает С. Л. Рубинштейн,— никак не могут противопоставляться процессам познавательным как внешние... Самые эмоции человека представляют собой единство эмоционального и интеллектуального» [173, с. 459].

Абсолютизация чувств судьи при принятии им решения характерна для современной процессуальной доктрины буржуазных ученых. Так, западногерманский юрист Дреер в книге «О справедливом наказании» пишет, что судья решает дело и назначает наказание не с разумной, а с эмоциональной точки зрения. Правовое чувство судьи — единственная основа принятия решения, говорит Г. Керкау, исходя из того, что в 57 решениях федерального суда ФРГ он 72 раза встретил такие неопределенные формулировки, как правовое чувство, природа вещей и др. Подобные утверждения не только оправдывают произвол буржуазной юстиции, но и освобождают правоприменительную

деятельность от контроля вышестоящих судов и демократических кругов общественности [231].

Правовые чувства судьи стимулируют его познавательную деятельность, направляя ее на активное исследование обстоятельств совершенного преступления, на строгое соблюдение требований уголовно-процессуального закона. Как правильно отметил Г. З. Анашкин, «судьи должны быть беспристрастны ко всем участникам судебного разбирательства, но они должны быть пристрастны к отысканию истины, правильному решению» [25, с. 4].

При проведении интервью мы пытались выяснить некоторые аспекты влияния эмоциональной сферы судьи, его чувств на формирование убеждения, на объективность, всесторонность и полноту исследования обстоятельств совершенного преступления. При этом мы исходили из того, что правовые чувства судьи являются разновидностью практических чувств, т. е. чувств, отражающих практическую деятельность, которая обуславливает формирование интеллектуальных, моральных и эстетических чувств судьи в их единстве. Мы полностью разделяем утверждение А. Г. Ковалева, что иногда чувства «настолько слиты, что трудно бывает их выделить» [79, с. 162].

Следователь, прокурор, судья, действующие в одном административном районе, представляют собой определенную профессиональную группу, связанную общностью задач в борьбе с преступностью. Эту группу правомерно рассматривать в качестве референтной группы, где судьи черпают нормы своего поведения. Контакты между ними имеют место в процессе профессионального общения (рассмотрение уголовных дел, работа общих мероприятий, направленных на борьбу с преступностью в районе, и т. д.). В результате таких контактов они познают профессиональные качества друг друга, отношение к исполнению профессиональных обязанностей, т. е. те качества, которые В. И. Ленин называл умением вести дело [18, с. 88].

Длительное общение порождает стойкие чувства симпатии или антипатии, доверия или недоверия судьи к следователю, прокурору с позиций их профессиональной подготовленности и добросовестного выполнения возложенных на них обязанностей. Таким образом, можно предположить, что чувство доверия к следователю или, напротив, предвзятого к нему отношения может сказаться на активности судьи при исследовании фактических обстоятельств дела.

В интервью с судьями мы задавали вопрос «Влияет ли на полноту судебного следствия Ваше доверие к следователю, в производстве которого находилось дело?» Из 60 судей 23% заявило,

что доверие к следователю, обусловленное его высокими деловыми качествами, снижает их критическое отношение к материалам предварительного следствия, так как возникает твердая уверенность в том, что все возможные версии выдвинуты и проверены следователем. Безусловно, такое отношение к материалам предварительного следствия часто влечет за собой неполноту исследования дела и, по сути, подменяет судейское убеждение в виновности подсудимого убеждением следователя. Отдельные судьи на приведенный выше вопрос анкеты заявили, что при доверии к следователю они не проверяют заявлений подсудимых о нарушении требований закона на предварительном следствии (6% опрошенных).

Судья каждый раз, по каждому уголовному делу, вне зависимости от личной оценки деловых качеств следователя обязан выполнить требования закона о полном, объективном и всестороннем исследовании обстоятельств совершенного преступления и на этой основе прийти к убеждению о виновности или невиновности подсудимого. Выполнение этой своей профессиональной обязанности по каждому уголовному делу нивелирует такое отрицательное психологическое чувство, иногда развивающееся в профессиональной деятельности, как предвзятое отношение к подсудимому, его личности, к способу совершения преступления.

Предвзятость отношений судьи к личности подсудимого, его показаниям, к совокупности собранных по делу доказательств влечет за собой односторонность их оценки. Предубежденность судьи предполагает включение в орбиту внимания только тех фактов, которые в той или иной мере соответствуют заранее сложившемуся мнению. Предубежденность влечет за собой судебные ошибки не только в исследовании фактических обстоятельств дела, но и в правовой квалификации содеянного, в избрании меры наказания.

В процессе интервью выяснилось, что у некоторых судей в ходе профессиональной деятельности вырабатывается предубежденность к подсудимому, обусловленная: а) характером преступного события (например, изнасилование несовершеннолетней) (10% судей); б) совершением преступления с особой жестокостью или издевательством над потерпевшим (13% судей); в) циничным поведением подсудимого в судебном заседании (6% судей). Следует подчеркнуть, что с продолжительностью стажа работы действие последнего фактора уменьшается (от 4% судей, избранных в первый раз, до 2% избранных в четвертый и более раз) (см. табл. 3).

Мы предприняли попытку установить, в чем же конкретно сказывается предубежденность: 85% судей, отметивших данное

обстоятельство, заявили, что подсудимый вызывает у них «чувство омерзения», появляется стремление «побыстрее окончить судебное разбирательство», они находятся под большим впечатлением «способа совершения преступления» (см. табл. 3).

Нельзя согласиться с В. Ф. Боханом, который полагает, что «преступление в сознании судей рождает целый комплекс нравственных чувств. Отдельные факты, обстоятельства и допрашиваемые лица вызывают у них чувство радости, восхищения и сожаления, другие же, наоборот,— возмущения, негодования, неудовольствия, осуждения, презрения и т. д.» [41, с. 86]. Вряд ли можно назвать правильным утверждение, что преступление и его отдельные факты вызывают у судьи «чувство радости и восхищения».

В деятельности судьи не должно быть места чувствам презрения, негодования и т. д. Конечно, преступление у любого человека с развитым сознанием вызывает чувство негодования, презрения. Но судья как профессионал не должен таким образом реагировать на совершенное преступление, его «чувства» в данном случае глубже, он понимает и правильно оценивает вред, причиняемый преступностью общественным интересам. В связи с этим представляется спорным и другая мысль В. Ф. Бохана о том, что чувства лишены доказательственной основы и «выражают субъективное отношение судей к явлениям объективной действительности, а потому не могут привести к установлению истины» [41, с. 86]. Чувство не лишено доказательственной основы, оно всегда отражает какое-то известное явление, опирается на него, но оно может отражать это явление адекватно или же по своей силе и содержанию не соответствовать фактам объективной действительности. Судья в любом случае по всем обстоятельствам, устанавливаемым в деле, должен выразить к ним свое отношение, но последнее не должно приводить к субъективизму в познании.

В. И. Ленин указывал на то, что «без человеческих эмоций» никогда не бывало, нет и быть не может человеческого *искания истины*» [12, с. 112].

Судья должен уметь управлять своими чувствами, соотносить возможность их выражения с требованиями правоохранительной этики, не забывать, что личностное чувство в судебном разбирательстве имеет общественное содержание и направленность, которые вытекают из процессуального положения судьи, председательствующего в судебном разбирательстве.

В интервью мы задавали судьям вопрос «Влияет ли на формирование убеждения личное настроение, вызванное внесудебными факторами?». Только 3% судей из 60% опрошенных утвер-

дительно ответили на этот вопрос, остальные же 57% подчеркнули, что они «при плохом настроении настраивают себя так, чтобы оно не влияло на объективность оценок».

Закрепившиеся в профессиональном правосознании судьи требования марксистско-ленинской идеологии выступают не только в качестве ценностных ориентиров, но и как способ самоконтроля за правомерностью профессиональной деятельности.

Осознание своего профессионального долга дает возможность судье управлять своими чувствами, вырабатывает умение подчинять эмоции объективному исследованию фактических обстоятельств.

Таким образом, у судьи по профессии от уровня его общественно-политических и правовых знаний, длительности профессионального опыта, психических особенностей характера образуется свой, свойственный ему стиль работы, который позволяет выполнять ее с наивысшим качеством судебных решений и в кратчайший срок. В основе его должен лежать ленинский стиль работы, творчески применяемый в судебной деятельности. Это является условием формирования судейского убеждения, свободного от посторонних воздействий, утверждения собственного взгляда по вопросам, возникающим в уголовном деле и подлежащим разрешению в приговоре.

Глава четвертая НОРМАТИВНЫЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ СУДЕЙСКОГО УБЕЖДЕНИЯ

РОЛЬ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНА В ФОРМИРОВАНИИ УБЕЖДЕНИЯ СУДЬИ

§ 1. Общие замечания

Уголовно-процессуальная форма, закрепляя научно обоснованный порядок судопроизводства, по своему назначению включает в себе объективную возможность формирования такого содержания судейского убеждения, которое соответствует фактам, установленным в ходе судебного разбирательства.

Процессуальная форма закрепляет задачи судебной деятельности, устанавливает условия и порядок проведения судебного разбирательства, гарантирует активность суда в проверке материалов предварительного следствия.

При изучении формирования судейского убеждения нельзя игнорировать то обстоятельство, что процессуальный закон предоставляет суду определенную свободу в выборе варианта окончательного решения по уголовному делу, предъявляя к этому решению требования законности и обоснованности (ст. 323 УПК УССР).

Вместе с тем процессуальный закон довольно жестко регламентирует источники и способы получения доказательственной информации (выбор следственных действий, порядок их производства и т. д.).

А. Р. Ратинов справедливо указывает на то, что роль уголовно-процессуального закона в формировании судейского убеждения состоит в том, что он: а) закрепляет и делает обязательными методологические правила оценки доказательств; б) вводит специальные гарантии, отражающие свободу и независимость судейского убеждения; в) устанавливает обязательные правила сбора и исследования доказательств; г) определяет реквизиты процессуальных актов, в которых подводится итог доказывания, а также обязывает суд письменно анализировать собранные по делу доказательства [197, с. 484—485].

К этому следует добавить, что процессуальный закон, определяя предмет доказывания по уголовному делу (ст. 15 Основ уголовного судопроизводства) тем самым намечает и содержа-

ние знаний, к которым должен прийти судья в результате судебного разбирательства дела.

Нельзя признать приемлемой точку зрения С. В. Курылева о том, что процесс формирования судебного убеждения не регулируется законом [88, с. 29]. Действительно, сложные психологические, гносеологические, нравственные процессы формирования судебного убеждения не регулируются законом, но отсюда не следует, что процессуальный закон, его требования не формируют судебного убеждения. В постановке вопроса С. В. Курылевым значимость процессуального закона в формировании судебного убеждения теряется. Судейское убеждение представляет собой итог «взаимодействия» собранных по делу доказательств с направленностью личности судьи и его профессиональным правосознанием, причем взаимодействия сложного, осуществляемого многопланово и на разных уровнях, но в рамках процесса познания обстоятельств совершенного преступления. Процесс же познания по уголовному делу регламентируется процессуальной формой, неукоснительное выполнение которой является основой формирования знаний судьи, достаточных для принятия решения по делу.

Утверждение С. В. Курылева в значительной мере можно объяснить тем, что он отрицает возможность объективизации судебного убеждения, а тем самым им игнорируется требование закона о мотивации принимаемых по делу решений (приговора, определения суда о прекращении дела либо направления дела к доследованию).

В литературе довольно полно исследована проблема роли принципов советского уголовного процесса в формировании судебного убеждения [190; 162; 41]. Поэтому, не останавливаясь подробно на этом вопросе, подчеркнем только, что принципы советского уголовного процесса в том или ином процессуальном институте находят различное выражение. Можно утверждать, что для конкретных процессуальных институтов одни принципы имеют определяющее, а другие — вспомогательное значение.

К процессуальным принципам, которые определяют формирование судебного убеждения, относятся принципы публичности [23; 59], независимости судей и подчинения их только закону, объективной истины и непосредственности.

Остановимся подробнее на принципе независимости судей и подчинения их только закону. Этот принцип требует, чтобы убеждение судьи формировалось в условиях, исключающих внешнее принуждение его к принятию решения, которое противоречит судебскому убеждению.

Принцип независимости судей и подчинения их только закону

выражается, в частности, в том, что судьи все вопросы, ответ на которые должен дать приговор, разрешают в совещательной комнате по своему убеждению, на основании закона и собранных по делу доказательств, при этом процессуальная форма не допускает какого-либо внесудебного влияния и давления на судей при осуществлении ими функций правосудия.

В 1921 г. циркуляром Оргбюро ЦК партии было предоставлено право партийным органам принимать обязательные для судов решения в случаях, когда к ответственности привлекаются коммунисты. Эти указания циркуляра В. И. Ленин назвал вредными. «Подтвердить всем губкомам,— писал он,— что за малейшую попытку «влиять» на суды в смысле «смягчения» ответственности коммунистов ЦК будет исключать из партии» [16, с. 53].

22 июня 1921 г. Президиум ВУЦИК принял постановление «О невмешательстве административных органов в деятельность судебных установлений», в котором, в частности, говорилось о том, что «постановления судебных и следственных органов могут быть отменены и изменены лишь в порядке, определенно указанном в декретах и распоряжениях Советской власти, и всякие непосредственные требования в этой области представителей местных административных органов вносят лишь расстройство в деятельность суда, препятствуют закреплению правового порядка... и роняют авторитет суда» [196, 1921, № 12, ст. 325].

Важнейшей гарантией независимости судей и подчинения их закону, а тем самым гарантией того, что приговор суда выражает судейское убеждение, является линия Коммунистической партии на решительное пресечение попыток внесудебного вмешательства в разрешение уголовных и гражданских дел.

В 1954 г. ЦК КПСС принял постановление, в котором указал, что практика вмешательства в разрешение уголовных и гражданских дел недопустима, подрывает авторитет суда, дезорганизует судей, толкает их на принятие незаконных решений, лишает судебные органы самостоятельности и насаждает в них безответственность [125, 1954, № 6, с. 16].

Принцип независимости судей и подчинения их только закону обеспечивает надлежащие условия для формирования судейского убеждения. Именно это подчеркивается в ст. 10 Основ уголовного судопроизводства: «Судьи и народные заседатели разрешают уголовные дела на основе закона, в соответствии с социалистическим правосознанием, в условиях, исключающих постороннее воздействие на судей».

Здесь будет уместным привести письмо В. И. Ленина члену коллегии ВЧК по делу Я. С. Шелехеса — оценщика Гохрана, обвинявшегося в хищении из последнего ценностей: «В письме

о Шелехесе... Вы говорите: «за него хлопочут» вплоть до Ленина и просите «разрешить Вам не обращать никакого внимания на всякие ходатайства и давления по делу о Гохране».

Не могу разрешить этого.

Запрос, посланный мной, не есть ни «хлопоты», ни «давление», ни «ходатайство».

Я обязан запросить, раз мне указывают на сомнения в правильности.

Вы обязаны мне по существу ответить: «доводы или улики серьезны, такие-то, и против освобождения, против смягчения» и т. д. и т. п.

Так именно по существу Вы мне и должны ответить.

Ходатайства и «хлопоты» можете отклонить; «давление» есть незаконное действие. Но, повторяю, Ваше смешение запроса от Председателя СНК с ходатайством, хлопотами или давлением ошибочно» [17, с. 108—109].

Принцип независимости судей и подчинения их только закону вместе с тем не означает, что судьи независимы от государства, от его судебной политики. Приговор суда является выражением судебной политики государства. Судьи в приговоре проводят эту политику, но проводят «на основе закона и в соответствии с законом; при решении конкретных судебных дел судьи независимы от других государственных органов и организаций, которые не имеют права воздействовать на судей, оказывать на них давление, побуждать их вынести такое-то, а не иное решение» [57, с. 29; 147, с. 172—176].

Следовательно, указанный принцип советского уголовного процесса требует от судей, с одной стороны, чтобы в их убеждении выражались политические, правовые, нравственные взгляды советского общества, а с другой, — чтобы их убежденность в виновности подсудимого основывалась на собранных по делу доказательствах, процесс формирования убеждения происходил в строгом соответствии с требованиями процессуального закона и в условиях, исключающих внесудебное влияние на приговор суда.

Принцип независимости судей и подчинения их только закону, будучи единым принципом, имеет различные процессуальные аспекты, которые гарантируют формирование собственного взгляда судьи. В частности, этот принцип предполагает, что убеждение судей первой инстанции не зависит как от оценки доказательств, имевшей место в стадии предварительного расследования и предания обвиняемого суду, так и не связано выводами, к которым пришли кассационная и надзорная инстанции при отмене приговора и направлении дела на новое рассмотрение со стадии судебного разбирательства (ст. 376, 395 УПК УССР).

Для судей также не обязательны оценки фактических обстоятельств рассматриваемого уголовного дела и предположения по квалификации о мере наказания участниками судебного разбирательства. Прокурор, подсудимый и его защитник, гражданские истец и ответчик, потерпевший и их представители, общественные обвинитель и защитник, приводя свои мнения о наличии или отсутствии фактов, входящих в предмет доказывания, убеждают суд в правильности своих требований, а тем самым воздействуют на формирование судейского убеждения. Но суд не связан этими требованиями, а обязан в совещательной комнате при обсуждении вопросов, подлежащих разрешению в приговоре, проверить законность и обоснованность утверждения сторон, и постановить то решение, которое, по убеждению судей, вытекает из обстоятельств дела и соответствует требованиям процессуального и материального закона.

Так, в соответствии со ст. 298 УПК РСФСР по окончании судебных прений, но до удаления суда в совещательную комнату прокурор, защитник, подсудимый, потерпевший, гражданский истец и гражданский ответчик и их представители вправе представить суду в письменном виде предлагаемую ими формулировку решения по вопросам, которые должны быть отражены в приговоре. Однако закон подчеркивает, что предлагаемая участниками судебного разбирательства формулировка не имеет для суда обязательной силы.

§ 2. ПРЕЮДИЦИИ, ПРЕЗУМПЦИИ И СУДЕЙСКОЕ УБЕЖДЕНИЕ

Процесс формирования судейского убеждения включает в себя использование преюдиций и презумпций. Данная проблема в науке советского уголовного процесса остается дискуссионной и ее нельзя считать полностью изученной. Поэтому мы остановимся на некоторых, с нашей точки зрения, принципиальных положениях, позволяющих раскрыть роль преюдиций и презумпций в формировании судейского убеждения. Прежде всего следует отметить, что преюдиции и презумпции — это не способ доказывания фактов, а общие положения (правила), в силу которых лицо, производящее оценку доказательств, и суд вправе считать установленными обстоятельства, имеющие значение для разрешения уголовного дела [191; 197].

Применительно к уголовному судопроизводству можно выделить три вида преюдиций: административную, гражданско-процессуальную и уголовно-процессуальную.

Под административной преюдицией понимается обязательность для суда, рассматривающего уголовное дело, учета фактов, которые установлены органами, наделенными правом привлекать граждан к административной ответственности.

В настоящее время диспозиция ряда уголовно-правовых норм предусматривает, что лицо может быть привлечено к уголовной ответственности только при условии, если к нему в течение определенного времени были применены меры административного воздействия (например, ч. 1 ст. 85, ч. 1 ст. 148, ч. 1 ст. 149, ч. 1 ст. 156—1, ч. 1 ст. 206 УК УССР и др.).

При наличии такой ситуации факт привлечения лица к административной ответственности преюдициален для суда, рассматривающего уголовное дело, в том смысле, что принятые меры административного воздействия имеют материально-правовое значение (хотя некоторые уголовно-правовые нормы предусматривают возможность привлечения лица к уголовной ответственности при условии применения к нему мер общественного воздействия (ч. 1 ст. 85 УК УССР и др.), но в их основе лежат административно правовые отношения, поэтому решение товарищеского суда по факту мелкого хищения правомерно рассматривать в плане административной преюдиции).

Здесь возникает вопрос о пределах преюдиции актов применения мер административного воздействия для суда, рассматривающего уголовное дело, т. е. вопрос о круге юридических фактов, которые могут быть преюдициальными и считаться установленными этими актами. Думается, что акт применения мер административного воздействия обязателен для суда, рассматривающего уголовное дело, лишь по вопросу о том, имело ли место административное правонарушение и совершено ли оно данным лицом. Однако, если у суда возникло сомнение в законности и обоснованности применения мер административного воздействия, то он обязан проверить истинность фактов, установленных административным органом.

Подтверждение этого мы находим в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 16 октября 1972 г. «О судебной практике по делам о хулиганстве», в п. 8 которого приведено следующее указание: «Обратить внимание судов на то, что к уголовной ответственности за повторное мелкое хулиганство лицо может быть привлечено лишь в том случае, если в каждом из совершенных им деяний содержатся признаки мелкого хулиганства, причем за первое из них законно и обоснованно была применена мера административного воздействия. В связи с этим судам надлежит... всесторонне, полно и объективно исследовать все материалы дела, в том числе и обстоятельства, относящиеся

к первому правонарушению» [178, с. 357]. Представляется, что это указание Верховного Суда СССР имеет принципиальное значение для рассмотрения уголовных дел, по которым лицо привлекается к уголовной ответственности при условии, если к нему ранее применялись меры административного или общественного воздействия. В подобных случаях суд обязан проверить законность и обоснованность привлечения лица к административной ответственности и только установив, что подсудимый привлечен к административной ответственности при наличии достаточных для этого оснований, оценивает акт привлечения лица к административной ответственности как преюдициальный. Преюдициальность данного акта для суда, рассматривающего уголовное дело, заключается в том, что, установив его законность и обоснованность, суд не вправе прийти к иным выводам, противоречащим утверждениям административного органа. Если, по мнению суда, лицо подвергнуто административному (общественному) воздействию необоснованно, то он постановляет оправдательный приговор за отсутствием в действиях подсудимого состава преступления, поскольку наличие последнего законодатель в названных выше случаях связывает с фактом совершения лицом в прошлом административного проступка.

Преюдициальность приговора и решения по гражданскому делу в процессуальной литературе обычно связывают с презумпцией истинности процессуального акта, вступившего в законную силу [см. 31, с. 6; 71, с. 4; 134; 189, с. 213 и др.]. Эта концепция была подвергнута убедительной критике В. Я. Дороховым и С. В. Курьлевым [61, с. 86; 88, с. 77], которые отметили, что истинность вступившего в законную силу судебного решения в советском уголовном процессе не облекается в форму презумпции. Советский уголовно-процессуальный закон требует, чтобы каждый судебный приговор, вступивший в силу, отвечал требованиям законности и обоснованности. Это требование закона как по форме, так и по содержанию, не имеет никакого отношения к презумпции истинности приговора.

К этому еще следует добавить, что не вступление приговора в законную силу влечет за собой признание его истинным, а сама его законная сила является результатом истинности приговора. Презумпция истинности приговора, из которой исходят ее сторонники, означает, что сама по себе истинность приговора не является закономерным явлением, а основана лишь на эмпирическом обобщении, вследствие которого приговор советского суда должен признаваться истинным всегда, поскольку в большинстве случаев он таковым является. Но ведь всякая презумпция,

являясь предположением, таит в себе возможность и иного, противоположного решения данного вопроса.

В советском уголовном процессе законную силу может получить приговор, вынесенный в точном соответствии с требованиями материального и процессуального закона, с достоверностью устанавливающий событие преступления и вину подсудимого. Следовательно, сила приговора вытекает из его правосудности, а не из презумпции его истинности, которая вряд ли имеет достаточно оснований для существования.

Уголовно-процессуальная и гражданско-процессуальная преюдиции связаны с такими свойствами судебного решения, вступившего в законную силу, как исключительность и обязательность исполнения.

Исключительность вступившего в законную силу приговора означает, что уголовное дело не может быть возбуждено в отношении лица, о котором имеется по тому же обвинению вступивший в законную силу приговор суда (п. 9 ст. 6 УПК УССР). Под обязательностью приговора следует понимать обязанность определенных должностных лиц и органов обеспечить безусловное и точное исполнение приговора (ст. 54 Основ уголовного судопроизводства, ст. 403 УПК УССР).

Некоторые авторы к свойствам приговора также относят неотменимость, которая, по мнению М. А. Чельцова, «выражает его стабильность» [216, с. 425]. Мы полагаем, что неотменимость не может быть отнесена к свойствам приговора, так как она не характеризует этот процессуальный акт и, по сути, ничего собой не выражает. В самом деле, в основе стабильности приговора лежит не его неотменимость, а законность и обоснованность. В отношении приговора, с достоверностью установившего объективную истину в рассмотренном уголовном деле, не может стоять вопрос об его отмене. Если же приговор незаконный и необоснованный, то он во всех без исключения случаях подлежит отмене или изменению в порядке судебного надзора.

Однако между исключительностью как свойством судебного решения и преюдициальностью существует различие. Исключительность предотвращает решение уголовного дела по тождественному обвинению, преюдициальность же связана с недопустимостью вторичного решения отдельных вопросов, ранее разрешенных в другом судебном акте и имеющих значение для данного дела.

Правила преюдиции, внося упорядоченность в судебное познание, всегда должны соотноситься с требованиями, вытекающими из оценки доказательств и принятия решения по убеждению судьи. Из сказанного достаточно очевидна правомерность деле-

ния гражданско-процессуальных и уголовно-процессуальных преюдиций на опровержимые и неопровержимые при рассмотрении уголовного дела. В дальнейшем мы попытаемся обосновать это положение, а сейчас важно подчеркнуть следующее. Опровержимость преюдиции связана с возможностью суда при рассмотрении конкретного уголовного дела установить факты, лежащие в основе судебного решения по другому уголовному или гражданскому делу, но имеющие значение и для этого дела¹. Если такой возможности у суда нет, то преюдиция неопровержима.

Гражданско-процессуальная преюдиция или, иначе, преюдиция решения, определения, постановления по гражданскому делу при рассмотрении уголовного дела закреплена в ст. 28 УПК РСФСР. Эта статья устанавливает следующее правило: «Вступившее в законную силу решение, определение или постановление суда по гражданскому делу обязательно для суда, прокурора, следователя и лица, производящего дознание, при производстве по уголовному делу только по вопросу, имело ли место событие или действие, но не в отношении виновности обвиняемого». Таким образом, преюдициальность решения, определения, постановления суда по гражданскому делу не связывает суд в отношении установления виновности подсудимого.

Ст. 114 УК УССР (уклонение от платежа алиментов на содержание детей) и ст. 116 УК УССР (уклонение от платежа средств на содержание нетрудоспособных родителей) предусматривают преюдициальность судебного решения по гражданскому делу, которым устанавливается правовая (алиментная) обязанность подсудимого по содержанию детей и нетрудоспособных родителей. Указанную преюдицию можно отнести к числу неопровержимых, поскольку суд при рассмотрении уголовного дела, связанного с уклонением от платежа алиментов, не вправе устанавливать правомерность взыскания с подсудимого алиментов, т. е. решать вопрос о праве гражданском.

Поэтому при появлении сомнений в правомерности взыскания алиментов суд не может и не должен проверять это обстоятельство, а обязан исходить из него как несомненного и при наличии доказанности уклонения подсудимого от их платежа вынести обвинительный приговор. Однако при такой ситуации суд, постановляя приговор по уголовному делу, может вынести частное определение, которым доводит до сведения председателя областного суда, Верховного Суда союзной республики (в республиках,

¹ Таким образом, административная преюдиция всегда опровержима.— Ю. Г.

не имеющих областного деления) или прокурора факт наличия сомнений в правосудности решения по гражданскому делу, направив им и рассмотренное уголовное дело. Во всех других случаях, например, когда иск о возмещении вреда, причиненного неправомерными действиями подсудимого, рассматривался в порядке гражданского судопроизводства до разрешения в суде уголовного дела, суд при исследовании события преступления и причиненного им материального вреда вправе, при наличии сомнений, проверить фактические основания, которые легли в основу решения по гражданскому делу, и при постановлении приговора руководствоваться обстоятельствами, установленными в судебном разбирательстве.

Следовательно, само по себе нарушение правил преюдициальности не должно повлечь за собой отмену приговора.

В этой связи нельзя согласиться с мнением о том, что вывод в решении суда по гражданскому делу о наличии факта хищения материальных ценностей должен быть использован в уголовном процессе в качестве обязательного [182, с. 143]. Факт хищения, установленный судом при рассмотрении гражданского дела, не может быть признан преюдициальным при рассмотрении уголовного дела, поскольку в противном случае этот вывод предопределяет решение суда по делу в отношении виновности подсудимого, что противоречит действующему законодательству.

В связи с анализируемым положением существенным является тезис, которым сопровождалась публикация определения Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда СССР от 7 июня 1968 г. по иску прокурора к Парамоновой о возмещении ущерба: «Факт приобретения имущества на средства, добытые преступным путем, может быть установлен лишь приговором суда» [44, 1968, № 6, с. 28].

Можно выделить две точки зрения на процессуальные последствия гражданско-процессуальной и уголовно-процессуальной преюдиции. Одни авторы полагают, что до отмены судебного решения, имеющего преюдициальное значение, суд, который рассматривает уголовное (гражданское) дело, не вправе выносить приговор (решение) по своему убеждению [61, с. 82; 70, с. 42]. Другие считают, что если возникает противоречие между преюдициальностью и судебским убеждением, то судьи должны постановить приговор (решение) по своему убеждению [110, с. 130—132; 189, с. 214].

Несколько иную позицию в этом вопросе заняли Г. М. Резник и И. Л. Петрухин. По мнению Г. М. Резника, суд при наличии сомнений в достоверности преюдициальных фактов вправе заново их исследовать, и если эти факты по убеждению суда

установлены неправильно, то он приостанавливает производство по делу и вносит представление об опротестовании ранее вынесенного приговора (решения) в порядке судебного надзора или по вновь открывшимся обстоятельствам [165, с. 11]. И. Л. Петрухин предлагает, чтобы в подобной ситуации суд выносил приговор по своему убеждению, но этот приговор, поскольку им отвергнута преюдиция, не вступает в законную силу до тех пор, пока вышестоящий суд не проверит оба приговора (или приговор и решение по гражданскому делу) и не решит вопрос, какой из них правосуден [197, с. 360].

Думается, что позиция И. Л. Петрухина является наиболее последовательной и правильной.

Нельзя согласиться с мнением Г. М. Резника. В соответствии со ст. 280 УПК УССР приостановление судебного разбирательства может иметь место лишь тогда, когда подсудимый уклонился от явки в суд либо заболел психической или иной тяжелой длительной болезнью, исключающей разбирательство дела. Приостановление производства по делу при наличии сомнений в преюдициальных фактах противоречило бы требованиям этой статьи. Суд обязан разрешить уголовное дело по существу, проверив обоснованность преюдициальных фактов или с учетом последних.

Уголовно-процессуальная преюдиция (преюдиция приговора) возникает: а) при рассмотрении дела, выделенного в отдельное производство (например, в отношении соучастника преступления, скрывавшегося ранее от следствия и суда); б) при рассмотрении дела по вновь открывшимся обстоятельствам, вследствие злоупотребления прокуроров, следователей, лиц, производивших дознание, и судей (ст. 397 УПК УССР); в) при признании лица особо опасным рецидивистом.

В первых двух случаях преюдиция приговора опровержима. Суд, придя к иным выводам при рассмотрении уголовного дела, постановляет приговор по своему убеждению (например, лицо, в отношении которого дело выделено в особое производство, согласно приговору суда по основному делу, участвовало в краже в составе группы, а при рассмотрении выделенного уголовного дела у суда может сложиться убеждение, что подсудимый вообще не принимал участия в краже). При несогласии с преюдициальным фактом суд должен вынести частное определение и довести до сведения председателя вышестоящего суда или соответствующего прокурора мотивы, по которым он считает приговор незаконным и необоснованным.

Сложнее обстоит дело с преюдициальным значением ранее вынесенных приговоров при признании лица особо опасным рецидивистом. П. Гришанин считает, что если суд придет к выводу,

что квалификация деяния по предыдущему приговору (приговора) неправильна и это имеет значение для решения вопроса о признании лица особо опасным рецидивистом, то «суд вправе отказаться от признания рецидивиста особо опасным» [54, с. 23].

Предложенный П. Гришаниным вывод является спорным. Суд при признании лица особо опасным рецидивистом не может обсуждать правильность квалификации деяния по предыдущему приговору [44, 1974, № 1, с. 12], поскольку он не имеет права исследовать те фактические обстоятельства, которые не охватываются обвинением по рассматриваемому уголовному делу (ст. 275 УПК УССР). Свои сомнения в отношении неправильности квалификации деяния суд выражает путем вынесения частного определения, доводя последнее до сведения председателя вышестоящего суда или прокурора.

Заканчивая анализ роли преюдициальных фактов в формировании судейского убеждения, отметим, что они не имеют характера «предустановленных» и не сковывают убеждения судей¹. Теперь обратимся к другому вопросу, решение которого имеет непосредственное отношение к нашей теме.

Под презумпциями обычно понимают общее положение, отображающее устойчивые, неоднократно наблюдаемые связи между фактами, событиями, явлениями, состояниями, свойствами. Под правовыми, в частности, под уголовно-процессуальными презумпциями следует подразумевать закрепленное в уголовно-процессуальном законодательстве правило, согласно которому при доказанности одного факта предполагается доказанность другого либо предполагается наличие или отсутствие фактов до опровержения их в установленном законом порядке.

Советское уголовно-процессуальное законодательство не знает неопровержимых презумпций. Иногда указывают как на неопровержимую презумпцию на «неразумение» лиц, которые не достигли возраста уголовной ответственности [31; 197, с. 343], однако это не презумпция, а правовой запрет — не привлекать их к уголовной ответственности.

К важнейшим уголовно-процессуальным презумпциям относится презумпция невиновности: всякий обвиняемый считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в установленном законом порядке.

¹ Считаем необходимым подчеркнуть, что Основы уголовного судопроизводства и некоторые УПК союзных республик, в частности, УПК УССР, не содержат нормы, аналогичной ст. 28 УПК РСФСР, что в принципе нельзя признать пробелом в действующем общесоюзном и республиканском уголовно-процессуальном законодательстве.— Ю. Г.

Презумпция невиновности закреплена в ст. 7 Основ уголовного судопроизводства, установившей следующее правило: «Никто не может быть признан виновным в совершении преступления и подвергнут уголовному наказанию иначе, как по приговору суда».

Презумпция невиновности означает, что только доказанная, установленная с достоверностью виновность подсудимого может служить основанием для его осуждения. Недоказанная виновность равнозначна доказанной невиновности. Тем самым она исключает возможность вынесения обвинительного приговора, основанного на предположениях, на уверенности судьи, не соответствующей совокупности собранных по делу доказательств.

В этом плане презумпция невиновности регулирует конечный вывод судьи и тем самым предъявляет требования достоверности к содержанию знаний, выражением которых является судебское убеждение. Поэтому презумпция невиновности неразрывно связана с требованиями законности и обоснованности приговора, ибо только такой приговор опосредует указанное содержание судебского убеждения.

Таким образом, презумпция невиновности играет существенную роль в формировании судебского убеждения, требуя от суда активности в исследовании обстоятельств совершенного преступления и запрещая ему перекладывать на подсудимого обязанность по доказыванию своей невиновности.

В постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 18 марта 1963 г. «О строгом соблюдении законов при рассмотрении судами уголовных дел» признаются неправильными случаи, когда объяснения подсудимого «отвергаются по таким мотивам, которые свидетельствуют о попытке переложить обязанность доказывания невиновности на самого подсудимого, что категорически запрещается».

В этой связи нельзя согласиться с мнением некоторых авторов, которые считают, что подсудимый, давая показания и объяснения в оправдание обвинения или его смягчения, должен при этом сослаться на доказательства, если находит необходимым их рассмотрение в суде [28, с. 72; 105, с. 73—74].

В силу презумпции невиновности суд обязан проверить все объяснения подсудимого, выдвигаемыми им в свою защиту. При этом проверка таких объяснений не может быть поставлена в зависимость от того, ссылаются ли подсудимый в своих показаниях на конкретные источники доказательств или на определенные факты. Именно это обстоятельство играет существенную роль в формировании судебского убеждения, позволяет судье

преодолеть сомнения в доказанности тех или иных обстоятельств, вмененных в вину подсудимому.

Судебная практика считает грубейшим нарушением закона те случаи, когда суд возлагает на подсудимого обязанность по доказыванию своей невиновности (ст. 14 Основ уголовного судопроизводства). Так, Тертерсян и Ерошенко были признаны виновными в том, что первая, работая заведующей магазином, а вторая — продавцом, присвоили 4385 рублей, вырученных от продажи товаров. В основу обвинительного приговора были положены, в частности, соображения суда о том, что Ерошенко работала в торговой сети более пяти лет, а Тертерсян не смогла доказать, что при получении и отпуске товаров она не допускала ошибок. В определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР обращается внимание на следующее: «Такое обоснование обвинительного приговора в отношении Тертерсян совершенно неправильно. Суд не вправе возлагать на обвиняемого обязанность доказывать свою невиновность в предъявленном ему обвинении, равно как и не вправе считать обвинение доказанным только потому, что обвиняемый не доказал своей невиновности» [44, 1952, № 6].

Презумпция невиновности требует несомненной доказанности обвинения, обвинительных выводов суда, а это может иметь место тогда, когда факты, вменяемые в вину подсудимому, установлены с достоверностью в результате полного, объективного и всестороннего их исследования в судебном заседании. Если же такой достоверности нет, если факты, уличающие подсудимого, остаются только предположительными, иначе говоря, если наличие этих фактов вызывает сомнение, то они не могут быть признаны установленными, а следовательно, и обвинение должно быть в этой части признано необоснованным. Поэтому из презумпции невиновности вытекает правило, что имеющиеся по делу сомнения в доказанности тех или иных фактов, которые вменяются в вину подсудимому и вытекают из обстоятельств рассматриваемого уголовного дела, истолковываются в пользу подсудимого.

В постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 30 июня 1969 г. «О судебном приговоре» указывается, что «все сомнения в отношении доказанности обвинения, если их не представляется возможным устранить, толкуются в пользу подсудимого».

Касаясь этого вопроса, Г. З. Анашкин полагает, что все разумные сомнения должны быть истолкованы в пользу обвиняемого [24, с. 25]. Конструкция сомнения как «разумного», по нашему мнению, имеет уязвимые места и влечет за собой не совсем правильные выводы. В такой постановке вопроса необходимо

определить само понятие «разумности сомнения» и его отличие от «сомнения неразумного». Представляется, что подобная конструкция ведет к концепции «среднего» разума, модного в свое время в буржуазном судопроизводстве и подвергнутого обстоятельной критике М. С. Строговичем.

В постановлении Пленума Верховного Суда СССР «О судебном приговоре» говорится о неустранимых сомнениях, что является более точным и правильным при определении характера сомнения.

Правило о толковании неустранимых сомнений в пользу подсудимого, имея в своей основе право обвиняемого на защиту, вместе с тем играет известную роль и в формировании судебного убеждения, обязывает суд каждый раз при наличии сомнений в доказанности любого обстоятельства, которое имеет значение для правильного разрешения уголовного дела, приложить все усилия к тому, чтобы опровергнуть это сомнение. И только в том случае, если ни в ходе судебного разбирательства, ни в процессе дополнительного расследования, по мнению судей, его нельзя опровергнуть, то факт, в отношении которого имеется неустранимое сомнение, должен быть истолкован в пользу подсудимого и в соответствии с этим будет принято решение, наиболее благоприятствующее подсудимому [22, с. 8—9; 29, с. 14—15; 135, с. 45—51].

Например, Куликов был признан виновным в том, что из хулиганских побуждений убил Сонину при следующих обстоятельствах. Осужденный систематически злоупотреблял спиртными напитками и часто не ночевал дома. Однажды Куликов вернулся домой в нетрезвом состоянии, между ним и Сониной вспыхнула ссора. Куликов начал избивать Сонину, в результате чего у нее была проломлена левая височная кость, последовало кровоизлияние в мозг и смерть. Органы предварительного следствия, суды первой и второй инстанции пришли к выводу, что в действиях Куликова имеются признаки умышленного убийства, совершенного при отягчающих обстоятельствах. При рассмотрении данного дела в порядке судебного надзора надзорная инстанция пришла к неустранимому сомнению в отношении доказанности умысла осужденного на убийство и признала, что действия Куликова нужно оценивать как умышленное нанесение тяжких телесных повреждений, повлекших смерть потерпевшей [180, с. 248].

Другой опровержимой презумпцией является презумпция знания законов — «никто не может отговариваться незнанием закона». Значение этой презумпции в формировании судебного убеждения заключается в том, что надлежаще опубликованные

законы, в том числе материально-правовые, известны гражданам, а поэтому судьи при решении вопроса о виновности должны исходить из того, что уголовно-правовой запрет известен подсудимому.

М. С. Строгович и А. А. Тилле последовательно проводят мысль о том, что в основе этой презумпции лежит не знание лицом конкретных законодательных актов и правовых норм, а наличие у подсудимого некоторых общих представлений о правомерном и неправомерном, уголовно наказуемом и допустимом [189, с. 204—205; 199, с. 34—39].

Такое понимание презумпции знания законов создает правильную исходную позицию для уяснения содержания данного процессуального правила. Но оно не решает проблемы в целом, поскольку остается неясным, какой же объем правовых знаний должен быть у подсудимого. Нам представляется, что каждому гражданину известен конкретный уголовно-правовой запрет, а не наличие общего представления о правомерном и неправомерном. Естественно, гражданин может не знать, что за такое-то деяние последует такое-то наказание, но его сознание должно охватывать противоправность совершенных действий.

Нельзя согласиться с В. А. Тумановым, который полагает, что виновный в нарушении закона должен доказать, что он не знал и не мог знать предписаний уголовно-правового запрета [202, с. 122]. Закон не возлагает на подсудимого обязанности по доказыванию знания закона. Если это обстоятельство вызывает сомнение, то суд проверяет его объяснения и делает вывод, насколько ссылка подсудимого на незнание закона обоснованна.

Спорным является мнение А. А. Тилле, который утверждает, что незнание закона суд может учесть в качестве смягчающего вину обстоятельства [199, с. 39]. А. А. Тилле не приводит никаких доводов в поддержку своего положения. Думается, что его позиция по данному вопросу заслуживает критической оценки.

Действующее уголовное законодательство по известным причинам не предусматривает такого смягчающего вину обстоятельства, как невежество, к которому в теории уголовного права относили и незнание законов. В условиях сплошной грамотности населения и систематического опубликования в печати не только законов, но и законопроектов никто не может отговариваться их незнанием. Стало быть, может иметь место альтернатива — либо по объективным и субъективным причинам подсудимый не знал и не мог знать закона и в силу этого совершил преступление, либо ему известно содержание конкретного уголовно-правового запрета. Если же встать на точку зрения А. А. Тилле, то ситуация по делу будет выглядеть следующим образом: подсудимый

не знал и не мог знать предписаний уголовного закона, но суд вместо того, чтобы вынести оправдательный приговор за отсутствием в действиях подсудимого состава преступления [см. 179], постановляет обвинительный приговор, а указанное обстоятельство учитывает в качестве смягчающего при назначении наказания. Такая позиция, понятно, противоречит закону.

В процессуальной литературе популярен тезис, по которому в процессе доказывания важную роль играют незакрепленные в нормах права фактические (естественные) презумпции, к числу которых обычно относят типичные приемы совершения преступления и так называемые общеизвестные факты (исторические, географические, естественно-научные) [71, с. 8; 197, с. 363].

А. А. Эйсман считает, что фактические презумпции содержат обосновывающие знания в больших посылках правдоподобных умозаключений [226]. Напротив, М. С. Строгович утверждает, что в советском уголовном процессе фактические презумпции не имеют места [189, с. 185].

Мы считаем более правильной концепцию М. С. Строговича, однако дополним ее следующими соображениями. Прежде всего, «общеизвестные» факты не подлежат доказыванию по уголовному делу не в силу их презюмирования, а потому, что они аксиоматичны. Скажем, то обстоятельство, что 16 марта 1974 г. восход солнца был в 6 часов 44 минуты, а заход — в 18 часов 35 минут, по уголовному делу не подлежит доказыванию ввиду его бесспорности и строгой научной обоснованности.

Мы преднамеренно слово «общеизвестные» взяли в кавычки. С нашей точки зрения, в уголовном судопроизводстве общеизвестность тех или иных фактов всегда должна подтверждаться соответствующими документами (в нашем примере справкой метеослужбы). Подобные факты не доказываются участниками судебного разбирательства, а подтверждаются соответствующими компетентными органами.

Что же касается знаний о наиболее вероятных, типичных приемах совершения преступления, то они не могут быть отнесены к числу презумпций, а, как это было показано в предыдущей главе, являются частью профессиональных знаний судьи.

Некоторые авторы [см. 197] к числу частных уголовно-процессуальных презумпций относят следующие: а) необъективность или некомпетентность судьи, следователя, прокурора, лица, производящего дознание, а также эксперта, если по делу установлены факты, являющиеся основанием для их отвода; б) недостаточность одного признания вины для вынесения обвинительного приговора; в) обязательность проведения экспертизы

в случаях, указанных в законе; г) правосубъектность участников процессуальных правоотношений.

С этим вряд ли можно согласиться. Во-первых, спорно само деление процессуальных презумпций на общие и частные. Во-вторых, отмеченные положения уголовно-процессуального закона не могут быть отнесены к числу презумпций в прямом понимании этого термина. Например, при отводе судьи не презюмируется его необъективность и некомпетентность, а положительно доказывается обстоятельство, влекущее по закону такой отвод. В случае непроведения экспертизы, когда по закону ее производство обязательно (ст. 76 УПК УССР), данное обстоятельство не подлежит доказыванию другими источниками доказательств.

Таким образом, преюдиции и процессуальные презумпции не сковывают формирование убеждения судьи, а упорядочивают процесс познания по уголовному делу, способствуют формированию такого содержания знания судьи, которое соответствует фактам объективной действительности.

§ 3. УБЕЖДЕНИЕ СУДЬИ И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Процессуальная норма, установленная ч. 2 ст. 17 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, — «никакие доказательства для суда, прокурора, следователя и лица, производящего дознание, не имеют заранее установленной силы» — играет существенную роль в формировании судейского убеждения. Именно судейское убеждение, как выражение личностного отношения судьи к совокупности собранных по делу доказательств, определяет доказательственную ценность фактических данных и критическое к ним отношение. Советское процессуальное законодательство и теория доказательств отвергают любую попытку наделить какой-либо источник доказательств заранее предустановленной силой, принудить судью некритически воспринимать доказательственную информацию.

Это требование последовательно закреплено в республиканском процессуальном законодательстве, например, в отношении показаний обвиняемого (подсудимого). Так, ч. 2 ст. 74 УПК УССР обращает внимание на то, что «показания обвиняемого, в том числе и такие, в которых он признает себя виновным, подлежат проверке. Признание обвиняемым своей вины может быть положено в основу обвинения только при подтверждении этого признания совокупностью имеющихся по делу доказательств».

а ст. 299 УПК УССР обязывает суд проводить судебное следствие «в полном объеме, независимо от признания подсудимым предъявленного ему обвинения».

В судебной практике [48, с. 274—290] и в процессуальной литературе [см. 197] четко проводится мысль о том, что некритическое отношение судей к любому источнику доказательств и к фактическим данным, в нем содержащимся, обуславливает судебные ошибки.

С действием ч. 2 ст. 17 Основ уголовного судопроизводства связана проблема правомерности производства по делу судебно-психологической экспертизы. Мы коснемся этой проблемы лишь в плане формирования судейского убеждения.

Уголовно-процессуальное законодательство требует назначения экспертизы в случаях, когда для разрешения некоторых вопросов при производстве по делу необходимы научные, технические или другие специальные знания (ст. 75 УПК УССР). Закон, таким образом, не предусматривает ограничений для определения вида судебной экспертизы.

Несмотря на это указание, ряд авторов считает, что психологическая экспертиза не может быть назначена, так как в этом случае, по мнению, например, Р. Д. Рахунова, «отвергается принцип внутреннего убеждения суда» [160, с. 61], а заключение эксперта-психолога сковывает убеждение следователя, прокурора, судей, имея для них предустановленный характер.

С другой стороны, встречается и противоположное утверждение о том, что «судебно-психологическая экспертиза занимает особое место в системе источников доказательств» [32, с. 105].

С этими взглядами трудно согласиться. Действительно, только органы предварительного расследования, прокурор и суд наделены законным правом решать вопрос о достоверности или недостоверности фактических данных по делу. Поэтому назначение психологической экспертизы для решения вопроса о достоверности или недостоверности показаний свидетелей, потерпевших, обвиняемых является принципиально недопустимым и противоречит требованиям закона. Однако отсюда не следует, что психологическая экспертиза, поскольку она всегда в той или иной степени затрагивает вопрос об адекватности или неадекватности отражения обвиняемым, свидетелями, потерпевшими фактов, подлежащих установлению по уголовному делу, сковывает судейское убеждение и поэтому является недопустимой.

При решении вопроса о допустимости производства психологической экспертизы необходимо исходить из того, что заключение эксперта-психолога, как и заключение любого другого спе-

циалиста, не имеет заранее установленной силы и не может решать вопрос о достоверности показаний допрашиваемых лиц.

Психические состояния или свойства человека, физиологические особенности его органов чувств накладывают отпечаток на психические процессы. Короче говоря, своеобразие протекания последних зависит не только от объекта отражения, но и от психических свойств человека, от его темперамента, способностей, характера, направленности личности, эмоционального состояния и т. д.

Особенности субъективного восприятия фактов действительности, т. е. то, как индивидуальные особенности человека отразились на правильности восприятия, запоминания, воспроизведения фактов, подлежащих доказыванию по делу, может стать предметом психологической экспертизы.

В литературе высказывалось мнение о том, что на эксперта-психолога должна быть возложена обязанность давать заключение по вопросу о правдивости или ложности показаний свидетелей и обвиняемых. Так, Л. И. Рогачевский утверждает, что судебнопсихологическая экспертиза вправе решить вопрос «о возможностях субъекта давать правдивые показания в силу своих индивидуальных особенностей» [171, с. 37; 47, с. 68].

А. Экмекчи считает, что специалист-психолог может разрешить вопрос о возможности оговора и самоговора по психологическим мотивам [222, с. 56; 223, с. 11].

А. Я. Палиашвили также не отрицает возможности назначения психологической экспертизы для установления достоверности показаний подсудимого и т. д., полагая, что окончательно вопрос о достоверности этих показаний и правильности заключения экспертов-психологов решает суд [123, с. 6—8].

По всей вероятности, подобные взгляды объясняются тем, что в ст. 162 УПК УССР 1927 г. и в ранее действовавших УПК некоторых других союзных республик содержалось указание на то, что представители Народного комиссариата просвещения и Народного комиссариата здравоохранения, участвующие в допросе несовершеннолетних свидетелей, «вносят в протокол свое мнение о продуманности и правдивости данных показаний». Ст. 168 ныне действующего УПК УССР не восприняла этой нормы.

В следственно-судебной практике встречаются случаи, когда при назначении судебнопсихологической экспертизы перед экспертами-психологами ставится вопрос об определении достоверности показаний свидетелей. Так, по делу С. и Ш., обвиняемых в убийстве Л., свидетели И. и К., присутствовавшие при драке между обвиняемыми и убитым, дали показания о том, что драки

они не видели и не могут подтвердить, как был убит потерпевший. Поскольку по делу было бесспорно установлено, что свидетели находились в нескольких метрах от места убийства, следователь назначил психологическую экспертизу, которая должна была ответить на вопрос «Объясняется ли противоречивость показаний свидетелей их индивидуальными психологическими особенностями или другими причинами, в частности, ложью?» (Архив Гомельской областной прокуратуры). В акте произведенной судебнопсихологической экспертизы подчеркивалось, что свидетели «в силу достаточно развитой зрительной и слуховой памяти, высокого уровня мыслительных операций могли рассмотреть и запомнить интересующее следствие событие и впоследствии дать о нем правильные показания».

Судебнопсихологическая экспертиза не может дать заключения о том, что показания одного обвиняемого или свидетеля являются ложными, а другого — правдивыми. Ответить на вопрос о достоверности имеющихся в деле доказательств могут только органы предварительного расследования, прокурор и судьи.

М. Л. Якуб, критикуя исследования симптоматолога из ФРГ Леонгарда, «наметившего основные признаки достоверности сообщений», делает справедливый вывод о том, что «при современном уровне развития психологии... не может быть дано научно обоснованного заключения психологической экспертизы по вопросам достоверности и субъективной правдивости (или ложности) показаний» [231, с. 38].

Поэтому, если ложь вызвана нежеланием свидетеля, потерпевшего, подсудимого дать правдивые показания, то главной задачей является изобличение лжи, исследование доказательств, устанавливающих субъективные причины лжесвидетельства. Назначение психологической экспертизы в этом случае можно расценивать в качестве психического воздействия на допрашиваемого.

А. Р. Ратинов связывает вопрос о научных основах распознавания лжесвидетельства с симуляцией умственной недостаточности интеллектуально полноценных субъектов [197].

Таким образом, при оценке заключения эксперта-психолога необходимо исходить из того, что его утвердительный ответ о возможности адекватно отражать определенный факт и давать о нем правильные показания совсем не означает, что это лицо действительно адекватно отразило данный факт. Вместе с тем отрицательный ответ эксперта на указанный вопрос влечет за собой недостоверность показаний лица, психические особенности которого являлись объектом специального исследования.

Ст. 69 УПК УССР запрещает допрашивать лиц, «которые в силу физических и психических недостатков не способны правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о них показания». Неспособность лиц правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, устанавливается экспертизой». Следовательно, закон обязывает суд назначать экспертизу для определения возможностей допрашиваемого лица давать правильные показания при наличии у него физических или психических недостатков.

С этой целью и назначается психологическая экспертиза, если названные обстоятельства не вызваны болезненным состоянием психики человека.

Мы не имеем возможности, да это и не входит в цели нашей работы, исследовать те конкретные физиологические и психические особенности внимания, мышления, памяти и т. д., которые могут быть предметом психологической экспертизы. Важно подчеркнуть другое. Предметом психологической экспертизы в указанных выше случаях является не установление достоверности самого показания — это входит в компетенцию суда, а определение того, могло ли допрашиваемое лицо в силу индивидуальных особенностей протекания психических процессов правильно воспринять, сохранить в памяти и воспроизвести сведения о фактах, входящих в предмет доказывания по уголовному делу. Другими словами, объектом психологической экспертизы являются не показания свидетелей, обвиняемых и потерпевших, а особенности протекания психических процессов у лиц, дающих показания, влияние этих особенностей на адекватное восприятие того или иного факта.

В советской процессуальной литературе отмечалось, что психологическая экспертиза может назначаться тогда, когда нужно определить, находился ли субъект в момент совершения преступления в состоянии сильного душевного волнения [230, с. 102].

С этим взглядом можно полностью согласиться. Сильное душевное волнение, вызванное неправомерными действиями потерпевшего, по уголовному законодательству является обстоятельством, смягчающим ответственность (п. 4 ст. 40 УК УССР), и предусмотрено в качестве квалифицирующего признака в ряде составов преступлений (ст. 95 и 103 УК УССР).

В настоящее время судебная практика при доказывании аффективных состояний развивается в направлении того, что акцентируется внимание на провоцирующих аффект фактах — характере насилия, тяжести оскорбления и наличии иных противоправных обстоятельств, а не на своеобразии действий

подсудимого в состоянии аффекта. Это часто приводит к тому что суды выясняют наличие или отсутствие провоцирующего обстоятельства, но не устанавливают самого аффекта.

Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Латвийской ССР не признала, что Войцехович совершил убийство в состоянии сильного душевного волнения, отметив в приговоре следующее: «Войцехович, застав вместе жену и Георгиева, не сразу набросился на них, а прошел на кухню, напился воды, заметил топор, взял его, возвратился в комнату и стал наносить удары потерпевшим. Таким образом, моментальной реакции не было, хотя, как видно из заключения судебно-психиатрической экспертизы, Войцехович раздражителен и вспыльчив».

Изменив приговор и признав, что Войцехович совершил преступление в состоянии сильного душевного волнения, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР в своем определении, в частности, подчеркнула: «Решая вопрос о наличии или отсутствии состояния сильного душевного волнения, необходимо установить, чтобы душевное волнение лица, совершившего убийство, было сильным, возникло внезапно и являлось следствием насилия или тяжкого оскорбления со стороны потерпевшего. Свидетели... показали..., что когда соседи собрались на месте происшествия, Войцехович был бледен, взволнован и его трясло... Вместе с тем из материалов дела видно, что разрыв во времени между обстоятельством, вызвавшим сильное душевное волнение и приведшим Войцеховича к совершению убийства, и самим убийством был весьма незначителен. Суд не принял во внимание и того обстоятельства, что Войцехович находился еще и в полусонном состоянии» [44, 1969, № 5, с. 28—30].

Приведенное определение характерно в том отношении, что в нем обращается внимание на установление обстоятельств, провоцирующих аффект, однако не приводятся доказательства наличия у Войцеховича состояния сильного душевного волнения. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР по делу Войцеховича интересно и в другом аспекте. Судебная коллегия, в подтверждение своего вывода о том, что Войцехович действовал в состоянии сильного душевного волнения, сослалась на заключение судебнопсихиатрической экспертизы. Ряд авторов также полагает, что для установления физиологического аффекта должна быть назначена судебнопсихиатрическая экспертиза [38, с. 138].

С этим согласиться нельзя. Физиологический аффект — понятие не судебнопсихиатрическое, а психологическое. Психологической наукой установлено, что в аффективных состояниях, в

состоянии физиологического аффекта, к разновидности которого относится и сильное душевное волнение, нет ничего патологического, связанного с помрачением сознания. Психологи обращают внимание на то, что в состоянии аффекта происходит сужение сознания, а сильное эмоциональное возбуждение проявляется в бурных движениях, в беспорядочной речи, действия происходят в виде взрывов. При этом состояние сильного душевного волнения «орозит сознательную, интеллектуальную деятельность, динамические моменты начинают преобладать над смысловым сознанием и избирательной направленностью действий» [68, с. 276].

Поэтому для определения интенсивности, тяжести, длительности сильного душевного волнения, индивидуализации поведения лица должна быть назначена психологическая экспертиза. Вместе с тем в тех случаях, когда у суда есть основание полагать, что подсудимый действовал в состоянии физиологического аффекта на патологической почве, то необходимо назначать судебнопсихиатрическую экспертизу. Доказывание этого факта показаниями потерпевшего, свидетелей, обвиняемого может вызвать сомнение в достоверности его установления как основанного не на научных знаниях, а на субъективной характеристике поведения подсудимого со стороны названных лиц. Исследование же состояния сильного душевного волнения с помощью специалиста-психолога, с широким привлечением специальных психологических и физиологических характеристик протекания указанного психического состояния обеспечит достоверность выводов суда.

Однако психологическая экспертиза может быть назначена не только для исследования особенностей действий и поведения человека в состоянии сильного душевного волнения. Как известно, длительное или интенсивное влияние неблагоприятных факторов влечет за собой изменение физиологических и психических функций организма. К числу таких факторов, кроме сильного душевного волнения, относятся утомление, состояние страха, растерянности, горя, одиночества и т. д. Подобные психические состояния также могут сказаться на адекватности восприятия фактов, имеющих существенное значение для дела, поэтому при наличии таких состояний назначение психологической экспертизы является необходимым.

Так, Данилин был признан виновным и осужден за то, что при управлении автомобилем нарушил правила безопасности движения и столкнулся с пожарной автомашинной, в результате чего совершил наезд на Еськина. В показаниях, данных на предварительном следствии и в суде, Данилин утверждал, что в резуль-

тате столкновения он растерялся, испугался и не мог избежать наезда на Еськина. Отменяя приговор по делу, Военная коллегия Верховного Суда СССР в своем определении указала: «В приговоре... признано, что Данилин в период, предшествовавший наезду на Еськина, находился в состоянии физиологического аффекта страха и растерянности. Однако сам факт такого состояния Данилина не дает ответа на вопрос о возможности предпринять необходимые для предотвращения наезда на потерпевшего меры..., осталось невыясненным, как данное состояние повлияло на способность Данилина правильно и своевременно реагировать на окружающее, а также принимать соответствующие обстановке меры» [44, 1964, № 5, с. 44—47].

В приведенном выше определении надзорная инстанция обратила внимание суда на неполноту исследования психологической обоснованности утверждения Данилина о невозможности своевременного реагирования на окружающую обстановку в связи с состоянием физиологического аффекта страха и растерянности.

В настоящее время специальные отрасли психологической науки — психология труда летчиков, инженерная и спортивная психология и т. д. располагают научно обоснованными данными о своеобразии протекания психологических процессов под влиянием профессиональных навыков и условий труда. Накоплен богатый фактический материал о закономерностях изменения психики человека в связи с резким нарушением физиологического состояния организма под влиянием особых климатических, высотных и т. д. условий, о быстроте реакции на различные сигналы или аварийные ситуации, которые могут быть использованы для правильного разрешения уголовного дела.

Например, Ленинградский городской суд по делу Николаева, обвинявшегося по ч. 1 ст. 85 УК РСФСР (нарушение правил безопасности движения и эксплуатации транспорта), назначил судебнопсихологическую экспертизу. Перед экспертами-специалистами в области авиационной психологии был поставлен вопрос об установлении времени реакции, необходимого летчику с учетом высоты, скорости и типа самолета, его опыта, длительности полета и степени утомления, для осознания внезапно возникшей опасности, т. е. нужно было выяснить, мог ли летчик находиться в состоянии оцепенения и растерянности при неожиданном появлении препятствующих нормальному полету обстоятельств.

По делам о нарушениях действующих на транспорте правил большое значение имеет время индивидуальной реакции на

обстоятельства, препятствующие движению, и ответные действия водителя. Поэтому при необходимости выяснения подобных индивидуальных данных назначение психологической экспертизы следует признать правомерным.

В литературе справедливо указывается на необходимость проведения психологической экспертизы по делам лиц, страдающих физическими недостатками [56], поскольку сурдопедагогикой и тифлопедагогикой выявлен целый ряд сдвигов в их познавательной и эмоциональной сфере, которые отражаются на адекватности восприятия тех или иных событий, на направленности действий.

Большое значение для правильной оценки показаний несовершеннолетних свидетелей и потерпевших имеет не только участие в их допросе педагога (врача), но в ряде случаев и назначение психологической экспертизы. Последняя может иметь место тогда, когда суд располагает данными, что несовершеннолетний дает ложные показания под влиянием внушения со стороны взрослых (суггестия) либо самовнушения. Предметом психологической экспертизы также может быть определение адекватности осознания несовершеннолетним фактов, о которых он дает показания.

Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР, отменяя приговор по делу Шестоперова, признанного виновным в изнасиловании несовершеннолетней Д., в своем определении, в частности, сослалась на заключение эксперта-психиатра в отношении того, что показания потерпевшей Д. могут быть учтены, как и показания других детей, т. е. с учетом психики ее возраста. Из заключения эксперта-психиатра было видно, что после случившегося с ней события Д. стала нервной, раздражительной, у нее наблюдалось расстройство сна, снились кошмары. На этом основании Судебная коллегия признала показания потерпевшей, уличающей Шестоперова в инкриминируемом ему деянии, не соответствующими действительности [44, 1970, № 1, с. 35].

Верховный Суд СССР в своем определении не привел психологических мотивов несостоятельности показаний Д. с учетом ее детской психики, а отметил только противоречия в этих показаниях. Поскольку по данному делу возник вопрос о возможности несовершеннолетней Д. правильно оценить факт изнасилования, а также на длительное время запомнить приметы преступника, то Верховный Суд СССР должен был не прекращать дела производством, а отменить приговор и возвратить дело на новое рассмотрение со стадии судебного разбирательства, обязав суд

первой инстанции назначить психологическую экспертизу для выяснения названных выше вопросов.

В настоящее время ст. 433 УПК УССР положительно решает вопрос о возможности производства психологической экспертизы для установления состояния общего уровня развития несовершеннолетнего подсудимого, выяснения вопроса о том, мог ли он полностью осознать значение своих действий и руководить ими. Такая экспертиза поручается специалистам в области детской и юношеской психологии.

Таким образом, заключение экспертов-психологов не связывает и не подменяет убеждения судьи в достоверности сведений, сообщаемых свидетелями, потерпевшими, подсудимыми, а, напротив, способствует формированию такого содержания судебных знаний, которое адекватно фактам объективной действительности, исследуемых в судебном разбирательстве.

Глава пятая

ФАКТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ СУДЕЙСКОГО УБЕЖДЕНИЯ И ИХ ВЫРАЖЕНИЕ В ПРИГОВОРЕ

Проблема фактических оснований формирования судебного убеждения — это, по сути, проблема доказывания обстоятельств совершенного преступления. Не имея здесь возможности рассмотреть данную проблему многопланово, а также проследить специфику достаточности фактических оснований применительно к постановлению различных процессуальных актов, сосредоточим внимание на двух вопросах, связанных с вынесением главного процессуального акта — приговора, а именно: а) на характере полученных по делу знаний и их выражении в убеждении судьи; б) обосновании судебного убеждения в мотивировочной части приговора.

§ 1. ХАРАКТЕР ПОЛУЧЕННЫХ ПО ДЕЛУ ЗНАНИЙ И УБЕЖДЕНИЕ СУДЬИ

Процесс судебного познания — это процесс получения знания о фактах, входящих в предмет доказывания. Роль такой категории, как «судейское убеждение», в судебном познании заключается в том, что она связывает судью с объектом своего знания. Иными словами, необходимость категории «судейское убеждение» обуславливается тем, что судья обязан определить свое личностное отношение к полученному по делу знанию с точки зрения его достоверности или вероятности и соотнести его с требованиями материального и процессуального закона. Следовательно, убеждение — это одновременно и знание судьи, и его отношение к этому знанию с позиций достаточности последнего для принятия решения по делу.

В гносеологическом аспекте судебское убеждение выступает в виде личностного принятия судьей содержания своего знания как истинного. Естественно, личностное принятие зависит не только от совокупности собранных по делу доказательств, но и от идейно-политической позиции судьи, уровня его профес-

сионального правосознания, от богатства житейского, общественно-политического и профессионального опыта.

Интерпретируя классификацию «убеждений», разработанную в философской литературе [см. 63], следует выделить в зависимости от оснований личного принятия содержания знаний четыре вида судейского убеждения: а) субъективное убеждение, в основе которого лежит предрасположенность, предпочтение определенного выбора действия при игнорировании объективного результата судебного познания; б) интерсубъективное убеждение, связанное с личностной авторитетностью источника знаний, «выхваченного» из совокупности собранных по делу доказательств; в) неполная объективная убежденность как выражение неполноты имеющихся по делу доказательств и недостаточности знаний для категорического вывода о наличии или отсутствии фактов, входящих в предмет доказывания; г) истинное убеждение, основанием которого является достоверность полученного знания.

Эта классификация позволяет при изучении судебных ошибок выявить взаимозависимость между «дефектностью» убеждения (см. п. «а» и «б») и неправосудностью приговора, например, обвинительный уклон (субъективизм убеждения) и построение выводов по существу дела на основе показаний подсудимого, не подтвержденных другими доказательствами (интерсубъективное убеждение), во всех случаях приводят к постановлению незаконного и необоснованного приговора.

Соотнесение результата судебного познания с определенным видом судейского убеждения позволяет проследить влияние характера полученных по делу знаний на формирование объективного содержания судейского убеждения.

Как уже отмечалось, результат познания по уголовному делу может быть истинным или ложным. При истинности результата познания можно говорить об объективности судейского убеждения, а при ложности — о субъективизме убеждения, не отражающем правильно исследуемых по делу обстоятельств. «Истинность, — пишет П. В. Копнин, — противостоит ложности как объективность содержания знания его субъективности» [82, с. 150].

При этом не следует во всех случаях абсолютно противопоставлять истинные и ложные выводы, поскольку истинность знания, полученного в процессе судебного познания, всегда представлена единством субъективных и объективных элементов.

«Истина и заблуждение, — указывал Ф. Энгельс, — подобно всем логическим категориям, движущимся в полярных противоположностях, имеют абсолютное значение только в пределах

чрезвычайно ограниченной области... Как только мы станем применять противоположность истины и заблуждения вне границ вышеуказанной узкой области, так эта противоположность делается относительной и, следовательно, негодной для точного научного способа выражения» [5, с. 92].

Поэтому ложные выводы суда также могут заключать в себе истинные моменты, которые выступают как случайные в общей структуре ложного знания. И, напротив, в целом истинные выводы могут иметь в своем составе ложные знания. Например, суд пришел к выводу, что подсудимым совершено преступление, инкриминируемое ему органами предварительного следствия, и этот вывод кассационной инстанцией признан правильным. Вместе с тем вышестоящий суд установил, что мера наказания в данном случае является чрезмерно суровой, вследствие чего в приговор были внесены соответствующие изменения. При такой ситуации убеждение судьи первой инстанции являлось в основном правильным, истинным, но в некоторой части заключало в себе и ложные знания.

«Относительность противопоставления истины и заблуждения, — справедливо отмечает В. П. Копнин, — состоит прежде всего в том, что в реальном процессе познания нет истины в чистом виде, совершенно свободной от моментов неистины, т. е. заблуждения... каждый действительный процесс движения познания означает движение от неистины к истинному, а он не свободен от моментов иллюзорности, заблуждения» [82, с. 139].

В уголовном судопроизводстве «узкой областью», где необходимо абсолютное противопоставление истинного и ложного знания, является вопрос о наличии или отсутствии события преступления и о вине лица, его совершившего.

Из истинного характера знания вытекает то обстоятельство, что отдельные выводы судьи по уголовному делу могут рассматриваться в прогностическом аспекте. Например, избранная мера наказания не только должна соответствовать характеру и степени общественной опасности совершенного преступления, личности виновного и обстоятельствам, смягчающим и отягчающим ответственность, но и обеспечивать воспитание и перевоспитание осужденного. В последнем моменте и заключается прогностический аспект вывода суда. В этом же плане правомерно рассматривать и предлагаемые судом меры для ликвидации причин и условий, способствующих совершению отдельных преступлений.

Истинное знание способствует формированию категоричности выводов по существу уголовного дела. Значение категоричности выводов заключается в том, что, во-первых, с ними закон свя-

зывает наступление определенных правовых последствий (например, общеобязательность приговора), т. е. категоричность выводов, их безусловность имеет властнораспорядительный, общеобязательный характер и влечет за собой возникновение процессуальных правоотношений между судом и теми лицами, в отношении которых эти выводы сформулированы.

Во-вторых, категоричность выводов означает, что это выводы именно судьи, в тех же случаях, когда судья отходит от собственных выводов, ставит их в зависимость от мнения допрошенных лиц или участников процесса, то такие выводы не должны иметь правового характера. Вынесенный при такой ситуации приговор не может быть признан законным и обоснованным, поскольку он не содержит мнения самого суда о наличии события преступления и виновности подсудимого. В этом отношении заслуживает внимания постановление Пленума Верховного Суда СССР от 10 октября 1964 г. по делу Калягина и Майсурадзе. Отменяя приговор и прекращая дело за отсутствием в действиях обвиняемых состава преступления, Пленум, в частности, сослался на то, что «судебные органы, рассматривающие данное дело, придав решающее значение мнению свидетеля Тищенко по поводу действий Калягина и Майсурадзе и игнорируя все остальные объективно установленные данные, по существу, устранились от собственной оценки доказательств, что и привело к ошибочному решению» [44, 1964, № 5, с. 34].

В-третьих, категоричность выводов означает, что суд дал правильный достоверный ответ на вопросы, возникающие в процессе рассматривания дела. Если же выводы, к которым пришел суд путем исследования обстоятельств уголовного дела, являются вероятными, то налицо будет всего лишь предположение суда о виновности подсудимого, которое не исключает возможности того, что преступление вовсе не было совершено либо совершено не подсудимым, а кем-то другим. Как бы ни была высока степень вероятности выводов, к которым пришел суд, всегда остается возможным иное решение уголовного дела. В этом случае объективная истина не может быть признана установленной, и дело должно быть направлено на дополнительное расследование; если же станет очевидным, что такое расследование не даст необходимых результатов, подсудимый должен быть оправдан.

Качественно иной является достоверность. Она имеет место там, где выводы, к которым пришел суд путем оценки всех собранных по делу доказательств, являются единственно возможными и исключают всякое иное решение дела. Достоверность выводов — это выражение доказанности их истинности

допустимыми источниками доказательств, их соответствие фактам объективной действительности, изученным судом.

Целью уголовно-процессуального исследования является получение объективно истинных и достоверных выводов (знаний). Поэтому и судебское убеждение должно быть объективно истинным и достоверным. Истинность и достоверность — два тесно связанные, взаимообуславливающие друг друга качества судебного убеждения, но в то же время они являются различными характеристиками этого понятия как знания¹.

Истинность судебного убеждения характеризует последнее с точки зрения соответствия знания фактам объективной действительности, т. е. содержания знания, которое не зависит от познающего субъекта, т. е. от сознания судьи. Вывод судьи о том, что подсудимый совершил инкриминируемое деяние, может быть истинным или ложным, но событие преступления не зависит от сознания судьи. Достоверность и вероятность — это характеристики доказательности знания. С точки зрения задач уголовного судопроизводства достоверным является вывод, при котором истинность знания о наличии или отсутствии фактов, входящих в предмет доказывания, исчерпывающе доказана, установлена доказательствами и по убеждению судьи не нуждается в дальнейшем обосновании, а поэтому исключает всякое иное решение уголовного дела.

Недопустимо отождествлять достоверность и истинность (А. Л. Ривлин) [169], а также достоверность и достаточную обоснованность вывода доказательствами, как это делает В. Д. Арсеньев [28, с. 177].

Понятия истинности, достоверности и вероятности раскрывают различные аспекты знания, полученного в результате судебного доказывания. Достоверность — это не обязательно истинность какого-то утверждения, можно достоверно установить и ложность суждения (например, обвинительного вывода органов предварительного следствия). Поэтому вероятное знание нельзя отождествлять с ложным, а достоверное — с истинным. Вероятность имеет отношение к неполноте, недостаточности знаний, необходимых для обоснования вывода о наличии или отсутствии фактов, входящих в предмет доказывания, и, следовательно, оставляет открытым вопрос в отношении истинности или ложности результата судебного познания. Достоверность знания проявляется тогда, когда истинность результата судебного познания обоснована не только логическими средствами,

¹ О необходимости разграничения понятий истинности и достоверности в философской литературе см. [82, с. 151], а в процессуальной литературе — [156; 195; 201].

но и системой собранных по делу доказательств. Достоверность знания обуславливает убежденность судьи в его истинности, психологически настраивает на практическое осуществление своего убеждения в процессуальных решениях.

Достоверность и обоснованность вывода совпадают лишь при постановлении приговора, а в процессе судебного рассмотрения эти категории могут и расходиться, так как некоторые решения суда должны быть обоснованными, и тем не менее в ряде случаев имеют вероятностный характер (например, отвод судьи по п. 4 ст. 54 УПК УССР, п. 3 ст. 59 УПК РСФСР).

Здесь возникает вопрос, во всех ли случаях при постановлении приговора закон требует достоверности выводов? Общеизвестно, что обвинительный приговор не может быть основан на предположениях и постановляется только при условии, если в ходе судебного заседания виновность подсудимого в совершении преступления доказана (ст. 327 УПК УССР, ст. 309 УПК РСФСР). Другими словами, для вынесения обвинительного приговора необходимы достоверные выводы, исключающие всякое иное решение дела. Достоверность выводов имеет место и при вынесении оправдательного приговора, когда основанием для оправдания является неустановление события преступления или отсутствие в действиях подсудимого признаков состава преступления (ст. 327 УПК УССР, ст. 309 УПК РСФСР).

В подобных случаях достоверность характеризуется полной доказательностью истинности вывода и истинной убежденностью судьи в его правильности.

Оправдательный приговор также должен быть постановлен, если не доказано участие подсудимого в совершении преступления. Какой характер знания, судейского убеждения при названном основании вынесения оправдательного приговора? В. Д. Арсеньев полагает, что в данной ситуации судьи «могут быть и не убеждены ни в наличии, ни в отсутствии искомых фактов» [28, с. 159].

Точка зрения В. Д. Арсеньева находит поддержку у других авторов. Г. Резник, например, утверждает, что «здесь в основе оправдательного приговора лежит не внутреннее убеждение судьи в невиновности подсудимого, поскольку такого убеждения у него не сложилось, а требование уголовно-процессуального закона, согласно которому недоказанная виновность юридически приравнивается к доказанной невиновности» [164, с. 12].

По мнению В. Д. Арсеньева и Г. Резника выходит, что судья при постановлении оправдательного приговора за недоказанностью участия подсудимого в совершении преступления вообще не имеет убеждения. Так ли это? Решению названного вопроса

может помочь предложенное Г. А. Геворкяном понятие вероятности, который расчленяет ее на: а) вероятность объективную, в основе которой лежит частота повторения массовых явлений и б) вероятность субъективную, которая характерна для психологического состояния субъекта при ситуации, когда он стоит перед выбором между разными высказываниями или событиями, т. е. как степень доверия со стороны субъекта к определенным явлениям или событиям [50, с. 102]. И в том, и в другом случаях вероятность как результат познания является выражением частичной достоверности вероятного знания.

По нашему мнению, при вынесении оправдательного приговора за недоказанностью участия подсудимого в совершении преступления имеет место субъективная вероятность. Последняя заключается в том, что суд не имеет достаточных доказательств, свидетельствующих о виновности подсудимого, и поэтому в силу презумпции невиновности делает категорический вывод о недоказанности его участия в совершении преступления. В данной ситуации судья располагает частичной обоснованностью предъявленного подсудимому обвинения, обоснованностью, не позволяющей ему прийти к несомненной, истинной убежденности в его виновности, сделать достоверный вывод об этом. Здесь имеет место неполная объективная убежденность. Иначе говоря, в названном случае суд может сделать вывод лишь о предполагаемом соответствии своих знаний о виновности подсудимого фактам объективной действительности, в то время как закон для постановления обвинительного приговора требует строгого соответствия, исключающего любое иное решение по существу рассматриваемого уголовного дела.

Оптимальный объем знаний, которыми должен обладать суд для осуществления задач социалистического правосудия по конкретному уголовному делу, заранее задан уголовно-процессуальным законом, устанавливающим предмет доказывания. В отечественной процессуальной литературе существует несколько точек зрения относительно содержания данного понятия.

Наиболее правильно решает этот вопрос А. А. Ларин, по мнению которого «предмет доказывания — это совокупность конкретных фактов (обстоятельств), служащих основанием для применения норм уголовного, гражданского, уголовно-процессуального права при разрешении дела, а также для принятия мер к устранению причин и условий, способствующих совершению преступлений» [91, с. 16].

Ст. 15 Основ уголовного судопроизводства предусматривает доказывание: а) события преступления (место, время, способ и другие обстоятельства совершения преступления); б) винов-

ности обвиняемого в совершении преступления; в) обстоятельств, влияющих на степень и характер ответственности обвиняемого; г) характера и размера ущерба, причиненного преступлением. Этот перечень дополнен уголовно-процессуальными кодексами союзных республик ссылкой на обстоятельства, способствующие совершению преступления (ст. 23 УПК УССР, ст. 68 УПК РСФСР), а также на обязанность суда устанавливать мотивы преступления и личность подсудимого (ст. 64 УПК УССР). Разновидность предмета доказывания относительно специфики обстоятельств, подлежащих выяснению по делам несовершеннолетних и при применении принудительных мер медицинского характера, содержится в ст. 433 и 420 УПК УССР (ст. 392 и 404 УПК РСФСР).

И. М. Лузгин различает предмет доказывания и предмет познания. По его мнению, предмет познания шире предмета доказывания по уголовному делу и включает в себя: все обстоятельства, характеризующие преступление и подлежащие доказыванию в соответствии с требованиями закона; доказательственные факты, имеющие значение для определения тактики следствия, розыска виновного; обстоятельства, знание которых позволяет следователю в необходимых случаях воздействовать на обвиняемого, вносить предложения по устранению причин и условий, способствующих совершению преступления; данные, характеризующие эксперта, специалиста и позволяющие решить вопрос о возможности и целесообразности использования этих лиц для выполнения экспертного исследования или участия в производстве следственных действий; обстоятельства, позволяющие обнаружить и оценить доказательства; деятельность органов дознания, других следователей, представителей общественности [97, с. 23—24].

Мы подробно изложили концепцию И. М. Лузгина с той целью, чтобы шире показать его точку зрения. И. М. Лузгин не приводит серьезных теоретических доводов в поддержку идеи о необходимости конструирования предмета познания по уголовному делу. Нам представляется, что такой взгляд не может быть поддержан и заслуживает критической оценки. В отмеченной выше постановке вопроса разрывается единство процесса познания и доказывания при судебном исследовании обстоятельств совершенного преступления. Проводимое И. М. Лузгиным различие между предметом познания и предметом доказывания ничего не дает в смысле правильного понимания сущности процесса познания в уголовном судопроизводстве. К тому же многие из обстоятельств, включенные им в предмет познания по уголовному делу, имеют правосознательный характер и свидетельствуют об

уровне профессионального мастерства следователя, судьи (например, знание тактических приемов обнаружения доказательств, производства отдельных следственных действий и др.), а некоторые из них традиционно включаются процессуальной теорией в предмет доказывания (обстоятельства, способствующие правильной оценке того или иного факта, содержащегося в установленном законом источнике доказательств, и др.) [см. 213].

При решении вопросов, ответ на которые должен быть дан в приговоре, судьи должны располагать достоверными знаниями об обстоятельствах, входящих в предмет доказывания по уголовному делу и полученных из оптимальной совокупности доказательств, которые были собраны и исследованы в судебном разбирательстве. Определение оптимальной совокупности доказательств, достаточных для правильного разрешения уголовного дела, в принципе сводится к установлению такого момента в собирании и исследовании фактических данных, когда по судебскому убеждению исследованных доказательств достаточно для получения достоверного вывода о наличии или отсутствии фактов, входящих в предмет доказывания.

В психологическом плане убежденность судьи в достижении оптимальной совокупности доказательств связана с его готовностью к практической реализации полученных знаний в судебном решении. «Всякое волевое действие,— пишет С. Л. Рубинштейн,— предполагает в качестве отправного пункта состояние, которое складывается в результате предшествующей ему... внутренней работы и которое можно охарактеризовать как состояние готовности, внутренней мобилизованности» [173, с. 518].

Избыточная информация (избыточное количество доказательств) затрудняет установление истины, отвлекает внимание судьи и участников судебного разбирательства от исследования основных вопросов уголовного дела, а тем самым снижает и воспитательный эффект судебной деятельности.

Следовательно, проблема оптимизации доказательств заключается в определении их достаточности для получения достоверного знания о событии преступления, виновности подсудимого и т. д. Хотя закон употребляет термин «совокупность» доказательств (ст. 17 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик), думается, что понятия «достаточности» и «совокупности» доказательств могут применяться как идентичные.

В процессуальной литературе высказаны различные точки зрения относительно понятия достаточности доказательств. Несмотря на некоторые различия во взглядах, Р. С. Белкин, С. В. Курылев, Н. А. Якубович полагают, что достаточность доказательств вы-

стует как доказанность существенных обстоятельств дела [34, с. 85—93; 88, с. 105; 233, с. 14—20]. Несколько иную позицию по этому вопросу занял И. М. Резниченко, по мнению которого в понятии достаточности доказательств необходимо различать два аспекта: а) достаточно ли в деле доказательств для достоверного вывода об искомых по делу фактах, а если нет, то могут ли они быть восполнены; б) достаточно ли в деле доказательств для вывода об искомых фактах, сделанного судом [167, с. 112].

Приведенные выше положения популярны в процессуальной литературе, однако их нелегко истолковать правильно, поскольку в основе этих положений лежит количественный, а не качественный подход к определению достаточности доказательств. К тому же достаточность доказательств устанавливается через результат познания, а тем самым делается ударение на характеристике результата познания и не раскрывается собственное содержание достаточности доказательств.

Вместе с тем, понятие достаточности доказательств имеет определенное содержание, естественно, тесно связанное с результатом познания по уголовному делу. Представляется, что проблема достаточности доказательств должна решаться в плане их качественной определенности и системности. В этой связи важным является указание М. М. Розенталя на то, что «познание... имеет свои «уровни» и «этажи» [172, с. 52; см. 67, с. 123]. Судьи могут вести исследование на одном «уровне», заключающемся в определении системных качеств собранных и исследованных в судебном разбирательстве доказательств. Системные качества доказательств выражаются в их качественной определенности, соотношенной с обстоятельствами, которые входят в предмет доказывания по уголовному делу.

При установлении качественной определенности доказательств может происходить «улетучивание» информации вследствие действия различных «помехоустойчивых факторов»: идейно-политическая позиция судьи, обуславливающая его стремление к установлению объективной истины, уровень профессионального правосознания (в частности, недостаточно глубокое уяснение содержания уголовно-правовых запретов и требований уголовно-процессуальной формы), уровень профессионального мастерства (знание тактических рекомендаций криминалистики и умение адекватно их применять в своей деятельности) и т. д. Установление качественной определенности доказательств состоит в выявлении объективно необходимой казуальной (причинно-следственной) связи доказательств между собой и с искомыми по делу фактами. Иначе говоря, должны быть выявлены связи обусловленности, совпадения, сосуществования в пространстве и времени

доказательств между собой и с исследуемым событием преступления.

А. А. Эйман и Р. С. Белкин предприняли плодотворную попытку построения детализированных систем связей и казуальных рядов доказательств по конкретным уголовным делам [34, с. 73—80; 225]. Эта попытка дает возможность предположить, что судья сначала должен определить, представляют ли доказательства, исследованные в судебном следствии, качественную определенность, а затем уже решить вопрос о том, составляют ли они такую систему, которая исключает любое иное решение рассматриваемого уголовного дела по сравнению с тем, которое, по его убеждению, является достоверным. При этом системы доказательств могут быть общие, устанавливающие обстоятельства, входящие в предмет доказывания, и частные, позволяющие сделать вывод об истинности отдельных фактических данных, которые содержатся в установленном законом источнике доказательств.

§ 2. СУДЕЙСКОЕ УБЕЖДЕНИЕ И МОТИВИРОВКА ПРИГОВОРА

Мотивировка приговора дает возможность сделать заключение о его законности и обоснованности, о том, насколько судебское убеждение, лежащее в основе выводов суда, соответствует обстоятельствам, которые имели место в действительности и были установлены в процессе судебного следствия. Ясность и точность мотивировки судебного решения делают акт социалистического правосудия убедительным, создают уверенность в истинности содержащегося в нем решения. Убедительность приговора обуславливается надлежащей организацией всего производства по делу, строгим соблюдением принципов советского уголовного процесса на всем протяжении расследования и рассмотрения уголовного дела, а также четкой формой самого процессуального акта (под формой приговора понимается установленная законом структура и последовательность изложения вопросов, подлежащих разрешению в данном процессуальном акте).

Содержание приговора и его процессуальная форма связаны между собой и не существуют обособленно. Эта связь проявляется в том, что форма является средством выражения достоверности выводов суда, а содержание может быть достоверным, если облечено в надлежащую форму. Форма приговора не только выражает, но и связывает воедино выводы о наличии или отсутствии фактов, входящих в предмет доказывания по делу. При этом следует иметь в виду, что форма приговора устойчива, а

его содержание зависит не только от специфики рассматриваемого уголовного дела, но и от характера выводов суда. Вместе с тем форма и содержание приговора являются логическим выражением системных образований. Содержание приговора — это установленное судом взаимодействие фактов, входящих в предмет доказывания, и вытекающих отсюда правовых выводов, а его форма есть внешнее выражение определенности и категоричности установленных по делу фактов и правовых выводов суда.

Поэтому регламентированная законом форма приговора (ст. 333, 334, 335 УПК УССР, ст. 313, 314, 315 УПК РСФСР) имеет принципиальное, а не техническое значение в обеспечении его законности и обоснованности. Надлежащая форма приговора (и это представляется необходимым особо подчеркнуть) может быть обеспечена лишь при соблюдении закона о его структуре. В связи с этим приобретает важную роль мотивировка приговора.

Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик в ст. 43 признают обязательной мотивировку приговора: «Обвинительный и оправдательный приговоры должны быть судом мотивированы». Конкретное содержание мотивировки приговора раскрывается в действующем республиканском уголовно-процессуальном законодательстве, которое в основном аналогично определяет содержание мотивировки и различает мотивировочную часть обвинительного и оправдательного приговоров.

Мотивировка приговора — это внешнее выражение процесса формирования содержания знаний, приведших к определенным выводам по существу рассматриваемого дела. Таким образом, в мотивах судебного решения опосредуется не только результат судейского убеждения, но и передается формирование окончательного вывода. Иначе говоря, мотивировка — это процесс обоснования содержащихся в приговоре выводов по существу рассматриваемого уголовного дела и судейского убеждения в достоверности собранных и исследованных в судебном следствии доказательств в их взаимосвязи и взаимозависимости.

Подтверждение этому определению мотивировки приговора мы находим в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 30 июня 1969 г. «О судебном приговоре», в п. 4 которого содержится следующее указание: «При постановлении приговора должны получить оценку все доказательства, рассмотренные в судебном заседании. В приговоре необходимо излагать обстоятельства, признанные судом установленными..., а также доказательства, на основании которых суд пришел к убеждению, что эти обстоятельства имели или не имели место в объективной

действительности... При этом судам необходимо в приговоре указывать не только фамилии свидетелей, потерпевших и иных лиц, показаниями которых, по мнению суда, подтверждаются те или иные фактические обстоятельства, но и излагать существо этих показаний. Суду надлежит также указывать в приговоре, какие доказательства, рассмотренные в судебном заседании, он признан недоверенными, и мотивировать свои выводы» [178, с. 519].

Таким образом, Верховный Суд СССР обязывает судей указывать в приговоре не только определенную совокупность доказательств, но и отражать мотивы, по которым сформирован определенный вывод о достоверности или недостоверности этих доказательств. Иными словами, мотивировка приговора должна отображать процесс формирования окончательного вывода (судейского убеждения).

В этой связи нельзя согласиться с И. Д. Полумордвиновым, который предлагает концепцию двойственного понимания мотивов судебного решения. По мысли И. Д. Полумордвинова, под мотивами судебного решения можно понимать, с одной стороны, содержание решения, излагаемое в мотивировочной части его текста (техническое понятие мотивов), а с другой, — побудительные основания, которыми руководствуется суд при принятии решения, безотносительно к тому, в какой части текста решения они излагаются и излагаются ли они вообще в этом тексте, и которые имеют лишь побочное, вспомогательное значение, представляя собой «подпорки» для построения решения [139, с. 168].

Сводить роль мотивировки к «подпоркам» судебного решения — значит отрицать то огромное значение, какое они имеют в постановлении законного и обоснованного приговора. Неправильным будет считать, что мотивами являются также те доводы, которые не нашли отображения в приговоре. Судья должен излагать все мотивы, которые способствовали формированию его выводов по существу рассматриваемого уголовного дела. В ряде случаев и для участников судебного разбирательства далеко не безразличны мотивы судебного решения, поскольку в них заключается логический анализ собранных по делу доказательств и юридическое обоснование выводов суда. В частности, для подсудимого играет существенную роль знание того, оправдан ли он за отсутствием в его действиях состава преступления либо за отсутствием события преступления или же за недоказанностью обвинения. Это важно и для гражданского истца. Так, если подсудимый оправдан за отсутствием события преступления или за недоказанностью участия в совершении преступления, то гражданский истец лишается возможности обратиться с

иском в суд в порядке гражданского судопроизводства. Если же подсудимый оправдан за отсутствием в его действиях состава преступления, то за гражданским истцом сохраняется это право, и в таком случае как подсудимый, так и гражданский истец могут обжаловать соответствующие мотивы судебного решения (ст. 328 УПК УССР).

Представляется спорным взгляд В. Ф. Бохана, который утверждает, что содержание судейского убеждения находит выражение в описательной части приговора тогда, когда суд излагает установленные обстоятельства совершенного преступления. Сущность же мотивировки, по его мнению, заключается в том, что она отражает степень обоснованности убеждения суда и в ней последний обязан изложить те сведения, которые приобрели решающее значение для формирования судейского убеждения и не потеряли своей значимости к моменту составления приговора [41, с. 151—153].

Прежде всего обращает на себя внимание то обстоятельство, что хотя В. Ф. Бохан и полемизирует с высказанной выше точкой зрения, но он все же подчеркивает необходимость излагать в мотивах сведения, которые «приобрели решающее значение для формирования» судейского убеждения. Следовательно, в мотивах судебного решения опосредуется процесс формирования окончательного вывода суда. Далее, ошибочным является утверждение этого автора о том, что в мотивах не отражаются пути формирования судейского убеждения. В целом ряде случаев в приговоре содержится указание на выдвигаемые судебные версии в отношении механизма преступного поведения, способа совершения преступления и причастных к нему лиц. Кроме того, в приговоре последовательно объясняется, в связи с чем выдвинуты судебные версии, в силу каких причин и обстоятельств одни из них отпали, а другие нашли подтверждение и обоснование в приговоре. Последнее имеет место тогда, когда подсудимый отрицает предъявленное ему обвинение и в своих показаниях настаивает на совершении инкриминируемого ему преступления иными лицами. В подобных случаях в приговоре содержится ясное указание на пути и процесс формирования судейского убеждения.

Неправильно представлять дело таким образом, что только в описании формулы обвинения выражается судейское убеждение. В такой постановке вопроса игнорируется то очевидное обстоятельство, что любое утверждение приговора и любой правовой вывод, содержащийся в нем, «основан» на судейском убеждении. Явно неудачным является термин «степень обоснованности» судейского убеждения. Если принять во внимание,

что постановление приговора законодатель связывает с достоверностью результата познания, то сам результат и его обоснование в приговоре не имеют степеней выражения, речь может идти о полноте обоснования вывода. Полнота обоснования вывода — это не степень его обоснованности, так как «полнота» и «степень» в гносеологическом аспекте разноплановые понятия [220, с. 201—203].

Согласно закону, мотивировочная часть обвинительного приговора прежде всего должна содержать в себе формулировку обвинения, т. е. изложение выводов суда о событии преступления с кратким и четким описанием обстоятельств, имеющих юридическое значение и индивидуализирующих это событие, и характеристикой лица, его совершившего, с обязательным указанием места, времени, способа, мотивов и последствий преступного деяния.

Таким образом, мотивировка обвинительного приговора, в первую очередь, включает в себе раскрытие содержания доказательств, устанавливающих преступное событие и вину лица, его совершившего. При рассмотрении дел в отношении нескольких подсудимых или дел, по которым подсудимый обвиняется в совершении нескольких преступлений, в мотивах приговора должен содержаться анализ доказательств, определяющих виновность каждого подсудимого в отношении каждого обвинения в совокупности со всеми доказательствами, проверенными в судебном следствии. Поэтому в тех случаях, когда в приговоре не приводятся конкретные доказательства, устанавливающие виновность подсудимого, судебское убеждение не может быть признано объективным, а приговор — законным и обоснованным.

В мотивировочной части приговора должно содержаться обоснование причин, в силу которых судом из всей совокупности собранных по делу доказательств в основу судебного убеждения положены и признаны достоверными одни доказательства, а другие отвергнуты. В соответствии с этим при вынесении обвинительного приговора необходимо указать, по каким причинам отвергнуты объяснения подсудимого в свою защиту и иные оправдывающие его доказательства, а также отметить мотивы, по которым другие доказательства устанавливают его виновность. Общая ссылка в приговоре на то, что доводы подсудимого, выдвинутые в свою защиту, не могут быть приняты во внимание, поскольку противоречат материалам дела, является неубедительной и свидетельствует о субъективизме судебного убеждения.

Чтобы судебское убеждение было признано достоверным, а приговор законным и обоснованным, необходимо, чтобы приво-

димая в нем мотивировка была последовательной и не содержала внутренних противоречий, чтобы соображения, изложенные в приговоре по всем рассматриваемым вопросам, полностью соответствовали материалам уголовного дела и вытекали из них. Логические ошибки, противоречия между данными судебного следствия и фактами, которые суд признал в приговоре установленными, между мотивировкой и резолютивной частью приговора делают мотивировку порочной и лишают судебское убеждение объективности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года.— Маркс К. и Энгельс Ф. Из ранних произведений, М., Госполитиздат, 1956, с. 517—642.
2. Маркс К. Дебаты по поводу закона о краже леса.— Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 119—160.
3. Маркс К. К критике гегелевской философии права.— Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 219—368.
4. Энгельс Ф. К жилищному вопросу.— Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 18, с. 203—284.
5. Энгельс Ф. Анти-Дюринг.— Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20.
6. Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии.— Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 269—317.
7. Маркс К. Апологетическая концепция производительности всех профессий.— Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. 1, с. 393—395.
8. Ленин В. И. От какого наследства мы отказываемся.— Полн. собр. соч., т. 2, с. 505—550.
9. Ленин В. И. Случайные заметки. Бей, но не до смерти. Полн. собр. соч., т. 4, с. 401—428.
10. Ленин В. И. Еще раз о партийности и беспартийности.— Полн. собр. соч., т. 19, с. 109—111.
11. Ленин В. И. Два мира.— Полн. собр. соч., т. 20, с. 10—18.
12. Ленин В. И. Рецензия.— Полн. собр. соч., т. 25, с. 111—114.
13. Ленин В. И. Задачи союзов молодежи.— Полн. собр. соч., т. 41, с. 298—318.
14. Ленин В. И. О взаимоотношениях партийных и судебно-следственных органов.— Полн. собр. соч., т. 44, с. 243.
15. Ленин В. И. Письмо в Политбюро ЦК РКП(б) 18 марта 1922 г.— Полн. собр. соч., т. 45, с. 53.
16. Ленин В. И. Письмо к съезду. Добавление к письму от 24 декабря 1922 года.— Полн. собр. соч., т. 45, с. 343—348.
17. Ленин В. И. Г. И. Бокию. 9/VIII 1921 г.— Полн. собр. соч., т. 53, с. 108—109.
18. Ленин В. И. Письмо П. А. Богданову. 23/XII 1921 г.— Полн. собр. соч., т. 54, с. 86—89.
19. Брежнев Л. И. Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза. М., Госполитиздат, 1971, 135 с.
20. Калинин М. И. О социалистической законности. М., «Известия», 1959, 188 с.
21. Алексеев С. С. Социальная ценность права в советском обществе. М., «Юридическая литература», 1971, 222 с.
22. Алексеев В., Шишкин Б. Толкование сомнений в пользу подсудимого.— «Советская юстиция», 1970, № 5.
23. Альперт С. А. Принцип публичности (официальности) и его значение в деятельности советских органов предварительного расследования.— «Уч. зап. ХЮИ», вып. 9. Харьков, 1957, с. 49—60.
24. Анашкин Г. З. Повысить качество рассмотрения уголовных дел судами первой инстанции.— «Социалистическая законность», 1961, № 1, с. 23—28.
25. Анашкин Г. З. Судейская активность и объективность.— «Советская юстиция», 1967, с. 3—4.

26. Ароцкер Л. Е. Тактика и этика судебного допроса.— «Юридическая литература», 1969, 120 с.
27. Ароцкер Л. Е. Судебная этика.— «Социалистическая законность», 1969, № 9, с. 31—35.
28. Арсеньев В. Д. Вопросы общей теории судебных доказательств в советском уголовном процессе. М., «Юридическая литература», 1964, 179 с.
29. Арсеньев В. Д. Об обоснованности обвинения и толковании сомнений в пользу подсудимого.— «Советская юстиция», 1970, № 19, с. 14—15.
30. Арсеньев В. Д. Критерии истины при установлении фактических обстоятельств в судебном и экспертном исследовании.— «Труды ВНИИСЭ», вып. 7, М., 1973, с. 89—115.
31. Бабаев В. К. Презумпции в советском праве. Автореф. канд. дис., Свердловск, 1969, 27 с.
32. Барский А. Б. О судебно-психологической экспертизе и ее значении в советском уголовном судопроизводстве.— В кн.: «Вопросы экспертизы в работе защитника», Л., Изд-во ЛГУ, 1970.
33. Белинский В. Г. Взгляд на русскую литературу 1847 г. (статья первая).— Собр. соч. в 3-х томах, т. 3, М., ОГИЗ, 1948, с. 766—801.
34. Белкин Р. С. Собираание, исследование и оценка доказательств. Сущность и методы. М., «Наука», 1966, 295 с.
35. Белкин Р. С., Винберг А. И. Криминалистика и доказывание. М., «Юридическая литература», 1969, 216 с.
36. Белкин Р. С., Винберг А. И. Криминалистика. Общетеоретические проблемы. М., «Юридическая литература», 1973, 264 с.
37. Бирюков Б. В. Кибернетика и методология науки. М., «Наука», 1973, 414 с.
38. Бородин С. В. Квалификация убийства по действующему законодательству. М., «Юридическая литература», 1966, 252 с.
39. Бохан В. Ф. Психологический анализ содержания судебного убеждения.— В кн.: «Вопросы судебной психологии», вып. 1. Минск, 1970, с. 34—53.
40. Бохан В. Ф. Коллективное убеждение суда и процесс его формирования.— В кн.: «Вопросы судебной психологии», вып. 2, Минск, 1972, с. 43—59.
41. Бохан В. Ф. Формирование убеждений суда. Минск, 1973, 160 с.
42. Брусиловский А. Е. Немые свидетели (из очерка по судебной психологии).— «Право и жизнь», 1928, кн. 2—3, с. 46—73.
43. Бунге М. Интуиция и наука. М., «Прогресс», 1967, 143 с.
44. «Бюллетень Верховного Суда СССР».
45. Венгольд Ю. Ю. Право как социалистическая категория. Фрунзе, 1962, 248 с.
46. Венгеров А. Б. О прецеденте толкования правовой нормы.— Уч. зап. ВНИИСЭ», вып. 6, М., 1966, с. 3—19.
47. Владимиров Л. Е. Учение об уголовных доказательствах. СПб, 1910, 232 с.
48. Вопросы уголовного права и процесса в практике Верховных Судов СССР и РСФСР. 1938—1969, сост. Бородин С. В., Левицкий Г. А. М., «Юридическая литература», 1971, 448 с.
49. Вопросы уголовного процесса в практике Верховного Суда СССР и Верховного Суда РСФСР, под ред. Карева Д. С. и Куликова В. З. М., «Юридическая литература», 1974, 272 с.
50. Геворкян Г. А. Вероятное и достоверное знание. Ереван, Изд-во АН Армянской ССР, 1965, 204 с.
51. Горский Г. Ф., Кокорев Л. Д., Котов Д. П. Судебная этика. Воронеж, Изд-во Воронежск. ун-та, 1973, 272 с.

52. Государственный обвинитель в советском суде. М., Госюриздат, 1954, 293 с.
53. Гранат Н. Л., Погибко Ю. Н. Внутреннее убеждение в структуре криминалистического мышления.— В сб.: «Вопросы борьбы с преступностью», вып. 17. М., «Юридическая литература», 1972, с. 125—143.
54. Гришанин П. Процессуальный порядок признания рецидивистов особо опасными.— «Советская юстиция», 1973, № 22, с. 22—24.
55. Давлетов А. К. О некоторых вопросах судебной психологии.— «Труды отделения правоведения», вып. 2. Фрунзе, 1964, с. 250—270.
56. Дагелъ П. С., Резниченко И. М. К вопросу о судебно-психологической экспертизе.— «Уч. зап. ДВГУ», т. XXI, ч. 2, Владивосток, 1969, с. 159—178.
57. Демократические основы советского социалистического правосудия, под ред. М. С. Строговича. М., «Наука», 1965, 392 с.
58. Джалилов Р. Д. О структурном анализе процессуального права.— Сб. «Вопросы уголовного права, прокурорского надзора, криминалистики и криминологии», вып. 3—4, Душанбе, 1973, с. 68—93.
59. Добровольская Т. Н. Принципы советского уголовного процесса. М., «Юридическая литература», 1971, 200 с.
60. Дорохов В. Я., Николаев В. С. Обоснованность приговора в советском уголовном процессе. М., Госюриздат, 1959, 235 с.
61. Дорохов В. Я. Закрепленная сила приговора в советском уголовном процессе.— «Советское государство и право», 1954, № 6, с. 79—96.
62. Дремов В. Г. Проверка достоверности измененных показаний несовершеннолетнего обвиняемого.— «Вестник МГУ», «Право», вып. 1, М., 1970, с. 58—76.
63. Ерунов Б. А. Мнение в системе человеческого познания. Л., 1973, 188 с.
64. Живкович Л. Теория социального отражения. М., «Прогресс», 1969, 289 с.
65. Завадский С., Кубицкий Л. Народный заседатель в уголовном процессе Польши.— «Советское государство и право», 1968, № 8, с. 126—127.
66. Зеленецкий В. С. Поняття і класифікація сукупності доказів у радянському кримінальному судочинстві.— «Радянське право», 1971, № 1, с. 36—38.
67. Земан И. Познание и информация. Гносеологические проблемы кибернетики. М., «Мысль», 1966, 281 с.
68. Иванов П. И. Психология. М., Учпедгиз, 1959, 386 с.
69. Калистратова Р. Ф. Обязательность указаний вышестоящего суда при новом рассмотрении дела.— «Уч. зап. ВИЮН», вып. 10. М., 1959, с. 72—96.
70. Каминская В. И. Презумпция истинности судебного приговора в советском праве.— «Советское государство и право», 1946, № 7, с. 39—50.
71. Каминская В. И. Учение о правовых презумпциях в уголовном процессе. М., Изд-во АН СССР, 1948, 153 с.
72. Карнеева Л. М. Привлечение к уголовной ответственности. Законность и обоснованность. М., «Юридическая литература», 1971, 136 с.
73. Карпец И. И. Наказание. Социальные, правовые и криминологические проблемы. М., «Юридическая литература», 1973, 228 с.
74. Керимов Д. А. Философские проблемы права. М., «Мысль», 1972, 472 с.
75. Кертес И. Тактика и психологические основы допроса. М., «Юридическая литература», 1965, 164 с.
76. Ключинская Л. А., Бергер Л. А. Несовершеннолетние и уголовный закон. Рига, 1967, 184 с.

77. Кобликов А. С. Существенная гарантия правосудия.— «Социалистическая законность», 1969, № 10, с. 35—38.
78. Ковалев А. Г., Мясичев В. Н. Психические особенности человека, т. II. Способности. Л., 1960, 482 с.
79. Ковалев А. Г. Психология личности. М., «Просвещение», 1969, 391 с.
80. Конкретно-социологические исследования в правовой науке. Киев, «Наукова думка», 1967, 192 с.
81. Коновалова В. Е. Организационные и психологические основы деятельности следователя. Киев, 1973, 122 с.
82. Копнин П. В. Введение в марксистскую гносеологию. Киев, «Наукова думка», 1966, 288 с.
83. Копнин П. В. Философские идеи В. И. Ленина и логика. М., «Наука», 1969, 484 с.
84. Косолапов Р., Марков В. Свобода и ответственность, М., Госполитиздат, 1969, 215 с.
85. Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. М., «Юридическая литература», 1972, 352 с.
86. Кузнецова Н. Ф. Уголовное право и мораль. М., 1967, 104 с.
87. Курагин Г. Г. К вопросу о природе правовых чувств в свете ленинских идей социальной психологии.— «Труды ВШ МВД СССР», вып. 27. М., 1970, с. 43—64.
88. Курылев С. В. Основы теории доказывания в советском правосудии, Минск, 1969, 204 с.
89. Курылев С. В. О достоверности и вероятности в правосудии.— «Правоведение», 1968, № 1, с. 63—74.
90. Лазарев В. В. Применение советского права. Казань, Изд-во Казанск. ун-та, 1972, 174 с.
91. Ларин А. М. Проблемы расследования в советском уголовном процессе. Автореф. докт. дис., М., 1970, 47 с.
92. Левитов Н. Д. О психических состояниях человека. М., «Просвещение», 1964, 312 с.
93. Левитов Н. Д. Психология. М., «Высшая школа», 1964, 415 с.
94. Лейтес Н. С. Умственные способности и возраст. М., «Педагогика», 1970, 274 с.
95. Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики. М., 1972, 574 с.
96. Лиеде А., Лукашевич В. Законность и обоснованность привлечения лица к уголовной ответственности в стадии предварительного расследования.— «Вопросы уголовного права, уголовного процесса и криминалистики», т. 93, Рига, 1968, с. 148—163.
97. Лузгин И. М. Методологические проблемы расследования. М., «Юридическая литература», 1973, 216 с.
98. Лукашевич В. З. Гарантии прав обвиняемого в советском уголовном процессе. ЛГУ, 1959, 169 с.
99. Лукашевич В. З. Принцип презумпции (предположения) невиновности — гарантия правосудия в советском уголовном процессе.— «Вестник ЛГУ», 1954, № 9, с. 90—101.
100. Лукашева Е. А. Социалистическое правосознание и законность. М., «Юридическая литература», 1973, 344 с.
101. Луков Г. Д., Платонов К. К. Психология. М., 1964, 344 с.
102. Лупинская П. А. Доказывание в советском уголовном процессе.— Изд-во ВЮЗИ, 1966, 56 с.
103. Лупинская П. А. Формирование и развитие принципа оценки доказательств в советском уголовно-процессуальном законодательстве.— «Труды ВЮЗИ», т. XVI. ч. I. М., 1969, с. 84—141.

104. Малинин. Убеждение судьи в гражданском процессе. Одесса, 1873, 217 с.
105. Малхазов И. И. Перемещение обязанности доказывания.— «Уч. зап. РГУ», т. IX, вып. 3, Ростов-н/Д, 1957.
106. Манышев Ю. Г. О структуре убеждений как философско-социологической категории.— «Научные труды ИИНХ», вып. 4(1), Иркутск, 1967, с. 220—242.
107. Мельвиль Ю. К. Проблема истины в прагматизме.— В сб.: «Современная идеалистическая гносеология», М., «Мысль», 1968, с. 327—376.
108. Мерлин В. С. Очерк психологии личности. Пермь, 1959, 283 с.
109. Морщакова Т. Г. и Петрухин И. Л. Социологические аспекты изучения эффективности правосудия.— В кн.: «Право и социология», М., «Наука», 1973, с. 253—290.
110. Мотовиловкер Я. О. Некоторые вопросы теории советского уголовного процесса в свете нового уголовно-процессуального законодательства. Кемерово, 1962, 296 с.
111. Мотовиловкер Я. О. О некоторых вопросах уголовно-процессуального законодательства.— «Советское государство и право», 1964, № 5, с. 110—121.
112. Мухин И. И. Объективная истина и некоторые вопросы оценки судебных доказательств при осуществлении правосудия. Л., 1971, 184 с.
113. Мясичев В. Н. Сознание как единство отражения действительности и отношения к ней человека.— «Проблемы сознания. Материалы симпозиума», М., 1966, с. 127—131.
114. Нажимов В. П. О свободе судейского убеждения в решении дел.— «Научные сообщения за 1962 г. (серия гуманитарных наук)», Ростов, 1963, с. 48—51.
115. Назаренко Е. В. Социалистическое правосознание и советское правотворчество. Киев, 1968, 143 с.
116. Настольная книга судьи. М., «Юридическая литература», 1972, 744 с.
117. Недбайло П. Е. Внутреннее убеждение судей и социалистическая законность.— В кн.: «Дальнейшее развитие советской демократии и укрепление социалистической законности», М., 1958, с. 34—35.
118. Нестеренко Г. Я. Проблема сознания в марксистской социологии. М., «Мысль», 1971, 276 с.
119. Неймарк М. З. К вопросу об экспериментальном исследовании направленности личности.— «Вопросы психологии», 1963, № 1, с. 25—42.
120. Никульшин В. А. К вопросу об уверенности как стороне вероятного знания.— «Уч. зап. Свердловск, педагог. ин-та», сб. 110, 1970, с. 49—74.
121. Остроумов Г. С. Правовое осознание действительности. М., «Наука», 1969, 176 с.
122. Пазенок В. С. Социализм и справедливость. М., «Мысль», 1967, 88 с.
123. Палиашвили А. Я. Экспертиза в суде по уголовным делам. М., «Юридическая литература», 1973, 144 с.
124. Панкратов В. В. Методология и методика криминологических исследований. М., «Юридическая литература», 1972, 136 с.
125. «Партийная жизнь».
126. Парыгин Б. Д. Основы социально-психологической теории. М., «Мысль», 1971, 352 с.
127. Пашкевич П. Ф. Объективная истина в уголовном судопроизводстве. М., «Юридическая литература», 1961, 172 с.
128. Перлов И. Д. Приговор в советском уголовном процессе. М., Госюриздат, 1960, 264 с.

129. Перлов И. Д. Кассационное производство в советском уголовном процессе. М., «Юридическая литература», 1968, 302 с.
130. Перлов И. Д. Судебная этика.— «Советское государство и право», 1970, № 12, с. 104—109.
131. Перлов И. Д. Надзорное производство в уголовном процессе, М., «Юридическая литература», 1973, 348 с.
132. Петросян М. И. Гуманизм. М., «Мысль», 1964, 326 с.
133. Петросян М. П., Согомолов Ю. В. О природе профессиональной этики.— «Философские науки», 1969, № 2, с. 73—86.
134. Петрухин И. Л. Внутреннее убеждение суда и правовые презумпции.— «Советское государство и право», 1964, № 3, с. 63—71.
135. Петрухин И. Л. О толковании сомнений в пользу подсудимого.— «Вопросы предупреждения преступности», вып. 2, М., «Юридическая литература», 1965, с. 41—51.
136. Пионтковский А. А., Чхи квадзе В. М. Укрепление социалистической законности и некоторые вопросы теории советского уголовного права и процесса.— «Советское государство и право», 1956, № 4, с. 32—48.
137. Платонов К. К. Проблема способностей. М., «Наука», 1972, 304 с.
138. Платонов К. К. О системе психологии. М., «Мысль», 1972, 216 с.
139. Полумордвиннов И. Д. Законная сила судебного решения. Тбилиси, Изд-во АН Грузинской ССР, 1964, 211 с.
140. Полянский Н. И. Оценка доказательств вышестоящим судом в уголовных делах.— «Советское государство и право», 1951, № 7, с. 29—41.
141. Полянский Н. Н. Вопросы теории советского уголовного процесса, М., 1956, 272 с.
142. Понеделков М. Н. Участие народных заседателей в рассмотрении уголовных дел и предупреждении преступлений. Автореф. канд. дис., М., 1972, 27 с.
143. Попов Н. В. Категории «внутреннее — внешнее» в научном познании. Киев, Изд-во КГУ, 1971, 236 с.
144. Пойа Д. Как решить задачу. М., «Прогресс», 1961, 193 с.
145. Поспелова З. Суд и подросток.— «Советская юстиция», 1969, № 18, с. 5—7.
146. Потопек Д. А. Правосознание как особое общественное явление. Киев, «Наукова думка», 1970, 112 с.
147. Правовые гарантии законности в СССР, под ред. М. С. Строговича. М., 1962, 475 с.
148. Прангшвили А. С. Установка и деятельность.— «Вопросы психологии», 1972, № 1, с. 3—10.
149. Проблемы методологии и методики правоведения, под ред. Керимова А. Д., Кудрявцева В. Н., Самощенко И. С., Кейзерова М. М. М., «Мысль», 1974, 206 с.
150. Проблемы человека в современной философии. М., «Наука», 1969, 432 с.
151. Радутная Н. В. Условия дальнейшего повышения качества деятельности судей.— «Советское государство и право», 1970, № 1, с. 59—67.
152. Радутная Н. В. О методике исследования эффективности участия народных заседателей в осуществлении правосудия.— В кн.: «Эффективность применения уголовного закона», М., «Юридическая литература», 1973, с. 192—207.
153. Радутная Н. В. Народный заседатель. М., «Юридическая литература», 1973, 120 с.
154. Радутная Н. В. Критерии профессиональной подготовленности судей.— «Советское государство и право», 1974, № 1, с. 92—102.

155. Радьков В. П. Социалистическая законность в советском уголовном процессе. М., Госюриздат, 1959, 254 с.
156. Ратинов А. Р. Судебная психология для следователей. М., 1967, 289 с.
157. Ратинов А. Р. Вопросы познания в судебном доказывании. «Советское государство и право», 1964, № 8, с. 89—105.
158. Ратинов А. Р. Структура и функции правового сознания.— В сб.: «Проблемы социологии права», вып. 1. Вильнюс, 1970, с. 178—182.
159. Ратинов А. Р., Зархин Ю. Следственная этика.— «Социалистическая законность», 1970, № 10, с. 35—39.
160. Рахунов Р. Д. Теория и практика экспертизы в советском уголовном процессе. М., Госюриздат, 1953, 264 с.
161. Рахунов Р. Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности по советскому праву. М., Госюриздат, 1961, 277 с.
162. Рахунов Р. Д. Независимость судей в советском уголовном процессе, М., 1972, 190 с.
163. Резник Г. М. Оценка доказательств по внутреннему убеждению. Автореф. канд. дис., М., 1969, 27 с.
164. Резник Г. М. Оправдание за недоказанностью.— «Советская юстиция», 1969, № 15, с. 11—14.
165. Резник Г. М. Внутреннее судебное убеждение и преюдиция.— «Советская юстиция», 1971, № 7, с. 10—11.
166. Резниченко И. М. О соотношении социалистического правосознания и внутреннего судебного убеждения.— «Уч. зап. ДВГУ», т. 14, Владивосток, 1968, с. 63—68.
167. Резниченко И. М. Установление достоверности и силы доказательств по гражданским делам.— «Уч. зап. ДВГУ», т. 32, Владивосток, 1969, с. 98—117.
168. Ривлин А. Л. Пересмотр приговоров в СССР. М., Госюриздат, 1958, 312 с.
169. Ривлин А. Л. Законность, обоснованность, истинность в уголовном судопроизводстве и их взаимосвязь.— «Правоведение», 1969, № 2, с. 27—37.
170. Ривлин А. Л. Нравственные начала в уголовном судопроизводстве.— «Советское государство и право», 1971, № 8, с. 110—114.
171. Рогачевский Л. И. О судебно-психологической экспертизе.— «Вопросы криминалистики», 1964, № 10, с. 36—43.
172. Розенталь М. М. Ленин и диалектика. М., «Наука», 1963, 334 с.
173. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. М., Госучпедгиз, 1946, 704 с.
174. Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. О месте психического во всеобщей взаимосвязи явлений материального мира. М., 1957, 309 с.
175. Рубинштейн С. Л. Принципы и пути развития психологии. М., 1959, 251 с.
- 175а. Савицкий В. М. Государственное обвинение в суде. М., «Наука», 1971, 344 с.
176. Сагатовский Б. Н. Структурный и генетический принцип расчленения объекта в системах философских категорий.— В сб.: «Проблемы исследования систем и структур». М., «Мысль», 1965, с. 69—98.
177. Самсонов Р. М. Социальная психология и идеология. Ереван, 1970, 187 с.
178. «Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР, 1924—1973». М., «Известия», 1974, 760 с.
179. «Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР по вопросам уголовного процесса, 1946—1962». М., «Юридическая литература», 1964, 335 с.

180. «Сборник постановлений Пленума, Президиума и определений Судебной коллегии Верховного Суда РСФСР, 1961—1963», М., «Юридическая литература», 1964, 448 с.
181. Свидерский В. И. О диалектике элементов и структуры в объективном мире и в познании. М., Соцэкгиз, 1962, 315 с.
182. Семенов В. М. Взаимная обязательность решений и приговоров в советском гражданском процессе.— «Вопросы советского гражданского права и процесса». М., 1955, с. 131—149.
183. Славин А. К. Наглядный образ в структуре познания, М., Госполитиздат, 1971, 271 с.
184. Случевский В. А. Учебник русского уголовного процесса. СПб, 1910, 591 с.
185. Смирнов Г. Л. Советский человек. М., Госполитиздат, 1973, 415 с.
186. Соловьев И. М. Психология познавательной деятельности нормальных и аномальных детей. М., «Просвещение», 1966, 222 с.
187. «Социалистическая законность».
188. Старченко А. А. Философия права и принципы правосудия в США. М., «Высшая школа», 1969, 119 с.
189. Строгович М. С. Учение о материальной истине в уголовном процессе. М.—Л., 1947, 276 с.
190. Строгович М. С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М., 1955, 384 с.
191. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса, т. 1, М., «Наука», 1968, 470 с.
192. Строгович М. С. Истина и только истина. «Известия», 29 февраля 1968 г.
193. Строгович М. С. Судебная этика, ее предмет и сущность.— «Советское государство и право», 1971, № 12, с. 88—97.
194. «Судебная практика Верховного Суда СССР».
195. Судьякин О. Т. Сущность и явление в уголовном процессе.— «Советское государство и право», 1968, № 6, с. 108—113.
196. СУ УССР.
197. Теория судебных доказательств в советском уголовном процессе. М., «Юридическая литература», 1973, 735 с.
198. Теплов Б. М. Психология. М., Учпедгиз, 1951, 224 с.
199. Тилле А. А. Презумпция знания законов.— «Правоведение», 1969, № 3.
200. Трусов А. И. Основы теории судебных доказательств. М., Госюриздат, 1960, 176 с.
201. Трусов А. И. Судебное доказывание в свете идей кибернетики.— Сб. «Вопросы кибернетики и право». М., «Наука», 1967, с. 20—35.
202. Туманов В. А. Вступление в силу норм советского права.— «Уч. зап. ВИЮИ», вып. 7. М., Госюриздат, с. 101—131.
203. Тугаринов В. П. Философия сознания. М., «Мысль», 1971, 199 с.
204. Тюхтин В. С. Отражение, системы, кибернетика (теория отражения в свете кибернетики и системного подхода). М., «Наука», 1972, 348 с.
205. Уголовный процесс, под ред. Алексеева Н. С., Элькин Д. П. С., Лукашевича В. З., М., «Юридическая литература», 1972, 584 с.
206. Уголовный процесс. М., «Юридическая литература», 1969, 464 с.
207. Уемов А. И. Основные формы и правила переноса выводов по аналогии.— В. кн.: «Проблемы логики научного познания». М., «Наука», 1964, с. 94—119.
208. Узнадзе Д. Н. Психологические исследования. М., «Просвещение», 1966, 440 с.

209. Уледов А. К. Структура общественного сознания. М., «Мысль», 1968, 324 с.
210. Ульянова Л. Т. Оценка доказательств судом первой инстанции. М., Госюриздат, 1959, 167 с.
211. Фарбер И. Е. Проблема социалистического правосознания в свете решений XXII съезда КПСС.— «Советское государство и право», 1962, № 2, с. 49—56.
212. Фарбер И. Е. Правосознание как форма общественного сознания. М., «Юридическая литература», 1963, 207 с.
213. Фаткуллин Ф. Н. Общие проблемы процессуального доказывания. Казань, 1973, 176 с.
214. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. т. 2. СпБ, 1897, 578 с.
215. Фресс П., Пиаже Ж. Экспериментальная психология, М., «Прогресс», 1966, 430 с.
216. Чельцов М. А. Советский уголовный процесс. М., Госюриздат, 1962, 503 с.
217. Черданцев А. Ф. Основные проблемы толкования теории советского права. Автореф. докт. дис., Свердловск, 1972, 48 с.
218. Чугунов М. С. Расследование и предупреждение хищений материалов в строительных организациях. Автореф. канд. дис., Саратов, 1966, 27 с.
219. Чхиквадзе В. М. Государство, демократия, законность. М., «Юридическая литература», 1967, 504 с.
220. Шептулин А. П. Категории диалектики. М., «Высшая школа», 1971, 279 с.
221. Шингаров Г. Х. Эмоции и чувства как форма отражения действительности. Автореф. канд. дис., М., 1965, 27 с.
222. Экмекчи А. Психология самоговора.— В сб.: «Вопросы совершенствования адвокатской деятельности в свете решений XXIII съезда КПСС», М., 1967, с. 51—70.
223. Экмекчи А. О судебно-психологической экспертизе.— «Советская юстиция», 1968, № 7, с. 10—13.
224. Элькинц П. С. Толкование и применение норм уголовно-процессуального права. М., «Юридическая литература», 1967, 192 с.
225. Эйсман А. А. О некоторых логических системах связи косвенных доказательств.— «Вопросы криминалистики», 1964, № 12, с. 50—69.
226. Эйсман А. А. Заключение эксперта. Структура и научное обоснование. М., «Юридическая литература», 1967, 152 с.
227. Эйсман А. А. Логика доказывания. М., «Юридическая литература», 1971, 112 с.
228. Ядов В. А. Идеология как форма духовной деятельности общества. Л., 1961, 143 с.
229. Яковлев А. М. О правомерии в американской социологии права.— «Уч. зап. ВНИИСЗ МЮ СССР», вып. 29. М., 1973, с. 118—132.
230. Яковлев Я. М. Судебная экспертиза при расследовании половых преступлений. Душанбе, 1966, 143 с.
231. Якуб М. Л. О тенденциях к ограничению процессуальных гарантий в исследовании отдельных видов доказательств в уголовном процессе буржуазных государств.— «Вестник МГУ. Право», 1973, № 4, с. 28—51.
232. Якуба Е. А. Право и нравственность как регуляторы общественных отношений при социализме. Харьков, 1970, 208 с.
233. Якубович Н. А. Окончание предварительного следствия. М., Госюриздат, 1962, 146 с.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Глава первая. Общая характеристика судейского убеждения и формирующих его факторов	5
§ 1. Структура и понятие судейского убеждения	5
§ 2. Методы изучения судейского убеждения	21
§ 3. Факторы, формирующие убеждение судьи	24
Глава вторая. Личность судьи и нравственные основы формирования судейского убеждения	34
§ 1. Общая характеристика личности судьи по профессии	34
§ 2. Нравственные начала формирования судейского убеждения	49
Глава третья. Профессиональное правосознание и его роль в формировании судейского убеждения	62
§ 1. Структура и понятие профессионального правосознания судьи	62
§ 2. Профессиональное правосознание — основа формирования судейского убеждения	70
Глава четвертая. Нормативные основы формирования судейского убеждения	92
§ 1. Роль уголовно-процессуального закона в формировании убеждения судьи. (Общие замечания)	92
§ 2. Преюдиции, презумпции и судейское убеждение	96
§ 3. Убеждение судьи и некоторые вопросы психологической экспертизы	109
Глава пятая. Фактические основы формирования судейского убеждения и их выражение в приговоре	119
§ 1. Характер полученных по делу знаний и убеждение судьи	119
§ 2. Судейское убеждение и мотивировка приговора	129
Литература	135

Юрий Михайлович Грошевой
ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ СУДЕЙСКОГО
УБЕЖДЕНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Редактор *Н. З. Алябьев*
 Обложка художника *В. П. Гарбаря*
 Техредактор *Г. П. Александрова*
 Корректор *Н. С. Калинина*

Сдано в набор 20/XI 1974 г. Подписано в печать 4/II 1975 г. Формат 60×84^{1/16}. Бумага типографская № 3. Усл.-печ. л. 8,4. Уч.-изд. л. 9,2.
 Тираж 4000 БЦ 50027 Цена 55 коп. Зак. 4—498.

Издательское объединение «Вища школа»
 Издательство при Харьковском государственном университете
 310003, Харьков, 3, Университетская, 16.

Отпечатано с матриц книжной ф-ки им. М. В. Фрунзе в гор. типографии № 16 областного управления по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, Харьков, 3, Университетская, 16. Зак, 459.